

Н. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО К А. Д. ТРУСОВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор печатаемых ниже писем, Николай Исаакович Утин, мало кому памятен в настоящее время, но в шестидесятых годах и в начале семидесятых он пользовался довольно широкой известностью как один из видных представителей русских революционных кругов. Насколько широка была его известность, можно судить по письму Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 28/16 августа 1867 г. из Женевы. Описывая свидание с И. С. Тургеневым и споры с ним на религиозные темы, Достоевский сделал следующее замечание: «Деизм нам дал Христа, т. е. до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный! А что же они-то, Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевские, нам представили?» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. II. М.—Л., 1930, стр. 31).

Как видим, с точки зрения Достоевского, Утин являлся крупной политической фигурой, и он не сомневался, что его корреспонденту имя Утина знакомо.

Точная дата рождения Николая Утина неизвестна. По тем данным, которыми мы располагаем, можно утверждать, что родился он в 1840 или 1841 г. *

Отец Утина был миллионером, нажившимся на винных откупах. Начал он свою карьеру в каком-то из отдаленных захолустных городков Северо-Западного края и при помощи удачных торговых оборотов очень быстро упрочил свое материальное благосостояние.

Повидимому, в середине пятидесятих годов семья Утиных переехала в Петербург. Здесь старик Утин приобрел роскошный дом и не менее роскошную дачу на островах. В Петербурге семья Утиных завела обширные знакомства. Фамилия Утина довольно часто встречалась на страницах прессы того времени.

На вечерах в доме Утиных собирались гости из самых разнообразных слоев петербургского общества. Здесь можно было встретить и видных представителей администрации, и богатых коммерсантов, и молодых литераторов, и ученых. Последних привлекала в дом Утиных его молодежь.

Старший из сыновей Утина, Борис Исаакович, в 1849 г. подвергшийся аресту в связи с делом петрашевцев, во второй половине пятидесятих годов состоял профессором Петербургского университета по кафедре «истории положительных законодательства». Три его брата — Николай, Евгений и Яков — были студентами этого же университета. Все это были люди незаурядные, занимавшие впоследствии довольно видное положение в петербургском обществе.

Борис Утин пользовался известностью как либеральный публицист и сотрудник «Вестника Европы». Евгений Утин (о котором см. выше) сделался популярным

* Мы основываемся в первую очередь на свидетельстве самого Утина в его письме 1877 г. к Мезенцову: «22-х лет (в 1863 г.) покинул родину» (XVI, 440). С этим согласуется и свидетельство Л. Ф. Пантелеева, по словам которого, Утин в 1861—1862 гг. был юношей двадцати одного года (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М., 1934, стр. 281). В словаре «Деятели революционного движения в России» (т. I, вып. 2, стр. 420) указано, что Николай Утин родился якобы в 1845 г. Отсюда эта дата перешла в ряд других изданий. Между тем она явно ошибочна: принимая ее, пришлось бы допустить, что Утин поступил в Петербургский университет в возрасте тринадцати лет.

адвокатом и тоже сотрудником «Вестника Европы», где он печатал литературно-критические публицистические статьи. Яков Утин по окончании юридического факультета работал в Министерстве юстиции; он также был не чужд литературной деятельности, но только по своей специальности, как юрист. Дочь Утина была замужем за известным историком и публицистом М. М. Стасюлевичем, редактором-издателем «Вестника Европы».

Старик Утин не жалел денег на образование своих детей. Его сыновья и дочь были окружены воспитателями, репетиторами и преподавателями. Летние месяцы семья Утиных обычно проводила за границей.

Николай Утин учился на историко-филологическом факультете. Это был прилежно занимавшийся студент, обративший на себя внимание профессоров и ректора (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. СПб., 1911, по указателю). Знал Утина как выдающегося студента и тогдашний попечитель Петербургского учебного округа И. Д. Делянов, впоследствии известный реакционер, а в то «либеральное» время разыгрывавший из себя либерала.

Еще будучи на третьем курсе, Утин готовил кандидатскую диссертацию об Аполлонии Тианском. К весне 1861 г. она была закончена. Несмотря на то, что у Утина был весьма опасный соперник в лице знаменитого впоследствии критика и публициста Д. И. Писарева, писавшего диссертацию на ту же тему, Утин вышел победителем: золотая медаль была присуждена ему, а его сопернику пришлось ограничиться серебряной (см. рассказ об этом Писарева в его статье «Наша университетская наука», написанной в 1863 г. — «Избранные сочинения», т. I. М., 1934, стр. 374).

Занимаясь усердно наукой, Утин в то же время отдавал много времени и студенческим общественным делам.

В годы революционной ситуации правительство было вынуждено внести серьезные изменения в распорядок университетской жизни. В стенах университетов появились совершенно не известные ранее студенческие корпоративные учреждения: кассы взаимопомощи, библиотеки, товарищеские суды и др. Студенты начали устраивать в аудиториях сходки и обсуждали свои нужды. Они избирали депутатов, которые представляли их интересы перед университетским начальством, вынужденным молчаливо мириться с этими новшествами. Одним словом, жизнь в университете бурлила.

Утин принимал деятельное участие во всех проявлениях студенческой корпоративной жизни. Он сумел быстро выдвинуться, приобрести популярность среди своих товарищей и завоевать их доверие. Обладая незаурядным красноречием, он часто выступал оратором на студенческих сходках.

Приведем несколько фактов, свидетельствующих о популярности Утина среди студентов и о влиянии, которым он пользовался.

В 1857 г. петербургские студенты наладили издание сборников своих научных работ. Утин был избран одним из редакторов этих сборников.

Участвовал он и в студенческом суде, организованном для разбора дела одного студента, обвинявшегося в растрате денег из студенческой кассы взаимопомощи (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 77).

В марте 1861 г. некоторым из петербургских профессоров удалось убедить попечителя учебного округа Делянова провести официальное признание существовавших тогда студенческих организаций и внести порядок в стихийно развивавшуюся корпоративную жизнь студенчества. Предполагалось выработать статут, который точно определил бы права и обязанности студентов и порядок работы организованных ими учреждений. Для этой цели была образована особая комиссия профессоров под председательством К. Д. Кавелина. В работе комиссии должны были принять участие и представители студенчества. Одним из них был избран Утин (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 74). Из работ этой комиссии ничего не вышло, так как весной 1861 г. правительство решило ликвидировать все вольности, которыми пользовались студенты.

Участвовал Утин и в политических выступлениях петербургского студенчества. Так, например, он играл видную роль в попытке русских студентов наладить сближе-

ние с их товарищами-поляками. Дело в том, что поляки, обучавшиеся в Петербургском университете, держались изолированно от русских и уклонялись от сближения с ними. Чтобы сломить недоверие поляков, в марте 1861 г. было устроено совещание делегатов русских и польских студентов. Собрание открылось речью Утина. Он говорил о братстве русского и польского народов, о необходимости предать забвению все счеты прошлого. Делегаты-поляки ответили на речь Утина весьма уклончиво и сдержанно, указывая, что для них на первом месте стоит их национальное дело — освобождение Польши. Утин отвечал, что русская молодежь, сочувствуя польскому делу, видит в русском правительстве общего врага, против которого необходима совместная борьба. «...У русской и польской молодежи, проникнутой демократическими идеями, — говорил Утин, — не может быть разногласия в конечных стремлениях» (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 102—103).

Красноречие Утина не достигло цели: ему не удалось сломить недоверие поляков. Однако его роль на совещании с поляками показывает, что уже к весне 1861 г. он определился как один из наиболее видных и авторитетных политических руководителей петербургского студенчества. Это ярко проявилось во время бурного студенческого движения осенью 1861 г.

Поводом для студенческих волнений послужили, как известно, новые правила, опубликованные Министерством народного просвещения. Ими запрещались всякие студенческие сходки, кассы взаимопомощи и библиотеки; вместе с этим вводилась плата за учение, закрывавшая доступ в университет людям малообеспеченным, и устанавливался строгий надзор за занятиями и поведением студентов.

Как только осенью 1861 г., после летнего перерыва, в университете возобновились занятия, стало ясно, что проведение в жизнь новых правил приведет к ряду недоумений и столкновений со студентами. Студенты открыто готовились к протесту против новых правил. Образовался тайный комитет для руководства движением. В него входил и Утин, который, по свидетельству Пантелеева, высказывался за самые активные выступления (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 183).

Несмотря на запрещение, сходки не прекращались. Собираясь в аудиториях, студенты обсуждали, как реагировать на реакционные мероприятия правительства. Тогда университетское начальство распорядилось держать на замке все свободные аудитории. Но и эта мера не помогла. 23 сентября студенты выломали запертые двери актового зала и устроили сходку, на которую собралось около пятисот студентов.

И здесь Утин выступил в роли руководителя студенчества. Официальный документ (донесение попечителя учебного округа министру народного просвещения) в таких выражениях рисует роль Утина на сходке 23 сентября: «Один из студентов (Николай Утин) с кафедры говорил своим товарищам о необходимости просить начальство отменить вводимые дисциплинарные правила, разрешить сходки студентов и освобождение от платежа лекций» (С. Гессен. Петербургский университет осенью 1861 года. — В сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 11).

Сходка 23 сентября приняла решение не подчиняться новым правилам и не вносить денег за учение.

Правительство сочло необходимым вмешаться в университетские события. В ночь на 26 сентября было арестовано несколько студентов, которых начальство считало «защитниками» и «подстрекателями». В числе арестованных был и Утин. Таким образом, он не мог уже принимать участие в дальнейших событиях, развернувшихся весьма бурно и приведших к закрытию университета правительством.

Сперва Утин был заключен в Петропавловскую крепость, а затем переведен в Кронштадт. Там ему пришлось пробыть до 4 декабря, когда состоялось высочайшее повеление по делу арестованных студентов. Утин отделался сравнительно легко: он был освобожден на поруки отца.

Закрытие университета не прервало связей Утина с его товарищами-студентами. Немедленно по освобождении из крепости он вошел в состав негласного комитета, производившего сбор денежных средств в пользу студентов, высылаемых из Петербурга (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 197). Среди членов этого комитета возникла мысль — организовать публичные лекции, которые до известной степени

заменяли бы студентам закрытый университет. Как известно, эта мысль была приведена в исполнение. Организованные студентами публичные лекции, для чтения которых привлекались лучшие научные силы того времени, пользовались громадным успехом не только среди студентов, но и в петербургском обществе вообще. Посещать их сделалось модой.

Утин принимал ближайшее участие в организации публичных лекций, которые, однако, вскоре были прекращены вследствие высылки из Петербурга популярного среди студенчества профессора истории П. В. Павлова за речь, произнесенную им на вечере, организованном Литературным фондом, и закончившуюся призывом к обновлению русской жизни.

Этот акт административного произвола вызвал большое негодование среди молодежи. Комитет, руководивший организацией публичных лекций, решил ответить на высылку Павлова демонстративным прекращением чтения лекций. Что же касается профессоров, то большинство из них настаивало на продолжении лекций. На этой почве разыгрался шумный инцидент. 8 марта 1862 г. студенты устроили обструкцию Н. И. Костомарову, явившемуся, несмотря на протесты студентов, читать очередную лекцию. Правительство решило запретить публичные лекции.

Утин был деятельным участником всех этих событий. Он выступал в качестве одного из делегатов студентов в переговорах с профессорами. Возмущенный неискренней и двуличной политикой профессоров, он, по свидетельству современника, не находил «достаточно резких слов, чтобы клеймить измену их» (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 201—203).

В то же время Утин был занят редактированием адреса от имени студентов министру народного просвещения с просьбою возвратить в Петербург высланного Павлова.

По закрытии правительством публичных лекций Утин вошел в состав образовавшегося при Литературном фонде отделения, ставившего своей задачей оказание помощи нуждающейся учащейся молодежи (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 221, 226—227).

Общественно-политическая деятельность Утина в первые месяцы 1862 г. не ограничивалась сказанным выше. Имеются указания на участие его в подпольной революционной работе, которая велась в то время в Петербурге. Кое-что об этом доходило до сведения III Отделения. В справке, составленной этим учреждением, мы находим следующие сведения: «Воззвание насчет Павлова составлено, без сомнения, партией Утина, что подтверждали Блюммер и Александровская, а также студент Самарин. Ходившее в Шах-клубе воззвание «Земская дума», как рассказывал там полковник Лавров, составлено тою же партией. Утин находился в близких отношениях с Чернышевским. Его партию поддерживали Благосветлов, Гиероглифов, Серно-Соловьевич. В начале мая 1862 г. Утин выехал в Москву, как можно предполагать, с преступною целью» (ЦГИАМ, ф. III, Отделения. Дело высочайше утвержденной следственной комиссии, 1862 г., № 82, лл. 74—76).

Эта справка основана отчасти на агентурных донесениях, отчасти на показаниях арестованных в 1862 г. Антонины Блюммер и Варвары Александровской. Агентурные донесения по самому своему характеру нуждаются в серьезной критической проверке. Показания же Блюммер и Александровской более достоверны, ибо эти женщины обладали значительными связями в оппозиционных и революционных кругах тогдашнего Петербурга: на их квартирах происходили вечера с участием посетителей, связанных как с революционными кружками, так и с редакциями оппозиционных органов прессы.

Попробуем разобраться в приведенной справке III Отделения.

«Воззвание насчет Павлова» — это небольшая прокламация, появившаяся 15 марта 1862 г. и содержащая в себе протест против высылки профессора Павлова (М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 13).

Уже на следующий день по выходе этой прокламации агент III Отделения доносил: «Не подлежит почти сомнению, что появившееся вчера воззвание насчет Павлова составлено партией Утина (...) Партия Утина состоит из сомкнутого общества.

КОМИТЕТ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ВЕДАВШИЙ В 1861 г. ПОСОБИЯМИ УЧАЩИМСЯ. В 1862 г. КОМИТЕТ ПЕРЕДАЛ ДЕЛА ОТДЕЛЕНИЮ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ УЧАЩИМСЯ ПРИ ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНДЕ Сидит (слева направо): С. И. Ламанский, А. Н. Макаров, А. Я. Герд, П. Л. Спасский, Л. Ф. Павтеев, В. Ю. Хороневский, Н. А. Неклюдов. Стоят (слева направо): П. А. Гайдебуров, В. Л. Гогоберидзе, Н. И. Утин, Е. П. Печаткин, Ц. Ф. Моравский

Фотография 1861 г. (воспроизводится с позднейшего отпечатка)

Исторический музей, Москва

действия коего остаются тайною для всех тех, которые не принадлежат к оному. Ясно то, что это общество более кого-либо защищает Павлова. Означенная партия вместе с тем горой стоит за Чернышевского...» («Красный архив», т. XIV, 1926, стр. 113). В конце мая в III Отделение поступило следующее сообщение агента, знакомого со студентом Самариным, близким к революционным кругам того времени. «Насчет воззвания в пользу профессора Павлова Самарин положительно утверждает, что их выпустили студенты Утин, Печаткин и Неклюдов, которые советовались по этому поводу с профессором Пыпиным» (там же, стр. 116). Наконец, причастность Утина к изданию этой прокламации была засвидетельствована, как указано выше, арестованными Блюммер и Александровской.

Мы уже знаем, как горячо реагировал Утин на высылку Павлова. Упомянем, что его фамилия имеется на подписном листе в пользу проф. Павлова, отобранном позже, при обыске у П. Л. Лаврова (В. Н. Нечаев. Процесс П. Л. Лаврова 1866 г.—«Сборник материалов и статей». Изд. редакции журнала «Исторический архив», вып. 1, 1921, стр. 65). Поэтому участие Утина в составлении и издании прокламации, выпущенной по поводу этого акта правительственного произвола, представляется весьма вероятным.

Значительно меньше оснований настаивать на причастности Утина к изданию прокламации «Земская дума». Эта прокламация появилась в апреле 1862 г. Она была выпущена от имени мифической тайной организации, которая якобы носила название «Земская дума» и настолько развила свою деятельность, что будто бы объединяла ряд «областных кружков». Эта прокламация требовала «полного освобождения крестьян со всею владеемою ими земель» и созвания земской думы из выборных от всех сословий. Кем была выпущена эта прокламация, неизвестно, но мистификаторский характер ее несомненен: организации, от имени которой она была выпущена, в действительности не существовало. Разговоры же в Шах-клубе — слишком ненадежный источник, чтобы на основании исключительно их одних можно было утверждать причастность Утина к «Земской думе». К тому же П. Л. Лавров, на которого ссылается справка III Отделения, в начале шестидесятых годов имел настолько мало связей с революционным подпольем, что принимать на веру его сообщения, не подтверждаемые другими источниками, не приходится. Однако уже самый факт разговоров, связывавших фамилию Утина с появлением прокламаций и утверждавших существование «утинской партии», весьма характерен и заслуживает внимания, свидетельствуя о том, что весной 1862 г. фамилия Утина пользовалась значительной известностью не только в студенческих, но и в обывательских кругах Петербурга.

Справка III Отделения отмечает близкие отношения, существовавшие между Утиным и властителем дум революционной молодежи того времени — Чернышевским. Опубликованные агентурные донесения, а также и другие источники дают некоторый материал для освещения этого вопроса.

Хорошо известно, что Чернышевский внимательно следил за студенческим движением того времени и относился к нему с большим сочувствием. В связи с этим, повидимому, и произошло знакомство Чернышевского с Утиным. Агенты III Отделения отметили, что 30 декабря Утин и еще три студента посетили Чернышевского. 2 января Утин вновь был у него («Красный архив», т. XIV, 1926, стр. 105, 106). Особенно часто Утин начал посещать Чернышевского с марта 1862 г., что, несомненно, стояло в связи с делом проф. Павлова и с демонстрацией 8 марта, о которой сказано выше. По агентурным сведениям, Утин посетил Чернышевского 14 и 22 марта (там же, стр. 113, 115.) Продолжались ли его посещения в апреле, нам неизвестно. Зато мы знаем, что в мае он был одним из наиболее частых посетителей Чернышевского. Донесение от 5 мая отмечает, что Утин был у Чернышевского два раза. 8 мая агент сообщил, что «чаще других посещают Чернышевского доктор Боков, Утин, Воронов и рассыльный „Современника“, Вонарев». Интересно сообщение, содержащееся в донесении от 21 мая. Только что возвратившийся из Москвы Утин посетил Чернышевского и, не застав его дома, «очень жалел об этом». С 18 мая по начало июня было отмечено три посещения Чернышевского Утиным. Затем он посетил его 6, 18, 25, 26 июня и 6 июля (там же, стр. 119—122; т. XXIX, 1928, стр. 177).

Эти данные показывают, что весной и летом 1862 г., до самого ареста Чернышевского, Утин был одним из наиболее частых его посетителей. Известно также, что и Чернышевский бывал у Утина. Пантелеев рассказывает, что однажды Чернышевский зашел к Утину как раз в то время, когда у него заседал студенческий комитет, обсуждавший упомянутый выше адрес министру народного просвещения относительно возвращения сосланного профессора Павлова. Узнав в чем дело, Чернышевский, по словам Пантелеева, отговорил студентов подавать этот адрес (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 226).

О близости Утина к Чернышевскому свидетельствует и следующий факт, сообщенный М. А. Антоновичем. По его словам, Чернышевский во время обыска, произведенного у него перед арестом, улучил удобную минуту и попросил присутствовавшего при этом двоюродного брата своей жены, В. И. Рычкова, сообщить Утину, чтобы он не беспокоился («Шестидесятые годы в воспоминаниях М. Антоновича и Г. Елисеева». М.—Л., 1933, стр. 129—130). Надо думать, что Чернышевский хотел дать Утину понять, что никаких компрометирующих документов у него не осталось. Во всяком случае, просьба Чернышевского показывает, что у него, несомненно, были какие-то конспиративные дела с Утиным. Вряд ли можно сомневаться, что они находились в связи с деятельностью Утина в тайном обществе «Земля и воля».

На близость Утица к Чернышевскому указывали и добровольные осведомители III Отделения. В анонимном доносе, полученном в начале июня 1862 г., между прочим, говорилось: «Ник(олай) Утин—правая рука Чернышевского; юношу бы за границу, но навсегда, а Николая Гавриловича — куда хотите, но скорее отнимите у него возможность действовать» (М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. М.—П., 1923, стр. 178—179). Автор другого доноса, полученного III Отделением в середине июля того же года, выражал благодарность этому учреждению за арест Чернышевского и добавлял: «Приглядывают ли у вас за Н. Утиным? Демагог и решительная голова» («Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», т. II. М., 1928, стр. 436).

Однако III Отделение не нуждалось в подобных указаниях: оно и без них хорошо было осведомлено о близости Утина к Чернышевскому. В записке о Чернышевском, составленной для следственной комиссии, разбиравшей его дело, III Отделение относил Утина к числу лиц, «особенно близких» к Чернышевскому («Красный архив», т. XXIX, 1928, стр. 182).

Таким образом, Утин имел достаточное основание для того, чтобы называть Чернышевского своим учителем и лучшим другом, как он делал это не раз в письмах к Огареву и Герцену, которые мы публикуем.

Из других видных деятелей революционного движения начала шестидесятых годов, повидимому, довольно близок был к Утину Шелгунов. Об этом можно судить по тому, что весной 1862 г. Шелгунов, по свидетельству Пантелеева, принес Утину для распространения пачку каких-то прокламаций. Пантелеев предполагает, что это была прокламация к офицерам, широко распространенная в Петербурге в марте 1862 г. (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 81).

Таким образом, тесная связь Утина уже в начале 1862 г. с петербургским революционным подпольем является несомненной. Мало этого, агентура III Отделения, как мы уже видели, говорила о существовании в это время «утинской партии». Конечно, это выражение не следует понимать в смысле существования вокруг Утина какой-либо организации, действительно заслуживавшей название «партии». Под «утинской партией» надо понимать кружок близких друзей и единомышленников Утина, группировавшихся вокруг него.

Из кого же состоял этот кружок? Точно ответить на этот вопрос трудно по скудости дошедшего до нас материала. Кое-какие указания, однако, имеются. Так, например, по доносу петербургскому обер-полицмейстеру Анненкову его агента, студента-технолога Волгина, к утинскому кружку принадлежали студенты Евг. Печаткин, П. Баллод, Беневоленский и другие (XV, 325). В. Александровская относил к «утинской партии» студентов Спасского, Л. Ф. Пантелеева, В. Гогоберидзе, а также М. Богданову и М. Коркунову (Б. Козьмин. К истории «Молодой России». — «Каторга и ссылка», 1930, № 5, стр. 62—63).

Все перечисленные Волгиным и Александровской лица действительно принимали в той или иной мере участие в революционном движении 1861—1862 гг. Близость к Утину некоторых из них стоит вне сомнений, других — представляется весьма верооятной.

Каков бы ни был состав «утинской партии», самые разговоры о ней свидетельствуют, что уже тогда Утин считался одним из вожаков революционной молодежи. Характерно, что в «антинигилистическом» романе Писемского «Взбаламученное море» Утин был выведен в лице одного из сыновей-нигилистов еврея-откупщика Гусина.

Популярность, которой Утин пользовался в кругах молодежи, побудила инициаторов тайного общества «Земля и воля» обратить на него внимание, когда они начали работу по сплочению в этом обществе всех революционных сил.

В марте 1862 г. член Центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцов предложил Утину войти в тайное общество. Это было вскоре после инцидента с Костомаровым и прекращения публичных лекций. Утин и раньше, по свидетельству Пантелеева, заводивший разговоры о необходимости сплоченной революционной организации (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 255), охотно принял предложение Слепцова. «Я согласился, — писал он впоследствии М. М. Стасюлевичу, — потому что только в работе тайного общества видел тогда хоть какую-нибудь надежду на движение вперед из создавшегося туника» (XVI, 79).

Известно, что «Земля и воля», эта крупнейшая по числу членов тайная организация шестидесятых годов, состояла из кружков-пятерок (по числу членов каждого кружка), связанных между собою Центральным комитетом, возглавлявшим общество.

Первоочередная задача, стоявшая перед Утиным, сводилась к созданию своей пятерки. Одним из членов ее Утин наметил Л. Ф. Пантелеева, с которым сблизился во время работы в комитете, организовавшем публичные лекции. В начале апреля Утин пригласил Пантелеева к себе и познакомил его со Слепцовым и другим видным деятелем «Земли и воли» — С. Рымаренко. Слепцов изложил программу «Земли и воли» и задачи тайного общества. Пантелеев согласился войти в него (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 255 и сл.). Кроме него, Утин привлек в свою пятерку М. С. Гулевича, А. А. Жука и В. В. Лобанова (XVI, 82).

Первым серьезным делом, выпавшим на долю Утина, были, повидимому, переговоры с московским революционным кружком П. Г. Заичневского. К сожалению, об этих переговорах нам известно только по сообщению В. Александровской. По ее словам, в середине марта 1862 г. в Петербург приехали члены кружка Заичневского, Ап. П. Покровский, И. В. Понятовский, Д. П. Евреинов и Рубинский. По их просьбе, Александровская познакомила их с Утиным, пригласив его к себе. «К удивлению моему, — рассказывает Александровская, — (Утин) приехал не один, а с Пантелеевым и Гогоберидае, — последнего я даже и не знала. Меня они старались удалить, но, тем не менее, до меня доходили некоторые слова, из которых я могла заключить, что они друг перед другом чем-то хвалились, и, наконец, перецеловавшись, разъехались все в одно время. Впоследствии я узнала, что они опять где-то съехались в эту ночь, присоединив к себе еще несколько лиц; из них знаю только фамилию Слепцова, сотрудника „Современника“, — и тут соединили оба общества в одно...» (Б. Козьмин. Указ. статья, стр. 62—63).

Не говоря уже о том, что Александровская явно спутала сотрудника «Современника» В. А. Слепцова с А. А. Слепцовым, в ее показаниях имеется еще одно более важное отступление от действительности. Объединение, о котором говорит Александровская, не состоялось: кружок Заичневского в «Землю и волю» не вошел. И это вполне понятно, ибо программа Заичневского, изложенная им в знаменитой прокламации «Молодая Россия», была значительно более радикальной, нежели программа «Земли и воли».

Из приведенных выше агентурных сообщений мы знаем, что в начале мая Утин ездил в Москву. Вряд ли можно сомневаться в том, что эта поездка имела своей целью продолжение переговоров с членами кружка Заичневского. В Москве Утин окончательно убедился в безнадежности попыток добиться соглашения с кружком Заичневского. Его пребывание в Москве совпало с появлением прокламации «Молодая

Россия», с очевидностью обнаружившей, насколько расходятся дороги кружка Заичневского и «Земли и воли». Нам уже приходилось высказывать предположение относительно того, что прокламация «Предостережение», захваченная жандармами при обыске у П. Баллода и являвшаяся ответом на «Молодую Россию», была написана Утиным (Б. Козьмин. К истории «Молодой России». — «Каторга и ссылка», 1930, № 6, стр. 61—70). Это предположение и теперь представляется нам вполне обоснованным.

Было бы неверным полагать, что задачи московской поездки Утина исчерпывались исключительно переговорами с членами кружка Заичневского. В Москве тогда

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Литография, 1854 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

существовали и другие революционные группы, в частности так называемая «Библиотека казанских студентов» Ю. М. Мосолова и Н. Шатилова. Вряд ли можно сомневаться в том, что Утин во время пребывания в Москве был связан и с ними.

Июнь и июль 1862 г. были для «Земли и воли» весьма тяжелым временем. Правительственная реакция нанесла тайному обществу тяжелый удар. В лице Чернышевского, арестованного царским правительством, революционное движение потеряло виднейшего и авторитетнейшего руководителя и теоретика. Аресты Н. А. Серно-Соловьевича и С. Рымаренко лишили центр «Земли и воли» двух выдающихся по своей энергии революционеров. А. А. Серно-Соловьевич, уехавший за границу, знал, что на родине его ожидает арест, и решил остаться на положении эмигранта. А. А. Слепцов в июне уехал в продолжительную поездку по России для организации ряда отделений «Земли и воли» в провинции. Из членов центра в Петербурге оставались только Н. Н. Обручев и В. С. Курочкин, но они во избежание провала держались более чем конспиративно.

Для утинской пятерки хуже всего было то, что, вследствие ареста Рымаренко и отъезда Слепцова, она утратила всякую связь с центром общества. Мало того,

бездеятельность центра породила даже у Утина и его товарищей сомнение в том, продолжит ли центр существовать. Среди членов утинской пятерки возникла мысль заменить собою не проявляющий никаких признаков жизни центр. Возникновение этой мысли Слепцов рассматривал позднее как проявление «слабости Утина» и присущего ему желания роли и популярности» (XVI, 82). Однако из сказанного выше очевидно, что обстоятельства действительно толкали утинский кружок к проявлению самостоятельности.

Летом 1862 г. Утин и его товарищи по своей инициативе организовали на одной из дач на Петербургской стороне тайную типографию, шрифты для которой доставил В. И. Бакст, владевший в Петербурге легальной типографией. Работали в этой типографии несколько молодых людей, членов кружка Ф. С. Судакевича и М. Островского; этот кружок был известен под названием «Петербургская коммуна». Утин был близок с членами этого кружка еще со студенческого времени. Типография, созданная Утиным и его товарищами, в сентябре выпустила написанную Утиным прокламацию «К образованным классам» и принялась за подготовку первого номера нелегального журнала (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 279—280).

Самый факт появления прокламации «К образованным классам», независимо даже от ее содержания, имел большое значение, свидетельствуя о том, что, несмотря на многочисленные аресты, правительству не удалось разбить революционеров наголову и что в подполье попрежнему продолжается тайная работа.

Деятельность «Земли и воли» оживилась только после возвращения в Петербург А. А. Слепцова. В ноябре 1862 г. Утин вместе с Г. Е. Благосветловым были кооптированы в Центральный комитет. Одновременно с этим утинская пятерка была признана в качестве Петербургского окружного комитета тайного общества (XVI, 85).

В составе нового Центрального комитета Утин и Слепцов, несомненно, были наиболее активными членами. О роли Утина и об отношении к нему товарищей по комитету можно судить по важности возложенных на него поручений. Наиболее серьезным из них являлись переговоры с польскими революционерами и организация типографского дела.

В декабре 1862 г. в Петербург приехал член польского Народного Центрального комитета Сигизмунд Падлевский с поручением договориться с русскими революционерами относительно совместных выступлений. Центральный комитет поручил Утину и Слепцову вести переговоры с Падлевским.

Падлевский сообщил, что в Польше готовится восстание, и поставил вопрос, смогут ли русские революционеры оказать помощь полякам. Слепцов и Утин открыто объяснили Падлевскому, что их тайное общество находится еще в периоде организации и что пока силы его недостаточно велики, чтобы оно могло оказать полякам существенную поддержку. При этом они добавили, что «революция в России немислима прежде мая месяца 1863 г.» (XVI, 87; ср. Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 287—289).

Вследствие отъезда Слепцова в начале января 1863 г. за границу дальнейшие сношения «Земли и воли» с поляками легли всецело на Утина.

Одновременно ему пришлось вести работу и по налаживанию типографского дела. Ввиду того что петербургской типографии, организованной, как мы уже говорили, Утиным, грозил провал, пришлось думать о переводе ее в другое место. Подходящее место было найдено в Люцинском уезде, на мызе Мариенгаузен, принадлежавшей помещику Либскому. Туда и была переведена типография, и туда же выехали члены «Земли и воли» — И. Г. Жуков, Д. Т. Степанов и М. К. Вейде.

В Мариенгаузене были отпечатаны два номера «Свободы» и другие прокламации, выходившие от имени «Земли и воли».

В феврале 1863 г. типографии стала угрожать непредвиденная опасность. Дело в том, что в Люцинском уезде появились отряды польских повстанцев. По сведениям русских властей, мыза Мариенгаузен была одной из баз «мятежников». Ввиду этого было решено занять ее русскими войсками.

Узнав об этом, работники типографии решили спасти, что можно. Забрав с собою шрифты, типографские принадлежности и часть тиража только что отпечатанного № 2

«Свободы», они покинули Мариенгаузен. Однако 26 февраля Степанов и Жуков были задержаны в деревне Кобыльске Островского уезда Псковской губернии. При них оказалось все, что они успели захватить с собою из Мариенгаузена, в том числе семьдесят экземпляров «Свободы».

Первоначально Степанов и Жуков дали весьма уклончивые показания, ссылаясь на какого-то несуществующего Брянцева, по поручению которого они якобы производили печатание. Однако запирательство их продолжалось недолго. Степанов вынужден был признать, что деньги на расходы и материал для печатания он получал от Утина и ему же сдавал продукцию типографии.

В ночь на 18 мая у Утина был произведен обыск, но он успел скрыться до этого (ЦГИАМ, ф. III Отделения, 1 эксп., 1863, № 97, ч. 8 «О задержанных в Псковской губ. студенте Степанове и отставном штабс-капитане Жукове и о возмутительных воззваниях»).

Расследование показало, что еще 2 мая Утин уехал из дома, сказав будто бы отцу, что отправляется в Гатчину, на дачу к своим знакомым Штакеншнейдерам. 14 мая, обеспокоенный продолжительным отсутствием сына, старик Утин заявил о его исчезновении петербургскому генерал-губернатору кн. Суворову (то же дело III Отделения, ч. 90 «О бывшем студенте Николае Утине», л. 13; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 330).

В письме к отцу из Брюсселя от 5/17 июля 1863 г., пересланном адресатом кн. Суворову, Николай Утин так объяснял причины, побудившие его покинуть Россию: «Почти за неделю до моего ухода из Петербурга я был предупрежден как частными лицами, так и одним из лиц, которым почти всегда известно, кого правительство намерено арестовать, т. е. лицом, прежде мне не известным и принадлежащим к тайному политическому обществу, предупрежден о том, что меня намерены арестовать... Вслед за тем я получил более подробные и угрожающие сведения о моем положении; тогда же мне были предложены деньги для побега... Наконец, в среду 1 мая я (...) отправился в канцелярию Суворова справиться о своем отпуске за границу; конечно, он был еще не готов; отсюда я намеревался отправиться за город... Когда я прошел несколько шагов, меня остановил один господин: „Вы — Николай Утин?“ — Я. — „Вам угрожает опасность слишком серьезная, вас решили погубить... Вы избраны жертвой. Валуев поздравлял Александра Николаевича с открытием революционного вождя (эти идиоты воображают, что вы во главе всех политических действий!)“» (то же дело III Отделения).

Центральный комитет «Земли и воли», согласившись, что Утину следует уехать за границу, снабдил его деньгами на дорогу и необходимыми адресами. Ввиду того что бегство через западную границу представлялось весьма рискованным из-за происходивших там военных действий против польских повстанцев, было решено отправить Утина через Черное море. Член «Земли и воли» П. А. Ровинский проводил его до какого-то южного порта, кажется Таганрога, и помог сесть на корабль (Л. Ф. Пантелеев. Назв. соч., стр. 294).

Через много лет после своего бегства Утин писал М. М. Стасюлевичу: «Сколько раз я раскаивался в своей торопливости, которую не мог простить ни себе, ни своим товарищам, не поверив Центральному комитету, что опасность угрожала мне вовсе не такая серьезная, как представлялось Петербургскому комитету. Страх моих товарищей так подействовал на меня, что после двух бессонных ночей в ожидании ареста я не выдержал и уехал, подталкиваемый ими и изнервничавшийся» (XVI, 98).

Были ли у Утина основания раскаиваться в своей поспешности и признавать свое бегство из России ошибкой? Думается, что после вышеизложенного ответ на этот вопрос должен быть совершенно ясен. Мы знаем, что и обывательская молва, и донесения агентов тайной полиции давно уже связывали фамилию Утина с различными революционными предприятиями. Еще весной 1862 г. по Петербургу ходили упорные слухи о том, что Утин будет в ближайшее время арестован и даже что он уже подвергнут аресту.

«Вчера один господин в Павловске спрашивает меня, правда ли, что все Утины арестованы?» — писал 8 июня 1862 г. М. М. Стасюлевич своей жене, сестре

Н. И. Утина. А через три дня он извещал ее: «В городе при встрече с кем бы то ни было от всех слышишь вопрос: правда ли, что Николай Утин схвачен?» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. СПб., 1911, стр. 406, 408).

В настоящее время нам известно, что слухи эти были не случайны. Напуганное развитием революционного движения, правительство еще в конце апреля 1862 г. поставило вопрос о необходимости принять чрезвычайные меры «для охраны общественного порядка и безопасности». В числе таких мер предполагался внезапный чрезвычайный одновременный обыск у всех заподозренных в причастности к революционному движению. Тогда же был составлен список заподозренных, в который включено было пятьдесят человек. В числе их был и Николай Утин. Правда, в конце концов было решено, что производство массового обыска преждевременно. Однако в июне того же года правительство арестовало почти всех лиц, фамилии которых вошли в упомянутый список. И если Утин тогда не попал в число арестованных, то лишь потому, что у правительства еще не было формальных улик, изобличающих его. Тем не менее в то время Утину грозила серьезная опасность.

«Сам Суворов изволил спрашивать у меня, каким образом я до сих пор еще не арестован», — писал впоследствии Н. И. Утин своему отцу (цитированное выше дело III Отделения об Утине, л. 24). Тот же Суворов считал нужным предупредить Пантелеева: «Ваше близкое знакомство с Утиным не доведет вас до добра» (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 378).

Известное нам показание Степанова дало, наконец, правительству твердое доказательство причастности Утина к «Земле и воле». Из допросов же арестованных участников польского восстания правительству стало известно и о роли Утина в переговорах с польскими революционерами. Так, видный деятель польской колонии в Петербурге Иосафат Огрызко на допросе показал, что «в главе» русского тайного общества, ведшего переговоры с поляками, стоял Утин. Его участие в переговорах с поляками было отмечено также в показаниях одного из руководителей восстания — Оскара Авейде и артиллерийского офицера Владислава Коссовского, бывшего в 1863 г. представителем польских революционеров в Петербурге (Н. В. Гоголь. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржовд в деле последнего мятежа. Вильно, 1866, стр. 54 и 60).

При таких условиях арест Утина был неминуем, и если Степанов и Жуков заплатили за свою работу в типографии «Земля и воля» каторгой, то несомненно, что не меньшее наказание было бы обеспечено и Утину, если б он попал в руки жандармов.

Вот почему приходится признать, что у Утина были вполне достаточные основания, чтобы покинуть пределы России. Это необходимо подчеркнуть, так как недоброжелатели Утина распускали слухи, будто он бежал из России из мальчишеского страха, не имевшего реальных оснований.

Жандармы, явившиеся в ночь на 18 мая арестовать Утина, испытали большое разочарование, убедившись, что намеченная жертва ушла из их рук. Пришлось вместо бежавшего сына подвергнуть аресту (правда, домашнему) отца, на поруки которого после студенческой истории 1861 г. был отдан сын. Мало этого, Муравьев-вешатель отдал распоряжение о предании старика Утина военному суду. И только вмешательство крупнейших петербургских коммерсантов, указавших, что из-за ареста Исаака Утина они «могут разориться, не учинив с ним расчетов», привело к отмене распоряжения Муравьева (XVI, 437—439).

Николая Утина судили заочно в военном суде при Динабургском ординарсаузе. Его признали виновным в принадлежности к «Земле и воле», в издании ее журнала, в «сношениях с польским революционным правительством в целях содействовать ему в распространении мятежа» и, наконец, в побеге за границу. За эти преступления Утина признали нужным «лишить всех прав состояния и казнить смертью расстрелянием, каковое наказание исполнить над ним по поимке или по явке его в отечество, имущество же его, Утина, как бежавшего за границу и не явившегося по вызову начальства, взять в опекуновское управление». 27 ноября 1865 г. приговор этот был подтвержден помощником командующего войсками Виленского округа (там же, 439).

КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ КЛАССАМЪ.

Семь летъ прошло съ того времени, когда Россия приняла на себя клятву пролетария съ радостными надеждами. Въ то время многие готовы были забыть о кричащихъ рынкахъ—спасахъ, изнуренныхъ ослезъ. Тернистый путь реакционныхъ кривъ, въ послѣднее время, сложился горько слезливымъ путемъ, о томъ, какъ откровенно наругалось надъ истинъ законченъ требованіи и надеждами чистѣйшее правительство.—Но къ сѣбѣ эти бр-шенія режима правительства быстро подвинула его на пути своего паденія: истерія нежелательно доказываетъ, что драматическія правительства всегда старались поддерживать свое существованіе однимъ тоненькимъ всего честного, обманали, подкупали, но тѣмъ самымъ только ускоряли свое паденіе. Теперь, значитъ, главный вопросъ для насъ, классовъ состоитъ въ томъ, сколько меньшинствъ захотѣть поддержать это правительство, обещавъ намъ осуществленіе своего плана.

Желаніе изменить образованнымъ классамъ, что пока еще отъ нихъ зависитъ, способствовать болѣе или менѣе лучшему исходу этого вопроса и заставляетъ насъ снова вернуться къ станокъ. И на такое напоминаніе мы имѣемъ полное право, —его дала намъ истинная жизнь, жизнь не оправдаемое логическіе выше, образованные классы. Мы достаточно долго молчали для того, чтобы настъ на сѣбѣ запоздалости въ желаніи насильственно навязать с соі воззрѣнія, теперь очередь за нами.

Появленіе Молодой России, случившееся столкувшейся съ этимъ повальномъ пожаромъ—вызвало всеобщее смятеніе, при которомъ правительство нашло возможность воспользоваться нашимъ наступленіемъ аскриковъ. Падущіе литературные органы правительствъ послѣднихъ обинитъ изъ тучныхъ поджигателей о разорванію ноздрей для того, чтобы выдуть противъ нея волну не въ чью сторону. И мы способны были возгорѣть безбурной клеветѣ, въ истерию биле даже просить защиты у египетскаго — въ эту истерию созданнымъ изнурившимъ войной житействъ. И въ—во послѣднее высказавъ свои стеченіе политикѣ о русскихъ гражданскихъ обинитѣхъ личное судъ, разбрасывая, бѣшеніе... даже въ одно подорожное.

Такое безотрадное поведеніе возмущаетъ одинъ изъ двухъ вопросовъ о разномыслии, классамъ, надъ въ осуществленіи къ нигири-савъ своей роли, съ силой собственной безпомощности? Или вы знаете, что такое слово и—во? — Вся Россия раздѣлена на воинскихъ положеніе. Дѣл п—пешныхъ революционныхъ жѣртъ воскресаютъ злодѣи, подобные Лауину, кровожадная матрѣ которыхъ приказала даже Николаю, и почтительное право вѣшать и разстрѣливать... ваши отцы, сыновья браться томатъ изъ клеветкахъ, ни одинъ честный человекъ не можетъ быть убитымъ, что его не скажутъ и не согласятъ въ матерѣ... разстрѣливанъ въ Варшавѣ офицеровъ и солдатъ (за нигири-Вилларуса, которому громко съучастовала вся Россия) сказать, по закону, только при—а—во... возможность народнаго образованія уничтожена закрѣпленіе въ чужихъ школахъ, всѣхъ сажать же п—дочъ изобрѣтеной клеветы; лучшие органы общественнаго мнѣнія запрещены; а по закону вынуждены правительствомъ в печати въ литературѣ жуть свободны парить только пресрѣнные полукругные спекуляторы.

Въ изданіи—продолженіи тотъ же снѣгущи произведетъ, осмѣи—вшаго вопроса, проклятіе непоминной крови крестьянъ, любимое привадами и шпиками вѣшать братьевъ и сыновей—студентовъ, заточеніе ихъ въ заложны, гонимые пресрѣнны. Въ бѣжкахъ, будущіе нѣтъ же убійствъ и—о—во, по закону, полукругъ, пресрѣнны всего честнаго... Честные люди не должны и не могутъ оставаться равнодушными зрителями такого истиннаго подорожнаго! —Опомнитесь! Помните, что и—во, действующее такое образованіе, само ведетъ себя къ бездну паденія, но пусть же оно гибнетъ само, не утѣшаясь, само по себѣ образованіе классы —Мы, ваши братья, не можемъ быть противъ васъ, но если вы будете на сторонѣ и—на, то народъ, грешное вѣнчаніе котораго обманутъ, будетъ противъ насъ, и тѣмъ самымъ вы за—ставите быть противъ насъ и насъ, — не имѣющихъ права и не имѣющихъ желанія отстать отъ народа въ минуту роковой борьбы.

И—во противъ сотни людей въ козачество, а испл, становъ, стоитъ безразлично и бѣдѣ стоять. И—во пора было бы подумать, что ни какой угрозы не могутъ заставить людей стать съ стѣной, что составляетъ вопросъ къ жизни, и что каждаго преступное дѣйствіе его только уманитъ энергію людей посмѣющихся себѣ великому дѣлу освобожденія чуждымъ же мнѣніемъ и—во тѣмъ же великимъ жертвѣ? Чуждымъ же мнѣніемъ есмы, сложныя политическія дѣйствія, еще и—во въ злодѣйстваніи и преступленіи.

30 августа 1862

А. Краевскій, Н. Павловъ, Усовъ, П. Мельниковъ, Курьеръ.

«КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ КЛАССАМЪ. ЛИСТОВКА Н. И. УТИНА. 1862 г.

Издание одной из истерок петербургского отделения общества «Земля и воля»

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

Покинув пределы России, Утин направился в Лондон, к Герцену. Только в начале августа 1863 г. ему удалось добраться до цели.

В листе 169 «Колокола» от 15 августа 1863 г. было напечатано письмо Утина Центральному комитету «Земли и воли», датированное 10 августа 1863 г. В нем читаем:

«Прибыв, наконец, в Англию, считаю первым и главным своим делом уведомить печатно Комитет общества „Земли и воли“ об успешном исходе моего путешествия, длившегося так долго вследствие моей случайной тяжелой болезни. Благодарю публично Комитет за своевременное предупреждение меня о грозившей мне гибели; благодарю за снабжение меня всем нужным для выхода из России; за средства, как денежные, так и все другие; за пути, которые были мне указаны» (XVI, 437).

В том же листе «Колокола», сообщая о благополучном прибытии за границу Николая Утина и бежавшего из тюрьмы Ивана Кельсиева, Герцен писал: «Два энергических представителя университетской молодежи, с двух совершенно разных сторон, спаслись от преследования петербургского правительства (...) От души приветствуем их обоих в Европе» (XVI, 436).

В Англии Утин пробыл до начала 1864 г. Живя там, он занимался главным образом переправкой герценовских изданий в Россию. Отношения его с Герценом и Огаревым, весьма дружеские на первых порах, к концу его пребывания в Англии начали разлагиваться. Об этом можно судить по письмам Герцена к Огареву, написанным уже после отъезда Утина из Англии. Так, например, 1 марта 1864 г. Герцен писал Огареву: «... не понимаю твоей удовлетворимости, даже не понимаю ее и относительно Утина. Мне кажется, что ты дешевишь себя». То же и в письме от 3 марта: «Мне не нравится тон институтской *salinerie* * его и твоих писем, а ты мне не позволяешь находить, что ты дешево отдаешься» (XVII, 64, 69).

Эти слова Герцена дают основание предполагать, что еще до отъезда Утина между ним и Герценом происходили какие-то недоразумения. Можно думать, что они возникли в связи с вопросом об участии Утина в «Колоколе». Еще 11 ноября 1863 г. Герцен писал Огареву: «Ст(атья) Ут(ина) только в конце может быть помещ(ена), то есть, где он говорит о „З(емле) и в(оле)“, но лучше подождать...» (XVI, 516). Из этого можно заключить, что статья, написанная Утиным для «Колокола», была забракована Герценом. Для самолюбивого Утина это было большим ударом. Возможно, что под этим впечатлением у Утина тогда же возникла мысль об издании своего журнала. По данным III Отделения, Утин, уезжая из Лондона, уговаривал Тхоржевского ехать вместе с ним, чтобы взять на себя издание задуманного Утиным журнала; однако Тхоржевский отказался, вследствие чего это предприятие не было осуществлено (ЦГИАМ, ф. III Отделения, 1 эксп., 1863, № 97, ч. 90, лл. 121—127).

Однако недоразумения из-за статьи Утина были только поводом, вызвавшим охлаждение между ним и Герценом; корни же их расхождения крылись гораздо глубже. П. Л. Лавров правильно указывал, что Утин во многом отличался от других русских эмигрантов того времени. «Он являлся, — писал Лавров, — представителем существующей уже в России революционной организации, и, привыкнув к тому влиянию, которое он имел в университетской молодежи Петербурга, даровитый и самолюбивый молодой человек готовился не к подчиненной роли рядом со старыми эмигрантами» (П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., изд. 2. Л., 1925, стр. 27). Революционер с солидным по тем временам стажем, член Центрального комитета крупнейшей из существовавших тогда в России революционных организаций, Утин имел основания рассчитывать, что издатели «Колокола» будут прислушиваться к его мнению, хотя сам и не считал возможным принять предложение Герцена относительно участия в редакции «Колокола» (см. письмо № 15). Как показывают печатаемые ниже письма Утина, между ним и издателями «Колокола», особенно Герценом, существовали серьезные тактические разногласия. Утин, как и другие представители «молодой эмиграции», не хотел забыть про те либеральные колебания, которые проявлялись у Герцена в годы подготовки крестьянской реформы 1861 г. и которые обусловили политические расхождения между издателями «Колокола» и редакторами

* лести (франц.).

«Современника». Они не могли забыть про эти колебания тем более, что и после 1861 г. пережитки их порой проявлялись в политической линии Герцена, вызывая сильное недовольство со стороны «молодых эмигрантов», не умевших иногда за слабыми сторонами Герцена разглядеть великого революционера. При таких условиях охлаждение во взаимоотношениях между Утиным и редакторами «Колокола» было неизбежно. Можно предположить, что переселение Утина из Лондона в Брюссель, а затем в Швейцарию было отчасти обусловлено убеждением в невозможности сработать с Герценом.

В Швейцарии Утин нашел кружок русских эмигрантов, сблизиться с которыми ему было гораздо легче, чем с Герценом. В большинстве своем это были люди приблизительно того же возраста, что и Утин. Они являлись типичными представителями разночинной интеллигенции, воспитанными в круге тех же идей и считавшими своими политическими учителями тех же писателей, что и Утин. Революционное прошлое Утина импонировало им. Подобно Утину его товарищи по эмиграции относились к Герцену с большой насторженностью.

Это проявилось особенно ясно в конце 1864 и начале 1865 г., когда в Женеве состоялся съезд русских эмигрантов. Воспользовавшись присутствием Герцена, эмигранты, как жившие в этом городе, так и съехавшиеся для этой цели из других городов Швейцарии, сообщили Герцену свои пожелания. Они настаивали на том, чтобы «Колокол» был превращен в общеэмигрантское предприятие и чтобы их представители участвовали в распоряжении так называемым бахметевским фондом, находившимся в руках Герцена. Их выступления против Герцена отличались порой весьма резким характером. Герцен оправдывался и нападал на своих противников с не меньшей резкостью, доказывая необоснованность их претензий.

На женевском съезде Утин выступал как решительный противник Герцена. «У(тин) хуже других по безграничному самолюбию, — писал Герцен Огареву из Женевы 4 января 1865 г. — Я до сих пор не могу понять твоего падения в Cowes с ним, твоих любовных писем к нему...» (XVIII, 6).

Женевский съезд привел не к улучшению, а к ухудшению взаимоотношений между Герценом и «молодой эмиграцией». В письмах Герцена можно найти ряд чрезвычайно резких отзывов об Утине, свидетельствующих, насколько были обострены отношения между ними. Герцен отзывался об Утине, как о «не совсем честном человеке», и называет его «самым лицемерным из наших заклятых врагов» (XX, 163, 164).

Публикуемые письма Утина к издателям «Колокола» дают возможность уточнить, в чем именно заключались разногласия между ними и Утиным.

Еще в 1864 г. Утин в одном из писем заявил о своем расхождении с редакцией «Колокола». Поводом для этого был готовившийся съезд представителей революционных организаций различных славянских народов. Предполагалось, что русская эмиграция выступит на этом съезде как единое политическое целое. Однако Герцен и Огарев написали приветствие съезду исключительно от своего имени. Познакомившись с этим документом, Утин заявил против него решительный протест не только потому, что считал вредным для дела изолированное от остальной эмиграции выступление издателей «Колокола», но и по несогласию с содержанием их выступления.

Из письма Утина к Огареву от 27 апреля 1864 г. мы узнаем, что в документе, написанном Герценом и Огаревым (он неизвестен), имелась между прочим такая фраза: «Внутренние перемены в смысле гражданской свободы правительство ставит так, что эти перемены никого не удовлетворяют». Утин указывал, что такая формулировка находится, по его мнению, в вопиющем противоречии с принципами, провозглашенными русскими революционерами и, в частности, «Землей и волей». «Мы, — писал Утин, — высказали в „Свободе“ ясно необходимость прямого разрыва с правительством, мы показали ясно, что ни в одном из лживых маневров правительства, именуемых реформами, нет и не может быть смысла; мы указывали, почему относимся к нынешнему императорству как к полнейшему бессмыслию. Ваши слова о „реформах в смысле гражданской свободы“ идут в прямой разрез со всею донынешнею пропагандою».

Нельзя не признать, что в этом случае Утин был вполне прав: за неудачной формулировкой Герцена и Огарева скрывались не изжитые еще вполне пережитки их

либеральных иллюзий. Надо добавить, что Огарев был настроен более миролюбиво по отношению к «молодой эмиграции», нежели Герцен. Огарев неоднократно делал попытки убедить своего друга в необходимости сблизиться с молодежью и договориться о совместной работе. Но Герцен твердо стоял на своем.

Одна из таких попыток, как это видно из печатаемых ниже писем, была сделана Огаревым в начале 1867 г., когда эмигранты Л. И. Мечников и Н. И. Жуковский вступили с ним в переговоры относительно издания общими силами русского трехмесячника. Огарев отнесся весьма сочувственно к этому предложению.

Что же касается Утина, то он знал об обращении Мечникова и Жуковского и разрешил им действовать и от его имени. Однако письмо, полученное им по этому поводу от Огарева, должно было убедить Утина, насколько трудно будет и на этот раз «молодой эмиграции» договориться с издателями «Колокола» о совместной работе.

К сожалению, письмо Огарева к Утину не дошло до нас*; сохранился только ответ на него Утина. Из этого ответа выясняется, что Огарев, приглашая Утина принять участие в новом журнале, в то же время «повторял обычные обвинения» против молодых эмигрантов. Это дало Утину повод не только требовать точного определения программы будущего органа, но и сформулировать основные пункты разногласий между ним и его друзьями, с одной стороны, и Герценом и Огаревым — с другой.

Предложение Огарева («Герцен напишет предисловие, в котором объяснит направление» журнала) не могло, естественно, удовлетворить Утина, и он указал Огареву, что программа должна быть выработана сообща всеми участниками задуманного предприятия, тем более, что направление «Колокола», которого, по мнению Огарева, должен придерживаться и новый журнал, далеко, с точки зрения Утина, от полной ясности, четкости и последовательности и нередко отличается колебаниями и противоречиями.

В виде примера Утин сослался на отношение издателей «Колокола» к царскому правительству. Он указывал на необходимость раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было «обращений к Зимнему дворцу» и напоминал Огареву о стародавнем недовольстве петербургских революционеров компромиссами Герцена с царем. При этом Утин писал: «...Я и теперь — и опыт времени оказался за Петербург — буду отстаивать справедливость отношения Чернышевского; я и теперь готов доказывать, что хвалыбы Александру II уже потому были ложны, что землю крестьянам дала не „добрая воля царя“, а горячее отстаивание ее Чернышевским и вами. Ваши статьи на тему „народ царем обманут“ были гораздо последовательнее, чем тосты за Освободителя» (письмо от 14 февраля 1867 г.).

С этой же точки зрения Утин подходил к оценке предложения Огарева о передаче крестьянам земель, конфискованных русским правительством у польских помещиков, участвовавших в восстании 1863 г. Он указывал на недопустимость одобрения петербургского правительства, даже в том случае, если бы оно «вздумало превращать Польшу хотя бы в социалистическую фаланстерию». «Польская земля, — писал он, — должна быть свободна от русского ига — и только до этого нам есть дело. Иначе мы становимся на скользкий путь, где цель оправдывает всякие средства; иначе мы должны бы восторгаться разными Бисмарками etc. Огарев писал о необходимости «подстрекать правительство в его бессознательно-социальных поползновениях». «Мы видели, — замечает по этому поводу Утин, — достаточно эти бессознательно-социальные проекты правительства; одно имя могло бы быть опровержением вашему воззрению — Муравьев; вот орудие, избираемое правительством для своего социализма». К правительству, указывал Утин, следует относиться «как к язве, которая может только заражать и причинять бедствия, а не благосостояние народа».

* Не дошли или остаются неразысканными и остальные письма Огарева к Утину, кроме письма от конца марта 1867 г., напечатанного по черновику в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 64-66. — Из ответных писем Герцена к Утину известно письмо от июля 1869 г., о котором см. ниже, стр. 690 и, предположительно, письмо от 25 декабря 1864 г., опубликованное в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 271-278. — *Ред.*

Сообщая Герцену о своих переговорах с представителями «молодой эмиграции», Огарев старался убедить своего друга, что проектируемый журнал насущно необходим и имеет все шансы на успех. «... „Revue“ внесет, — писал он, — некоторую систематичность в изложение социологии, а „Колок(ол)“ примет совершенно ежедневные вопросы в свое заведование — и (...) это поднимет оба издания» (письмо от 4 марта 1867 г. — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 435).

Однако доводы Огарева не убедили Герцена. «Итак (...), старая штука повторяется, — отвечал он своему другу: — revue будут издавать *общими* силами, но так что деньги и статьи будут *наши* (...) Где доказательство яростного желания читать заграничные издания?» (XIX, 226).

Моему казематному
другу
Ивану Рождественскому
Н. И. Утин
8 марта 62 г.

Н. И. УТИН

Фотография с дарственной надписью на обороте: «Моему казематному другу Ивану Рождественскому. Н. Утин. 8 марта 62 г.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Для Огарева было слишком тяжело отказаться от мысли о совместной работе с молодежью. Поэтому, сняв вопрос о создании нового журнала, он выдвинул взамен проект восстановления не выходившей с 1862 г. «Полярной звезды». Ему казалось, что по отношению к изданию такого типа, как «Полярная звезда», являвшемуся скорее сборником статей и иных литературных материалов, можно будет избежать предварительной постановки вопроса о программе и направлении. Об этом плане он сообщил Утину, добавив, однако, при этом, что он сам на девять десятых не согласен с замечаниями Утина относительно направления «Колокола» и с его объяснением причин розни среди эмигрантов.

Утин не мог принять этот проект Огарева. «Что касается до „Полярной звезды“ в таком виде, в каком она была, — писал он, — то, действительно, для нее не требуется никакой программы, так как до сих пор она всегда составлялась из случайно накопившихся статей. Но для нас имел бы значение не случайный сборник, а определенный целесообразный радикальный журнал. Теперь очевидно, что наше желание создать такой журнал вместе с вами — рушится. А затем, вы сами знаете, что давать статьи в сборник, редакция коего и вместе с тем главные участники несогласны со мною в девяти десятых направления, — я столько же не могу, сколько и вы не можете их принимать» (письмо от 22 марта 1867 г.).

Этот ответ Утина положил конец переговорам, происходившим между Огаревым и представителями «молодой эмиграции».

В годы эмиграции Утина развернулась его литературная деятельность, начавшаяся еще до бегства из России; он сотрудничал тогда в «Энциклопедическом словаре», выходившем под редакцией П. Л. Лаврова. В этом издании он печатал статьи и заметки по истории Палестины, об Апокалипсисе, о религиозных сектах и др. (см. «Сборник материалов и статей». Изд. редакции журнала «Исторический архив», вып. 1, 1921, стр. 67).

Нет никакой возможности установить полностью все, что было написано Утиным в годы эмиграции.

Сотрудничал он — правда, sporadически — в «Колоколе»; до сих пор нам известны следующие его произведения, помещенные здесь: «Еще об университетской реформе» (л. 177 от 15 января 1864 г.); «Николай Гаврилович Чернышевский» (л. 189 от 15 сентября 1864 г.); маленькие заметки о «Невском сборнике» и о «Рефлексах головного мозга» Сеченова (л. 238 от 1 апреля 1867 г.).

Возможно, что в «Колоколе» были и другие его произведения, до сих пор не выявленные. Однако число их было невелико.

Сотрудничал Утин-эмигрант и в русской легальной прессе. Возможно, что он посылал корреспонденции из Швейцарии в газету «С.-Петербургские ведомости» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II. СПб., 1912, стр. 488). Из печатаемого ниже письма Утина к Огареву от 22 июня 1864 г. видно, что Утин вел литературную работу для «Современника». Какие именно произведения Утина были напечатаны в «Современнике», установить, к сожалению, не удалось. С уверенностью можно предполагать, что им была написана статья «О публицистах популяризаторах и о естествознании» («Современник», 1865, № 9), направленная против Писарева и без достаточных оснований приписываемая некоторыми исследователями П. Л. Лаврову*.

Регулярно сотрудничал Утин в «Вестнике Европы», основанном в 1866 г. М. М. Стасюлевичем. Он писал в этом журнале с 1867 по 1871 г. под псевдонимами «И. Н.» и «Абр. Сем.». Почти все его статьи в этом журнале написаны на темы, относящиеся к политической истории Франции в XVIII и XIX веках. К событиям прошлого Утин подходил не как беспристрастный исследователь, которого прошлое интересует само по себе, без связи с современностью, а как политический деятель, стремящийся извлечь из истории уроки для настоящего. Недаром в одном из писем к Огареву он называл свои литературные работы «историческими аналогическими статьями». В прошлом его интересовали преимущественно те явления, в которых он находил черты, аналогичные с современными.

Близкое участие принял Утин в журнале «Народное дело», выходившем в Женеве в 1868—1870 гг. Журнал этот был основан группой эмигрантов во главе с Бакуниным. Первый номер его вышел осенью 1868 г. Он состоял почти целиком из статей Бакунина. По выходе его среди сотрудников обнаружилось глубокие принципиальные разногласия, в результате которых Бакунин и некоторые другие члены группы порвали с журналом. С этой поры направление «Народного дела» коренным образом изменилось. Новая его редакция, в которой руководящую роль играл Утин, отказалась от анархистской программы первого номера «Народного дела». Исходя из идей Чернышевского, обновленное «Народное дело» вело ожесточенную

* По гонорарным книгам «Современника» выясняется, что гонорар за эту статью был выписан на имя А. А. Жука. Однако считать последнего автором статьи нет никаких оснований, так как никакими сведениями об участии его в литературе мы не располагаем. Между тем Александр Антонович Жук был близок с Н. И. Утиным и принадлежал к пятерке, возглавлявшейся Утиным и входившей в состав «Земли и воли». Естественно предположить, что эмигрант Утин, не имевший возможности лично получить в конторе «Современника» гонорар, поручил сделать это своему другу А. А. Жуку. Что касается предположения об авторстве П. Л. Лаврова, то этому предположению противоречит содержание интересующей нас статьи: ее автор признает закономерность общественных явлений, между тем как Лавров, придерживавшийся субъективного метода в социологии, отрицал ее.

борьбу против бакунинского анархизма, вспышечнопускательства и бунтарства, а так же против авантюристической агитации, которую развернули в 1869—1870 гг. Бакунин и Нечаев. «Народное дело» много внимания уделяло работе Интернационала и проповедовало необходимость перенесения его опыта в русское революционное движение. В 1870 г. группа, издававшая этот журнал, организовала Русскую секцию Интернационала, поддерживавшую Генеральный совет во главе с Марксом в их борьбе против раскольнической политики Бакунина и его последователей. Деятели Русской секции (Н. Утин, А. Трусков, О. Левашева, Е. Бартенева, Е. Дмитриева и др.) принимали деятельное участие в работе женевских секций Интернационала. Им удалось лишить Бакунина и его сторонников того влияния, которым они одно время пользовались среди рабочих Женевы. После Гаагского конгресса Интернационала его деятельность фактически была свернута; в связи с этим прекратила свое существование и Русская секция.

Утин переехал в Брюссель, где окончил Политехнический институт и сделался инженером. От участия в революционном и рабочем движении он отошел. В 1880 г. он получил разрешение вернуться в Россию, где стал работать в качестве инженера на одном из уральских заводов. Умер Утин в Петербурге в 1883 г.

Все письма, за исключением 8-го, печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 116 и 176), письмо 8—по автографу «софийской коллекции».

1

ОГАРЕВУ

I(sle) o(f) W(hite). Ventnor
NB. *Richmond villa*. Запомните
и пишите ее, а не *Vincent villa*.
Четверг. 8 октября (1863 г.)

Я кренко целую дорогого патриарха за его стихотворение, несмотря на то, что оно уж слишком лестно для меня, ну да свои люди — сочтемся¹. Стихотворение действительно прекрасно и тепло, как *теплы* и все ваши поэтические произведения — и за эту-то теплоту и любит так молодежь ваши стихи, оттого-то и поется ваша «Свобода»² на всех вечеринках; оттого ваши «Монологи»³ и знаются весьма многими наизусть и повторяются и до сих пор... Латинское заглавие в переводе, кажется, просто: «*Сим победиши!*...», но и латинское очень хорошо...

Я не знаю, что вы еще будете поправлять тут, а привыкши говорить с вами откровенно, замечу только, что следующие выражения не по мне:

Как прежде, верю я в исход...

Это не верно, и не должно — *как прежде* показывает, что вера ваша хоть в один момент утрачивалась, а этого мы от вас слышать не хотим; неправда, *говорите*, что у вас всегда была вера...

И верю, верю я в исход...

хоть бы так, всё лучше.

Потом слово *неизбежное* спасенье — *неточно* и не то выражает: *необходимое* спасенье, т. е. непременно грядущее; значит, нужно тут слово другое...

И *крепче держится* в руке; опять хочется заметить то же, что и о *как прежде*; *крепче* — значит, была минута, что слабела рука, — и опять этого мы не хотим от вас. А за хоругвь «Земли и воли» опять-таки целую. Только когда будете печатать это стихотворение, т. е. в следующем «Колоколе», то, ради всего святого, скажите, чтоб слова «Земля и воля» были отпечатаны *крупными* буквами — вы не поверите, как сильно и магически и хорошо действуют эти слова, читаемые в «Колоколе», на передовую

молодежь — она видит всегда в этих *подчеркнутых* словах *отклик* с того берега на свою деятельность... Амен!⁴

Зачем вы забыли в «Колоколе» поместить благодарность Кельсиева — ее бы можно поместить в следующем номере, хоть эпиграфом: «Лучше поздно, чем никогда...»⁵. Нефтель⁶ сегодня сказал мне, что ему сообщают, что 12 октября приезжает Бакунин с женою. Я сделал, как будто и не слышал об этом раньше. Я думаю, что Бакунин едет просто потому, что у него денег нет, а откуда он возьмет здесь?...⁷ С кем это, с К.⁸, объяснялся он и где? Бакст⁹ ничего мне не оставил, а ему нужно отписать, я вообще боюсь, чтоб он (не) уехал недовольный отсюда, и его бы нужно поскорее снабдить деньгами. Написали ли вы принципиалу?¹⁰ Напишите ли Баксту или чтоб я написал? Куда тогда адресовать и можно ли писать, что надеемся скоро прислать ему деньги?

У меня еще к вам *личная* просьба. Достаньте мне, пожалуйста, *адрес* некомпromетированный, чтоб я мог дать его *родным* для писания мне из Петербурга; это крайне необходимо; а еще желательнее было бы иметь такой адрес где-нибудь в Германии или Франции; брат¹¹ очень настоятельно просит этого и говорит, что они желали бы так устроить, чтоб на всякий случай был кто-нибудь в Германии или Франции, кому они могли бы посылать *даже* деньги для передачи мне... Но это последнее, т. е. о деньгах, они сумеют и иначе устроить, а *адрес-то* вы мне достаньте — нет ли какой-нибудь барыни, спросите-ка Наталию Алексеевну¹² и сообщите мне этот адрес елико возможно скорей, потому что иначе я опоздаю сообщить его брату. *Не забудьте* *жс*. Что это вы *морите* меня с газетами — пошлите... До свидания. Пишите же своему другу молодому.

Н. У т и н

¹ Речь идет о стихотворении Огарева «Сим победиши», напечатанном в л. 172 «Колокола» от 1 ноября 1863 г. и являвшемся ответом на статью «Братское слово» в предыдущем, 171-м, листе «Колокола» от 1 октября 1863 г. Статья эта была написана по поводу «всеподданнейшего адреса», поднесенного от имени московских студентов Александру II в связи с польским восстанием. Возмущенный этим подхалимским адресом, неизвестный автор статьи выражал свое негодование, напоминая недавнее прошлое (1860—1862), когда московские студенты активно и самоотверженно участвовали в революционном движении, и призывал русскую молодежь к борьбе против русского правительства. Статья была написана человеком, хорошо знакомым со студенческим движением в Москве и с деятельностью кружка Заичневского и Аргиропуло. Огарев ознакомил Утина со стихотворением еще до появления его в печати.

² Стихотворение Огарева «Свобода» впервые было напечатано в «Полярной звезде» на 1858 год и в собрании его стихотворений, вышедшем в Лондоне в том же году, и очень скоро стало одной из популярнейших революционных песен.

³ «Монологи». Огарева были впервые напечатаны в «Современнике», 1847, № 3.

⁴ Указания, сделанные Утиным по поводу стихотворения «Сим победиши», были учтены Огаревым при печатании его. Огарев заменил латинское название стихотворения русским. Вместо «Как прежде верю я в исход», в печатном тексте мы читаем: «И верю, верю я в исход...». Вместо «неизбежного спасенья» в печатном тексте: «в наше светлое спасенье», а вместо «крепче держится в руке»: «крепко держится». Слова «Земля и воля» в конце стихотворения были напечатаны в «Колоколе» вразрядку.

⁵ Утин имеет в виду незадолго до того бежавшего за границу И. И. Кельсиева. В л. 172 «Колокола» появилась следующая заметка: «Иван Кельсиев просит нас заявить в „Колоколе“ его благодарность комитету и членам общества „Земля и воля“ — за содействие его уходу из России». Повидимому, Утину был прислан корректурный экземпляр л. 172, в котором «благодарности» Кельсиева еще не было.

⁶ О В. Ф. Нефтеле см. в настоящем томе, стр. 399—400.

⁷ М. А. Бакунин выехал из Стокгольма в Лондон 8 октября 1863 г. В Стокгольме он находился для установления связи с финскими революционерами и обеспечения доставки лондонских изданий в Россию через Финляндию.

⁸ К. — Э. Ф. Квантэн, финн, содействовавший Бакунину в выполнении указанных в предыдущем примечании задач. Ссора с Квантэном была последствием ссоры Бакунина с А. А. Герценом, другом которого был Квантэн. Посетивший Швецию А. А. Герцен решительно протестовал против того, что Бакунин в своих публичных

* *Аминь!* (лат.).

выступлении чрезмерно преувеличивал силы тайного общества «Земля и воля» Квантэн поддерживал А. А. Герцена.

⁹ О В. И. Баксте см. в настоящем томе, стр. 269.

¹⁰ *Принципал* — Герцен. Он был тогда в Неаполе.

¹¹ *Брат* — Евгений Исаакович Утин, о котором см. во вступительной статье к публикации его письма Герцену.

¹² *Наталия Алексеевна* — Н. А. Тучкова-Огарева.

2

ОГАРЕВУ

Torquay. Villa Alexandra

Понедельник. 23 ноября (1863 г.)

Дорогой патриарх. Вот вам какое письмо будет сегодня. Нужно очистить и сдать некоторые вопросы для того, чтоб не возвращаться к ним после.

*Вопрос о Сусловой*¹. Я считаю этот вопрос очень важным и потому должен немного распространиться о нем. Суслова — одна из хороших людей, а хороших людей, как вам неизвестно, мало. У Сусловой могут быть разные недостатки, некоторые странности, как и у всех, но, во всяком случае, она имеет право на уважение (в силу этого уважения я и прошу у вас внимания к вопросу об ней), потому что относится к людям, которые искренно хотят, по ее же выражению, идти честным путем правды... Спешу оговориться, что лично, например, я мало видался с нею, и вряд ли она сходилась со мною, уже по той простой причине, что она весьма дружна с Ф. Достоевским, и потому, как и естественно, вполне согласна с ним в своих воззрениях; я же не мог сойтись с Достоевским — я не мог согласиться с его мистикой и отчасти резонерством — это не мешает мне уважать в нем страдания из-за убеждений, *личность* его уважать; он, вероятно, считал меня дерзким мальчишкой; это верно, хотя и грустно, тем более, что оно как бы общее правило, что и до сих пор, и у развитых, как Достоевский хоть, личностей, остается неприязнь к мальчишеству, непризнание и в мальчишестве прав иметь убеждения и громко высказывать их. — Может быть, в мальчишестве и есть излишний задор, но на то люди неприязненные и считаются старшими, чтоб, несмотря на задор, ценить в мальчишестве *честность*, прямоту высказываний... Это, впрочем, отступление, пришедшее в голову к слову. Дело о Сусловой — у ней горе, она очевидно страдает, с своим родным домом она разошлась, даже и с сестрой как-то не ладит² (это, впрочем, ничего), и вот она хочет теперь *нарочно* для того приехать сюда, чтоб найти в *вашем кругу* хоть какое-нибудь утешение в горе; она смотрит на всю вашу семью, на Герцена, на Наталию Алексеевну, на вас, мой дорогой друг, и т. д., как на кружок, в силе и справедливой вере которого, в борьбе и понимании необходимости которого она видит возможный *приют* себе, уставшей в ненужной, в бесплодной борьбе, но борьбе *честной* прежде всего... Да, она хочет видеть приют, и не одна она хочет глядеть так на всех вас. Когда я часто толковал вам о вашем переселении в Швейцарию, вы, может, помните, что я говорил при этом и о том, как важно стать вам *центром* «не покорившихся, ушедших на волю...». Вы, кажется, соглашались, что это было бы важно. Тяжело это? это другой вопрос. Я думаю, что я не увлекаюсь, когда полагаю, что вокруг вас могла бы вырасти *целая коммуна*; отбросьте на минуту свой нещадный скептицизм; право, могла бы вырасти коммуна, и нечего бы бояться мелких сплетен, ничегонеделанья, праздного шатанья, того, что вы зовете «*kleinstädtisch*»^{*} — нет, это ушло бы само собою, а много бы дельного, энергического, работающего могло выйти из такой среды;

* провинциальностью (нем.).

отсюда вышла бы та *преемственность*, о которой вы как-то, шагая по гостинной, *намекали*. Ну, а *суть* этой преемственности ясна... Всем этом опять-таки я не считаю себя увлекающимся — так могло бы быть, сначала немного, потом больше, — задаваться многочисленно не к чему бы — ведь как ни хорошо было бы здесь, хоть в Швейцарии, дома все же лучше, и как лучше!.. И если положение дел не изменится быстро, т. е. переворот в России, то *подобное* тому, что я говорю, здесь или в другом месте, так или иначе *должно будет быть* — иначе ведь мало смысла будет в *разрозненной жизни выброшенных из строя*, это была бы жизнь на оазисах; тогда уж действительно лучше сесть на корабль и плавать по морю, как предлагал Гарибальди³; может, удастся где-нибудь пристать, успокоиться в какой-нибудь республике Сан-Марино... Это опять отступление... Факт все-таки, что вы понимаете, *почему* Суслова хочет приехать в Англию. *Ей нужно отвечать*. Она ждет ответа. А вы прислали мне письмо ее, и я уже вас спросил, хотите ли вы, чтоб я отвечал, и прибавил при этом, что это *затруднительно*. А причина затруднительности та, что, не объяснившись ясно с вами, нельзя ей отвечать...

Дело вот в чем — коротко и прямо... В наше последнее бытие в Теддингтоне видно было слишком ясно, что Наталье Алексеевне оно в тягость, — дети, конечно, могут поглощать все внимание матери и делать ей в тягость присутствие других*. Затем, Наталья Алексеевна прямо сказала моей жене, что Герцен тяготится решительно всяким обществом, что он желает быть только с своей семьей и что ему приходится «брать на себя», когда бывают чужие.

** Теперь на сцену является Суслова. Мы и она — дело разное хоть в том отношении, что нас «волна прибила к этому берегу», а она — она ведь может и совсем не ехать в Лондон. Значит, нужно или решить, что она будет приятна и симпатична, или лучше прямо написать ей и просто, чтобы для этого не ездила, что вы все живете теперь в совершенном уединении и потому предались уединению, что у вас у обоих много работы и дела, а у жены вашей — дети поглощают все время. Суслова любит прямоту, и она нисколько не обидится; гораздо лучше сказать ей это искренно, чем если она приедет сюда и только уже здесь поймет это... Тут обоюдная выгода...

Это и всё. Теперь вы видите, почему не могу исполнить я вашего желания — «отвечать, куда следует», без вашей инструкции... Впрочем, может, я не вполне вас понял, может вы и сами ей пишете — это лучше будет... тогда значит не «отвечать», а просто мы напишем ей несколько дружеских слов... А затем, вы помните, что если я дал право себе написать все это, то оно продиктовано только чувством любви к нашей маленькой страждущей семье, чувством любви и уважения к вам, как к членам этой семьи... Вообще, я думаю, что с вами мне можно обо всем говорить искренно и прямо, потому я и буду говорить так, пока вы не скажете, чтоб я молчал о чем-либо... На этом основании я и противоречу вам и говорю прямо, что такая-то статья не по мне, — такое говоренье я считаю *долгом* своим; я *не был бы честен*, если б я скрывал пред вами эти свои мнения, точно так же, как я не счел честным, видя вашу любовь и участие к делу, скрывать пред вами суть дела, потому с первого же раза и сказал вам всю подноготную и, без сомнения, более уменьшил, чем прибавил. Но я останусь честным, если замолчу, когда мне скажут, что хотят этого.

*Теперь о Слепцове*⁴. Я подожду ему отвечать несколько времени, пока придет хоть какое-нибудь известие из Комитета. Да, Слепцов — назидательное для меня явление; у меня язык не шевелится винить его в чем-

* Далее старательно зачеркнута одна строка. Первые два слова: «других причин» (читаются предположительно). — *Ред.*

** Перед этим старательно зачеркнуты две с лишним строки. — *Ред.*

нибудь, и он действительно не виноват ни в чем... У него было *желание работать*, за это желание я уважаю его; он сознал тщетность своих трудов — сознание это тяжело... Тут важно то, что и Слепцова, как весьма многих других, сражает и смущает, главным образом, *бесплодность многих жертв*... Они правы, и в этом смущении я вижу *одну из возможностей*, чтоб Комитет действительно распался... Одну из причин... другая причина — безлюдье рядом с безденежеством... Я не обвиню и Комитет, если он действительно распался; долгое время, проведенное ими без устали в этом каторжном круговороте, могло истощить силы этой горсточки... но я знаю, что энергия у них останется всегда, готовность на новый призыв тоже останется... И если они все убеждены будут, что их дело должно рушиться, — они не будут виновны; но если б и я убедился с ними в том же — я был бы виновен, потому что я уже успел отдохнуть на свободе и мог думать и за себя и за дело... Если они *бросили* дело, то я не требую от них возвращения к делу, но я намерен представить им подробный план возможной и мало рискованной, т. е. не бесплодно-жертвенной деятельности; они, конечно, могут возразить тогда на кое-что, но, конечно, не откажут в помощи делу; и если бы они даже отшатнулись совсем (а я знаю, что не отшатнутся), то и тогда мы с вами, мой дорогой *старый* друг, поведем все же дело, держась того правила, что из *камня* топора не сделаешь, но если есть где *железо*, то нужно употребить все средства, чтоб сковать его... Когда я очень уже смущен и изведен нашей конспирацией, тогда я стараюсь забыть о ней и берусь за постороннюю работу. Все это время я читал историю — из хроники Фроассара (!)⁵ — много тут хороших и наводящих на мысли вещей! — французская Jасquerie* и фландрская борьба за вольности — весьма поучительная вещь... Теперь, возвратясь мыслями к делу, я все более и яснее укрепляюсь в том, что неизбежно нужно вполне изменить план действий; держа знамя «Земля и воля», мы должны все же бить в нерискованные и в более зрелые или скорые элементы для живой, жизненной, а не искусственной борьбы — сиречь — раскольники и войско. Мой друг *Щелкан*⁶ (если сегодня не успею, то завтра непременно пришлю вам письмо к нему — это я подло делаю) прав, требуя, чтоб внимание преимущественно на войско было устремлено. В раскольников можно ли верить? — это вы научите меня, а в войско я верю — нам нужно только *офицерство*, солдаты пойдут за офицерами; если солдаты могли бы, при действии Потебни⁷, идти с офицерами даже за поляков, за врагов кровавых и вековых, то можно верить, что солдаты пойдут на родной клич «Земли и воли» — там нельзя будет им сказать — что тут враги народа... Офицерство на Кавказе должно быть гораздо меньше деморализовано, а между тем, даже и в Польше отрадные примеры — помните, что Франковский⁸ говорит? А *Якоби*?⁹ Якоби не выходит у меня из головы! Когда он придет к вам? С ним ведь нужно будет обстоятельно говорить обо всем, я полагаю, что не невозможно ему идти на Кавказ... Туда и Слепцова пропрем... Без сомнения, дело приходящих туда — высмотреть тех, которые из *туземных* могут вести дело там. И краковских офицеров¹⁰ нужно бы не оставлять... Но тут опять-таки *деньги*! Что пишет вам Бакунин?

Значит, раскольники и офицерство... А пропаганда втихомолку может идти и в образованном остальном меньшинстве. Можно найти *средний термин* для участия некоторых помещиков... и т. д. Обо всем этом, если только дождемся ответа из Питера, мы с вами напишем им.

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой!..

* Жакерия (франц.).

В конце просьба... Я полагаю, что на адреса, данные Мадцини, должны б уже прийти письма. Адреса эти: «D-г *Natan* в Cornhill и Pauwells, maison des confectons в Bruxelles». Хорошо бы, если б можно еще раз справиться...

А затем, пока и довольно... Не забудьте «Полярную звезду» за 59 г. (примечания к статье Муравьева), когда будете приводить в своей статье место из долгоруковской французской книги о *несамодержавии*¹¹. Жмем вам крепко руку. Экая благодать в Торкее; вот где можно отдохнуть.

Весь ваш Н. У т и н

¹ Аполлинария Прокофьевна *Суслова* (1840—1917) — писательница и переводчица, дочь иваново-вознесенского купца из крепостных крестьян. Переселившись в конце пятидесятых или самом начале шестидесятых годов в Петербург, вращалась в оппозиционных кругах, принимала участие в преподавании в воскресных школах и была заподозрена III Отделением в причастности к «нигилизму». В 1861 г. началась ее литературная деятельность: в журнале братьев Достоевских она напечатала несколько повестей и рассказов. Отсюда ее знакомство с Ф. М. Достоевским, принявшее вскоре интимный характер. Исследователи жизни и творчества Достоевского отмечают, что Суслова сыграла большую роль в его личной жизни и что она являлась прототипом ряда героинь его произведений, так называемых «инфернальных» женщин. В 1863 г. Суслова и Достоевский съехались за границей. В октябре, в Неаполе, произошло знакомство Сусловой с Герценом и его детьми. С Н. А. Тучковой-Огаревой Суслова познакомилась в Париже благодаря писательнице Е. В. Салиас. В «праздничной коллекции» сохранилось следующее неизданное письмо Сусловой к Н. А. Тучковой-Огаревой (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 231):

Июня 26 (1865 г.). Цюрих

Дорогая Наталья Алексеевна!

Я получила книгу «С того берега» и ваше письмо. Мы еще не дочитали книгу, потому что девочки (моя сестра и одна наша соотечественница) очень заняты, манкировать лекциями страшно, можно быть на дурном замечании у профессоров; они все педанты. Сестра моя, сознавая всю силу ума и таланта Герцена, не может принять некоторых его мыслей, она как будто искала защититься от них, задумывалась над каждой страницей и не спала ночь после этого чтения. Это хорошо, что не скоро сдаются, но главная причина непонимания Герцена — в необразовании. Наши петербургские женщины и мужчины даже ничего не хотят читать, прочесть ищут всё готового, чего-нибудь полегче и оттого развиваются в одну сторону. Я им ставлю в пример Герцена, учителя, лучше которого у нас не было и нет, который сам так образован и никогда не рекомендует, как наши петербургские либералы, — не читать.

Я не знаю княгини Голицыной, один раз только ее видела. Говорят, она очень умна, но, должно быть, крайне односторонняя. Притом, знаете, сколько во всех нас, русских этого времени, завладевших силой вершками образования и свободы, — угловатости. Мы или не в меру застенчивы или не в меру дерзки, часто то и другое вместе, к этому бездна самолюбия, ложно понятого, и всякой нетерпимости. Это явления ненормальные. Сильные натуры перерабатывают всю эту дрянь и выходят людьми, другие остаются изуродованными на всю жизнь. Смеяться над ними грешно, сердиться не стоит.

В Берн непременно съезжу. Скажите, как там найти эту школу.

Я не знаю, что вы находите в Лутинине, я его знаю за очень доброго человека, но он мне несимпатичен, его взгляд на Россию нехорош, даже пиничен.

Я очень рада нашей переписке, она мне доставляет большое удовольствие.

Книгу «С того берега» вам пришло, как только прочитаю; я ее берегу пуще своего глаза, а другие я теперь дала почитать своей соседке, жене русского доктора, очаровательной женщине, очень молодой и простой и умной.

Ваша Аполлинария Прокофьевна Суслова

² Сестра Сусловой, Надежда Прокофьевна *Суслова* (1842—1918) — одна из первых русских женщин-врачей; так же как и ее сестра, она была близка в шестидесятых годах к революционным кругам.

³ Герцен в «Былом и думах» рассказывает, что после поражения революции 1848—1849 гг. Гарибальди мечтал о приобретении побежденными революционерами разных наций кораблей, на которых они могли бы «носиться по океану, закаляя себя в суровой

жизни моряков, в борьбе со стихиями, с опасностью! Пловучая революция, готовая пристать к тому или другому берегу...» (XIII, 342).

⁴ Об А. А. *Слепцове* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 276. К концу 1863 г. Слепцов, убедившись, что дело общества «Земля и воля», представителем которого он выступал за границу, проиграно, стал отходить от участия в революционных предпринятиях. Он, как и ряд эмигрантов, подозревал, что комитет, возглавлявший «Землю и волю», уже распался, что было близко к действительности, ибо руководители тайного общества в конце 1863 г. приняли решение распустить его.

⁵ Жан *Фруассар* (в начертании Утина — Фроассар) — французский поэт и хроникер XIV века. Его хроника является весьма ценным источником по истории средневековой Франции.

⁶ *Щелкан* — возможно, тот подпоручик Щелкан, о котором в л. 150 «Колокола» от 15 ноября 1862 г. сообщалось, что он, несмотря на установленную врачами чахотку, был выслан из Полтавы в Астрахань.

⁷ Об А. А. *Потебне* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 534—541.

⁸ *Франковский* — участник польского восстания 1863 г., после подавления которого эмигрировал; в 1864 г. он жил в Лондоне (XVII, 399).

⁹ О П. И. *Якоби* см. на стр. 29 настоящего тома. Повидимому, речь идет о возможном участии его в предполагаемой польской экспедиции на Кавказское побережье.

¹⁰ *Краковские офицеры* — повидимому, офицеры сформировавшихся в 1863 г. в Кракове польских отрядов, начальником штаба которых одно время был П. И. Якоби. См. о них на стр. 260 настоящего тома, в письме В. О. Ковалевского к Герцену от 22 октября 1863 г.

¹¹ В «Полярной звезде на 1859 год» был помещен «Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 году». Разбор этот печатался как принадлежащий перу Никиты Муравьева. Однако в примечании редакция оговаривала, что «другими эта превосходная статья приписывается Луину». И действительно, она была написана не Н. Муравьевым, а М. С. Луниным. «Разбор» сопровождался примечаниями, в которых, между прочим, указывалось, что при избрании Романовых на царство их права были ограничены Земским собором. — Говоря о французской книге П. В. Долгорукова, Утин имел в виду выпущенную в 1860 г. его книгу «La vérité sur la Russie» (см. о ней на стр. 583 настоящего тома). Статья Огарева, о которой говорится в письме Утина, — повидимому, конец его статьи «Расчистка некоторых вопросов. Конституция и Земский собор», напечатанный в декабрьских листах «Колокола» за 1863 г. (лл. 174 и 175). Однако никаких ссылок ни на книгу Долгорукова, ни на примечания к «Разбору» в ней не содержится.

3

ОГАРЕВУ

(Начало декабря 1863 г.)¹

Лучше поздно, чем никогда. Поэтому и поздравляем вас, дорогой патриарх, с пятидесятилетием — вас *есть* с чем поздравить! Что-то мы будем в пятьдесят лет! Далеко еще, много нужно любви и веры, чтобы устоять так, как вы...

Натали² очень благодарит вас за докторское свидетельство; мы им избавляемся от отцовских докук.

Спешу послать вам «Московские ведомости», все, сколько есть; к моим монстрозам подбавилось еще. Эта юродивая скотина совсем заврался и зачашую противоречит себе. В одном месте лается на то, что движению на Юге хотели приписать социальный характер; в другом месте сам проповедует панам, что борьба, поднятая ими в Западном крае, имеет «до некоторой степени социальный характер». В одном месте Катков проповедует *нетерпимость* веры, говорит, что *российское* законодательство было слишком либерально и недальновидно, допустив вообще к службе *католиков* с теми же правами, как и православных. Вот вам и крестовый поход с Москвы-реки на папу!³

Я не знаю, в каком номере сказано о *сорока русских офицерах*, — не мог проглядеть, я всё читал, отыскивая университетских правил⁴, и все же не нашел их. Что же вы это? пошлите, Христа-ради! Мне они очень интересны. *Ругательства* на «Колокол» находятся в № 212. Затем есть хорошие вещи в №№ 214 и 216. Продолжение о шедефферротьевской брошюре — в №№ 227, 228 и 229⁵.

Читали ли вы в № 229 о самоубийстве девиц Дексбах? прочтите, пожалуйста: замечательное письмо девушки-утопленницы, в ней социализм проглядывает...⁶

«Современник» и «День» свесу завтра же непременно на почту, не желая задерживать, а за все другое, что пришлете, буду очень благодарен.

Письмо для Ст (урта)⁷ пришло вам,—с ним трудно поладить, а обижать нельзя, он, во всяком случае, может быть полезен, хотя бы охотой и деньгами.

Н. У.

¹ Публикуемое письмо датируется по содержащемуся в нем поздравлению Огарева со днем его пятидесятилетия, исполнившегося 5 декабря 1863 г. (н. ст.).

² *Натали*—жена Утина; автор романа «Жизнь за жизнь» (вышел под псевдонимом Н. А. Таль), в котором дано искаженное изображение семейной драмы Герцена.

³ Автор письма имеет в виду передовую статью М. Н. Каткова, помещенную в № 216 «Московских ведомостей» от 6 октября 1863 г. В этой статье Катков полемизировал с польскими помещиками на Украине, обвинявшими русскую администрацию в награвливании на них местных крестьян и в раздувании движения «чисто социального». «Они бунтуют,—иронизировал Катков над польскими помещиками,—и не могут понять, как это русские *хлопы* осмелились взбунтоваться против бунтовщиков». «Польские паны, — писал далее Катков, — в западных областях должны были знать, что борьба, которую они здесь затеяли, не могла не принять до некоторой степени социального характера».

⁴ Речь идет о «Правилах для студентов и слушателей Санкт-Петербургского университета», выработанных в 1863 г. (см. № 220 «Московских ведомостей»).

⁵ *Шедо-Ферротьевская брошюра*—книжка «Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne, publiée avec une préface et quelques notes explicatives par D. K. Schedo-Ferroti» («Письмо польского патриота польскому национальному государству, опубликованное с предисловием и несколькими объяснительными примечаниями Д. К. Шедо-Ферротти»), изданная в Брюсселе в 1863 г. О Д. К. *Шедо-Ферротти* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 261 и 265. Отражая взгляды либеральной части русской бюрократии шестидесятых годов, Шедо-Ферротти осуждал жестокие насильственные меры, принимаемые русским правительством для подавления польского восстания, и высказывался за необходимость некоторых уступок, которые должны были, по его мнению, примирить поляков с русским правительством. Названная выше брошюра, изданная им, заключала в себе письмо некоего Иосифа Питкевича, будто бы участника польского восстания, разочаровавшегося в нем; это письмо было адресовано на имя польского революционного правительства. Убедившись в неминуемом поражении восстания, Питкевич предлагал польскому правительству пойти на компромисс с паризмом. Питкевич обвинял польское правительство в неумелом руководстве восстанием и в обмане как самих повстанцев, так и европейского общественного мнения. Не получив от польского революционного правительства ответа на свое письмо, Питкевич обратился к Шедо-Ферротти, как к истинному другу Польши, с просьбою помочь появлению его письма в печати, что Шедо-Ферротти и выполнил. Письмо Питкевича содержало в себе резкие нападки на русских революционеров, и в частности на Герцена, якобы обманувших поляков уверением в том, что в России вспыхнет восстание, направленное на поддержку польских повстанцев.

«Г-н Герцен и К^о, — писал Питкевич, — уверяли, что находятся во главе обширного заговора, обнимающего всю Россию, и простирали свое фатализмство до того, что предлагали Польше содействие какого-то русского революционного комитета». Руководители польского восстания, по словам Питкевича, имели наивность поверить этим обещаниям и жестоко расплачиваются за это. «Зачем же польские патриоты, — писал далее Питкевич, — не были настолько проникательны, чтобы убедиться, что не только роль призванных вождей русского восстания, на которую претендовал лондонский триумvirат (т. е. Герцен, Огарев и Бакунин. — *Б. К.*), но и самые элементы восстания, которые, по их уверениям, будто бы существуют в России, — чистая выдумка? Где эти симпатии студентов к польскому делу, тайные общества, составленные русскими офицерами, решение, будто бы принятое солдатами — не сражаться с *братьями-поляками*, стачки раскольников для ниспровержения верховной власти? Все это существовало только на хвастливых столбцах „Колокола“, редакторы которого лгали, и лгали заведомо, для того, чтобы доставить себе ребяческое удовольствие прослыть вождями могущественной революционной партии... Да покарает бог этих *московских* вралей в Лондоне и так называемых полонифилов в Париже за невознаградимое зло, которое они нам причинили, — одни, выдумав басню о поддержке, которую, будто бы, дело наше могло встретить со стороны русских, а другие, — преувеличив размеры той помощи, которую намерены были оказать нам западные державы».

На эти клеветнические упреки Питкевича Герцен ответил в статье «В вечность грядущему 1863 году», напечатанной в л. 175 «Колокола» от 15 декабря 1863 г. «Пусть укажут,—писал он,—хоть одну строку „Колокола“, „Поллярной звезды“ или чего бы то ни было из наших изданий, в которых бы мы себя выдавали „вождями могущественной революционной партии“, в которой бы мы говорили, что Россия готова восстать, подстрекали поляков и пр.» (XVI, 547).

Упреки Питкевича по адресу других русских революционеров были столь же нелены и несправедливы, как и по адресу Герцена. Члены тайного общества «Земля и воля», поддерживавшего сношения с польскими революционерами как до восстания, так и во время его, не скрывали от поляков, что силы тайного общества далеко не достаточны для того, чтобы поднять восстание в России. Они убеждали поляков отложить свое выступление хотя бы до весны 1863 г. Разве только против одного Бакунина Питкевич мог с достаточным основанием направить свои обвинения: известно, что Бакунин в своих публичных выступлениях действительно преувеличивал силы русских революционеров и подготовленность революции в России.

Катков посвятил письму Питкевича четыре передовые статьи «Московских ведомостей» (№№ 225, 227, 228 и 229 от 17—22 октября 1863 г.). Брошюра, изданная Шедо-Ферроти, давала ему материал, доказывавший, что польское восстание было якобы не более чем «кровавый пух». С удовлетворением цитировал он и выпады Питкевича против Герцена и других русских революционеров.

⁶ В № 229 «Московских ведомостей» от 22 октября 1863 г. была напечатана подробная заметка о самоубийстве двух сестер, Марии и Ольги Дексбах, в ночь на 16 октября бросившихся в Москву-реку. Дочери канцелярского служащего, сестры Дексбах (одной из них было двадцать восемь, а другой двадцать четыре года), получившие по окончании пансиона звание домашних учительниц, работали в качестве гувернанток, но часто вынуждены были менять места. Наконец, Ольга поступила продавщицей в магазин, но и эта работа не могла удовлетворить ее. В письме на имя знакомого студента Ольга перед смертью писала: «Я слишком много страдала, мне необходим отдых, смерть. Поступив в магазин Р., я думала, что буду спокойнее, но как я ошиблась: морально я здесь более страдала, чем в гувернантках. Я задыхалась в этой атмосфере, мне было душно. Вся пошлость жизни, кажется, слишком ярко тогда представилась мне. Я увидала в торговле один обман и механическую работу, одним словом я страдала разочарованием всего». Повидимому, в этих строках Утин и нашел следы «социализма».

⁷ Александр Федорович *Стюарт* (*Стюарт*), барон (1842—?)—зоолог, жил в шестидесятых годах за границей и принимал деятельное участие в делах русской эмиграции, в частности в организации в 1863 г. русской типографии в Берне (см. нашу статью «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 8—14). В 1866 г. Стюарт привлекался по делу участников русской читальни в Гейдельберге и был выслан под надзор полиции в Вятскую губернию. В следующем году он получил разрешение жить в Одессе и в Бессарабии, откуда был родом и где находились обширные имения, принадлежавшие его родителям.

4

ГЕРЦЕНУ

(Тогуау.) Вторник. 8 декабря (1863 г.)

Приветствую вас, дорогой Александр Иванович, и радуюсь, что Италия еще более подкрепила *ваши* и, значит, *наши* силы¹. «Съезжайте же к обедне», зовонте так, как в новой своей статье²,—оно, право, плодотворнее отзовется, чем безотрадное уныние.

Вы разом, по дороге, убили двух зайцев: и Провансова поучили уму-разуму³, и путь устроили!⁴ Только Стюарта, вижу я, не успокоили,—он больно прыток, и я, право, не знаю, как удовлетворить его. В Одессе, я почти смело могу сказать, что человек будет; я знаю, что там у нас были завязаны нити, там ведь молодежь есть — значит, можно!⁵ Все дело стоит только за тем, чтоб дожидаться теперь письма из Петербурга.

В Тогуау очень хорошо, но это не мешает нам поджидать весны и подумывать о Швейцарии.

Жму руку Александру Александровичу⁶, буде онный приехал.

Ваш Н. У т и н

¹ В октябре—ноябре 1863 г. Герцен посетил Италию; он побывал в Неаполе, Флоренции и Ливорно. 6 декабря он возвратился в Лондон.

² Утин имеет в виду статью Герцена «В вечность грядущему 1863 году», датированную: «Флоренция, 10 ноября 1863» и напечатанную в л. 175 «Колокола» от 15 декабря 1863 г. (XVI, 544—550). Из письма Утина выясняется, что он был знаком со статьей Герцена до появления ее в печати. Статья Герцена содержала в себе общий обзор политических событий 1863 г. и заканчивалась словами: «Пять лет мы без устали *сывали живых*. Теперь, благо мертвые ушли, и никто из мертвых не остался, будем звонить к самой *обедне*, звать к сознательному делу» (XVI, 550).

³ Проезжая на обратном пути из Италии в Лондон через Женеву, Герцен встретился с членом Центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцовым, который жил за границей под конспиративной фамилией *Провансов*. В письме к сыну Герцен писал: «В Женеве ко мне приехал из Цюриха Провансов и рассказал, что у них есть одно предположение, пренелепое и, по-моему, превредное, более вредное *Lapinskiad'y*. Тут выбора мне не было, — я сказал, что я кладу, с своей стороны, veto; но этого было мало, и надобно было в том же смысле иметь влияние на Бакунина). Я все сделал и виделся с ним (...) Он всеми силами хочет мир с нами и потому ничего не делает для скандала. Огар(ев) будет к нему об этом писать» (XVI, 543). В чем заключалось предприятие, задуманное Слепцовым с Бакуниным, неизвестно. Упоминание Герценом об экспедиции Лапинского дает основание предположить, что оно стояло в связи с экспедицией, предпринимавшейся польскими эмигрантами в Средиземное море.

⁴ Во время своего пребывания во Флоренции Герцен налаживал, при посредстве Л. И. Мечникова, пути для пересылки революционных изданий через Константинополь в Россию (см. стр. 390). Ср. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 12, М., 1951, стр. 154—155 и 162—166.

⁵ Утин имеет в виду связи с Одессой, завязанные обществом «Земля и воля».

⁶ Александр Александрович — сын Герцена.

5

ОГАРЕВУ

10 декабря 63

Я получил сегодня, мой дорогой старый друг, вашу записку с письмом из дому...¹ Пишите программу² и кликните меня—я явлюсь; чем скорее, тем лучше, конечно... Чернышевский! Чернышевский! убили-таки!..³ и отомстить нечем... В такие минуты особенно тяжело быть далеко, на чужбине... Не верится еще как-то — в письме сказано «*почти верно*», может и иначе выйти!.. И Издебского⁴ — моего товарища — доносили — и не понимаю за что; пред моим уходом я старался оградить его насколько можно; он погорячился, должно быть... Ничего не пойдет в голову. Я и доволен и рад за друзей — они имели силу переломить себя и, отбросив все прежнее, принялись снова за работу, за медленную, долгую, но верную и без *лишних* жертв... Будемте же помогать им, сколько можно... Пишите скорее программку, потому что нужно ответить же, а как думаете? Хотите ли, чтоб я подождал отвечать до свидания с вами, или написать сейчас же и прислать вам для отсылки той же Платоновой?⁵ И что написать? Что финляндец?⁶..

А Стюарту я подожду отвечать — нужно договориться с вами сначала, как с этими господами действовать... *Одесса* же, при новых планах, не рухнет, а напротив — там молодежь, там нужна пропаганда, и там пункт очень хороший и удобный...⁷

Кстати. Все забываю. Вы спрашивали о деньгах — у Савича⁸ взято 250 ф. — о них хотя и затихло теперь, но я не успокоюсь и не упущу из виду содрать их с отца при первом же случае — посмотрим, что ответят на письмо кн. Суворову⁹. Во всяком случае, я убежден, что возвращу всю эту сумму не позже весны, если не раньше. Вы еще о «Русском вестнике» спрашивали — у меня нет ни одного «Русского вестника», это опять Жюль¹⁰ острит: я пред отъездом отдал ему целую кипу книг для передачи вам, там же и «Русский вестник» с статьей о расколе¹¹, — и он, верно, свалил их в кучу в чулан!.. Нигилист!

Будьте здоровы...

Н. У.

Оригинал вы, конечно, сохраните¹²—я хочу видеть, кто именно писал его; по малороссийскому концу я узнаю одного, но все ли писано одной рукою? Как это оно прилетело из Варшавы? было ли сверху черными чернилами?... До свиданья. Да, еще. У меня остался «День», забыл вчера; позвольте отправить завтра, сегодня ноги не хотят нести на почту — она далеко, а письмо брошу в ящик.

¹ Речь идет о каком-то письме, присланном Огареву из России и пересланном им Утину.

² О программе, которую в то время составлял Огарев, имеются упоминания и в других письмах Утина к Огареву. Надо думать, что Огарев взял на себя работу по составлению документа, который должен был формулировать новые задачи, вставшие перед русскими революционерами, и в частности перед эмигрантами, в новых политических условиях, сложившихся в России к концу 1863 г., когда крах польского восстания сделался неизбежным, а деятельность «Земли и воли» пришлось свернуть.

³ Эти слова Утина свидетельствуют, что сведения о приговоре Чернышевскому проникли в революционные круги России и за границу еще до того, как приговор был подписан сенаторами (2/14 декабря 1863 г.).

⁴ Станислав Ромуальдович *Издебский* (1841—?) — участник революционного движения шестидесятых годов, член общества «Земля и воля», привлекавшийся вместе с Утиным по делу об организации тайной типографии в Мариенгаузене. Арестованный в начале 1863 г., Издебский был приговорен к трехмесячному тюремному заключению и высылке в Пермскую губернию под надзор полиции.

⁵ О *Платоновой* никаких сведений не имеется. Вероятно, она дала свой адрес для переписки между эмигрантами и их политическими друзьями в России.

⁶ *Финляндец* — Квантэн, о котором см. выше, на стр. 626 и 628.

⁷ Связи с Одессой установились у эмигрантов через Стюарта, уроженца Бессарабии.

⁸ Иван Иванович *Савич* (1808—1892) — брат участника Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Савича; в 1844 г. он уехал за границу и не возвращался более в Россию. В пятидесятых и шестидесятых годах жил в Лондоне и давал уроки. Одно время учил русскому языку детей Герцена.

⁹ О чем письме к петербургскому генерал-губернатору А. А. Суворову идет речь, сказать трудно. Возможно, что это письмо самого Утина, о котором он упоминал в своем письме к шефу жандармов Мезенцову, когда в 1877 г. ходатайствовал о разрешении ему возвратиться в Россию. «Четырнадцать лет тому назад, — писал Утин Мезенцову, — я позволил себе обратиться к его светлости бывшему генерал-губернатору кн. Суворову, клянясь перед ним из изгнания в том, что я не был причастен польскому мятежу и был жертвою наветов лиц, которые преступно искали своего спасения чрез мою гибель» (XVI, 440). Упоминаемое Утиным его письмо Суворову до сих пор не найдено. Если в письме Утина к Огареву упоминается об этом именно письме, то, очевидно, Огарев знал, что оно было написано Утиным, и тогда можно с полной уверенностью утверждать, что письмо к Суворову не было результатом раскаяния Утина, а являлось тактическим маневром, при помощи которого Утин, а может быть и Огарев, рассчитывали достичь каких-то особых результатов. К сожалению, ввиду отсутствия материалов, мы лишены возможности разъяснить этот эпизод более конкретно.

¹⁰ *Жюль* — слуга Герцена.

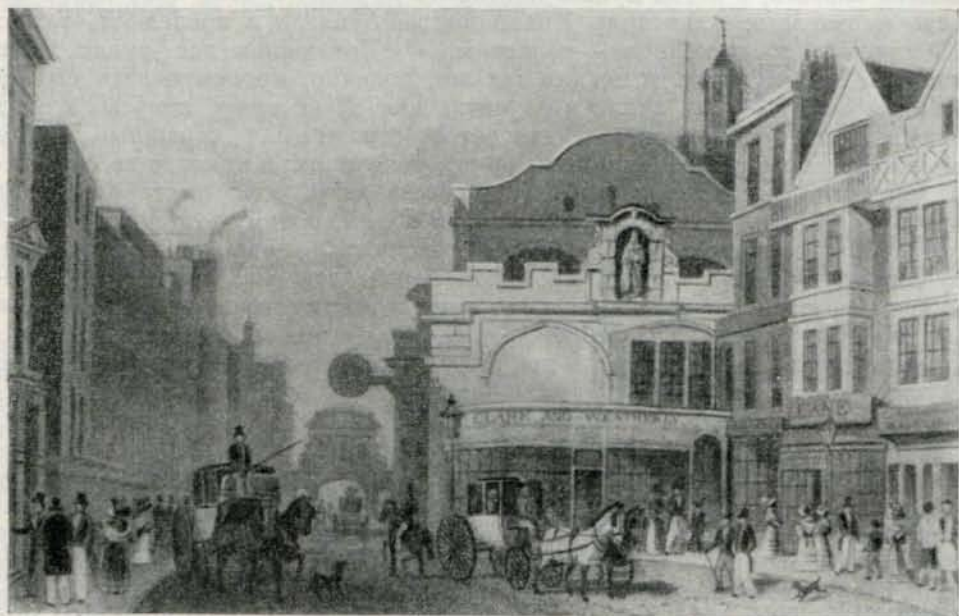
¹¹ В течение 1863—1866 гг. в «Русском вестнике» Каткова печаталась серия статей Н. И. Субботина под названием «Современные движения в расколе». В 1863 г. статьи эти были помещены в №№ 5, 7, 11 и 12.

¹² Речь идет о том же «письме из дома», что и в начале публикуемого письма.

Среда. 23 декабря (1863 г.)

Отче! отче! почто еси наказуеши мя?... А *отче*—это вы, дорогой патриарх, и *мя*—это меня... Полторы недели ждал я от вас ответа,—прилетела сегодня весточка и сразила, *сюрпризами* сразила... Я как-то говорил вам, что, сидя в отдалении от вас, каждые две недели жду «Колокола» с каким-то *напряженным* ожиданием; беда только моя, что дождусь я его всегда тогда, когда мне уж поздно соваться и не к чему... Видно, и в этот раз так будет, и худой подарок вы пришлете мне к новому году... И опять

не могу я молчать и спешу к вам *пожаловаться* на вас же... Вы, по-моему, ужасную вещь сделать хотите—хотите в девиз вставить: «Земля и воля»...¹ Так бы и я хотел, только *прежде*, а *теперь* нельзя этого. Дело выходит вот какое: друзья пишут о *необходимости* переменить открытый образ действий на тайный; так бы и давно пора, и *почему*—я и говорил с вами и писал вам еще в последний раз...² Прибавлю еще, что *публичный* образ действий оправдывается в настоящее время только одним—желанием *запугивать* правительство; но мы видели, что это *запугиванье* не достигает своих результатов, а наоборот... нужно действовать *тайным* образом, *если* мы верим в возможность какого бы то ни было действия в революционном смысле... При этом все же весьма важна *пропаганда*

ЛОНДОН

Гравюра. 1850-е гг.

Литературный музей. Москва

печатная (как более удобная, чем *рукописная*). Такою пропагандою может и должен служить «Колокол» — и опять избитая фраза уже: *мы должны* добиться провоза его в Россию и Петербург—«Колокол» не так *рискован* для молодежи, как печатные вещи в России; это вот что значит: за поимание у юноши прокламации его убьют, т. е. годы проморят в крепости, добиваясь, как и откуда, чтоб добраться до *главных заправителей*, и потом все же каторга. За «Колокол»—дело проще, юношу не очень станут расспрашивать о «Колоколе»,—купил на улице, какой-то мошенник продавал, да мало ли еще что! и добираться много не станут, ибо вперед знают, что главные заправители вы и что с вами ничего не поделаешь; дело кончится ссылкой, а ссылка—дело хорошее... Ну-с, понимаете, патриарх, к чему я веду? А вот к чему: выставив девиз *Земли и воли* в глазах правительства, вы сделаете «Колокол» *солидарным* с тайным обществом «Земли и воли», оно увидит не просто, что из-за границы завезли спекулянты «Колокол», а увидит *козни* целой партии, того же тайного общества, и будет карать и казнить за «Колокол», как за домашние прокламации... боже мой, какое обидное, слезное выйдет дело!.. Вы подорвете *удобство*

и даже возможность распространения «Колокола» в России; вряд ли можно будет решаться распространять частый «Колокол» в молодежи. Это ведь будет вечный дамоклов меч над *нашими*... где же тут польза?.. и еще: «Колокол» с девизом «З. и В.» непременно примется за орган тайного общества «З. и В.», а об этом обществе друзья умоляют умалчивать, — опять-таки дело теперь сводится не на открытое боевое шествие, а на заговорный подкол... Где же польза? ее нисколько нет, и вы не укажете мне; характера, направления своей пропаганды вам не к чему высказывать в этом девизе—он у вас везде слышится, он неизменно бьет и бил чрез всю вашу деятельность, вы не изменили своим убеждениям и своему направлению, не изменяйте и девиз «vivos voco!»*³. Лучше и вернее нельзя сказать, а когда нужно повторить коротко и ясно свое дело, вы ведь повторяете; Александр Иванович ведь сказал в последней статье: «Землю—крестьянам, волю—областям...»⁴ Читающие вас знают ваше знамя и без выставки, и не для тех же, конечно, пропечатывать его на каждом листе,—чтоб знали и не читающие. И не вижу пользы, а вред делу... больно выговорить... делается страшный... страшный, я это вполне сознательно говорю и без всякого увлечения; и никогда не перестану жалеть об ударе, который вы нанесете делу, если выставите девиз «З. и В.». Я все это спешу сказать вам обоим, потому что знаю, что вы цените искренний голос одного из младшего стана; я знаю, что если я правду говорю, то могу убедить вас даже переделать свое решение... Я понимаю, кажется, верно побуждение ваше к такому девизу—вы говорили мне дорогую мысль о сделании из «Колокола» органа «З. и В.», и я радовался этой мысли, но время-то не под силу тяжело теперь, и поэтому нужно переждать его во всем *публичном*—может, чрез год я же буду приветствовать, если вы поставите *тогда* девиз «З. и В.».

Другое. Каким образом печатаете вы в «Колоколе» часть того, что писали как нашу программу?⁵ Что это за рассуждение общее,—не могу взять в толк; исповеди нашей громко говорить не приходится; прямо высчитывать, на *кого* мы надеемся, не приходится тоже; громко и прямо обращаться с речью к молодежи и говорить, как нужно *исподволь* вести дело, теперь тоже нельзя... Можно только *отрицательно* говорить и указывать намеками. Буду ждать с нетерпением, а может, опять подарите мне корректуру—спасибо скажу.

3) О Розанове⁶ ничего не слыхал и не знаю. Полагаю нужным и за самое лучшее теперь же, не теряя времени, написать в Петербург—к той же Матильде и с приложением, как и в прежний раз, *цифирью* и коротко и просто: узнайте у генерала (генерал — значит Антон, для потехи над ним мы шутили так)⁷ о дьячке Розанове; сообщите, на чье имя выслать деньги для помощи Гаврилычу и Мартьянову⁸—человек свой? и еще кое-что... Я думаю, что это нужно написать теперь же.

4) О Мартьянове я прочел в «Morning Star» из «Русского инвалида» и тогда же сказал Наташе то же самое, что и вы пишете,—я верю, что он отмстит за себя...

5) Где ж мы возьмем трех человек?⁹ *Одного*, по-моему, можно вполне устранить—т. е. в мусульманщину не нужно, а следует вызвать Ив. Кельсиева¹⁰, тем более, что это и для него будет крайне полезно; я думаю, что он стосковался, между прочим, и от не вполне разделенных воззрений или применений брата... А человек он, должно быть, очень хороший, пошлите-ка мне его письмо... Чужая тоска мне родная. Неужто никак не возможно вызвать старообрядца¹¹ из его берлоги? придернувшись бы его еще, или уж было? а с ним столкнуться безотлагательно нужно... С Петербургом—или опять того же Стюарта пропереть—дав

* «живых призываю!» (лат.).

ему только большой лист,¹ исписанный цифрами, и научив его... он искренний человек и, может, сумел бы, а искать лучшего где же? или Баксту отписать, чтоб присмотрел, нет ли кого хоть в Гейдельберге — нам только одного и нужно (да и того, ворчите вы, нет!), может и найдется? или до лета ограничиваться пересылками, а летом и из моих друзей можно будет сюда выписать; юноша Машковцев¹² — двоюродный брат Наташи — писал нам, что хочет непременно приехать к Наташе, а этот юноша — человек развитый, близкий, знающий и добросовестный — это был бы клад, и это можно будет сделать, но не раньше лета, а до лета нужно устроить и провоз брошюр и корреспонденцию. Что это финн вам не отвечает? Я бы опять принялся за Бакста и за обработку его пути — *порешите это*. Посмотрю, что вы напишете в программе — пора ее, пора. Мы как рыба об лед копошимся, скверно...

6) М(ихайлу) А(лександровичу) Б(акунину) нужно бы еще и не так отписать, чтоб воздержался от всяких объяснений; мы ведь ему дали инструкции (!)*, где ясно сказали, что всякие объяснения должны ограничиться взятием денег у Б... и ... да и только, кажется, путей, что через них устроить...¹³

7) Слепцов просто жалок... Как-то не хочется отвечать ему, а надо — коротко и ясно... А что ж?

8) Стюарту — написать или порешить сначала с окончательной нашей программой, и потом нужно всем им написать о поведении и т. п...?

Написал я статью «На новый год (Семье гонимых)»; о многом там сказал — там и разбор университетских постановлений, там и о Мартынове упомянул кстати... Долго я думал об этой статье — что можно, что нельзя, что должно сказать... Сегодня не посылаю, потому что переписать не успел бы, да она все равно не пошла бы в первый январский номер — он у вас уж полон. Все равно, можно и запоздалым образом, только не знаю, как она вам понравится¹⁴.

...Наташа совсем здорова и крепко вам кланяется и жмет руку. Вчера Тоогоод приводил еще другого доктора, Madden'a, для свидетельствований груди, и оба решили, что грудь совершенно поправилась, так что и рыбий жир не нужен... Вообще Тоогоод нам очень нравится, он очень прост в обращении, и мы очень благодарим Наталью Алексеевну за указание на него... Только напрасно она ему гинею платила; он сказал нам, что *счет* придет в конце, а аптекарь и хозяйка сказали, что здесь никому не платят дороже гинеи за три визита и никак не менее чем за два... Хотелось бы уехать из Англии, но уехать, устроивши наши дела общие... Батько! слышишь ли?... А с левой ноги вы другой раз не вставайте и на мою шутку внимания не обращайтесь, я бы просто подлость сделал, если б о вас, дорогой патриарх, подумал, что вы меня выгоните... В другой раз глупо шутить не буду... Шлите программу... Прощайте пока, а может и до свиданья... Черт знает что, пишешь, пишешь, все толком не скажешь всего... Кланяйтесь всем вашим, детей поцелуйте, пусть себе тешатся; а *больших* не поздравляйте, не хочу поздравлять с *басурманскими* праздниками...¹⁵ Мы думаем, что отсюда можно уехать даже в конце февраля или первых числах марта.

Н. У т и н

¹ Огарев предполагал ставить на «Колоколе» в качестве девиза слова: «Земля и воля», для того чтобы подчеркнуть солидарность «Колокола» с программой тайного общества «Земля и воля». Под влиянием возражений Утина Огарев отказался от этой мысли.

² Это письмо Утина не найдено.

³ «Vivos vobis!» — девиз, принятый «Колоколом».

⁴ Утин имеет в виду статью Герцена «В вечность грядущему 1863 году».

* Восклицательный знак в скобках поставлен самим Утиным. — Ред.

⁵ О программе, которую составлял Огарев, см. на стр. 636. Говоря о части этой программы, предположенной к напечатанию Огаревым в «Колоколе», Утин, очевидно, имел в виду ту часть работы Огарева «Расчистка некоторых вопросов», которая появилась в л. 176 «Колокола» от 1 января 1864 г. под заглавием «Революция и реорганизация».

⁶ *Розанов*, по утверждению М. К. Лемке,—автор статьи «Братское слово к учителям семинарий», помещенной в № 27 «Общего веча» от 15 февраля 1864 г. Лемке считал, что этим Розановым был Сергей Матвеевич *Розанов* (1840—1870)—студент Гейдельбергского университета, позднее ботаник, работавший в Петербургском ботаническом саду (XVII, 54). Однако, как обратил внимание М. М. Клевенский, этот Розанов студентом Гейдельбергского университета быть не мог, так как закончил в 1863 г. Петербургский университет, после чего был отправлен за границу для научных занятий («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 606—607).

⁷ *Матильда, генерал, Антон*—конспиративные имена лиц, через которых шли сношения эмигрантов с революционным подпольем в России.

⁸ *Гаврилыч*—Н. Г. Чернышевский. О *Мартыанове* см. на стр. 171—172 настоящего тома. Обвинительный приговор по его делу был утвержден царем 4 ноября 1863 г., а 7 декабря Мартыанов был выслан в Сибирь.

⁹ Утин имел в виду людей, которым предполагалось поручить организацию в разных местах на русской границе пунктов для сношений эмигрантов с русскими революционерами и для пересылки в Россию заграничных изданий.

¹⁰ И. И. Кельсиев находился в это время в Тульче.

¹¹ *Старообрядец*—О. С. Гончаров. О нем см. на стр. 70—78 настоящего тома.

¹² Нам известен Александр *Машковцев*—бывший студент Технологического института, в 1870 г. часто посещавший студенческие собрания в этом институте и пользовавшийся авторитетом среди студенчества. Не исключена возможность, что именно об этом Машковцеве и упоминает Утин.

¹³ Содержание пункта 6 не вполне ясно. Повидимому, речь в нем идет об организации «путей» для сношения с Россией.

¹⁴ Статья под названием «На новый год» в «Колоколе» опубликована не была. Однако та часть ее, которая была посвящена новому университетскому уставу, появилась в л. 177 «Колокола» от 15 января 1864 г. под названием «Еще об университетской реформе».

¹⁵ Под «басурманскими праздниками» Утин подразумевал праздники Рождества и Нового года по новому стилю.

7

ОГАРЕВУ

Четверг. (18 февраля 1864 г.)¹ 6 часов вечера

Только что получил вашу записку, дорогой патриарх, и очень рад, потому что не любим мы сидеть долго без весточки от вас,—значит, вы здоровы и работаете. Жду послезавтра романа² и обещанного письма,—вы тоже странный человек, что не могли в сегодняшней записке написать в одном слове свое мнение—хорошо ли, худо ли по-вашему. А я, признаюсь, поджидаю возвращения романа, потому что нужно скорее послать в Питер.

Получил и «Русский вестник», и газеты, и «Колокол» с «Вечем». Я не могу передать вам чувства, с каким читал братское слово,—это замечательно отрадная вещь и может быть очень полезна; вообще этот номер «Веча» нужно будет при первом (будет же когда-нибудь?) транспорте послать нашим в большом количестве—его распространение пользу принесет... Статью о Луи Блане я для того просил, что думал по поводу ее написать статейку в «Современник» о наших доморощенных публицистах, потому что знал, что в «Русском вестнике» непременно напечатана какая-нибудь мерзость...³ Хотел было поговорить о значении таких статей, как Воловского, своею публикацией на общеевропейском языке наносящих правительству удары не легче инсurreкций⁴, но пора на почту.

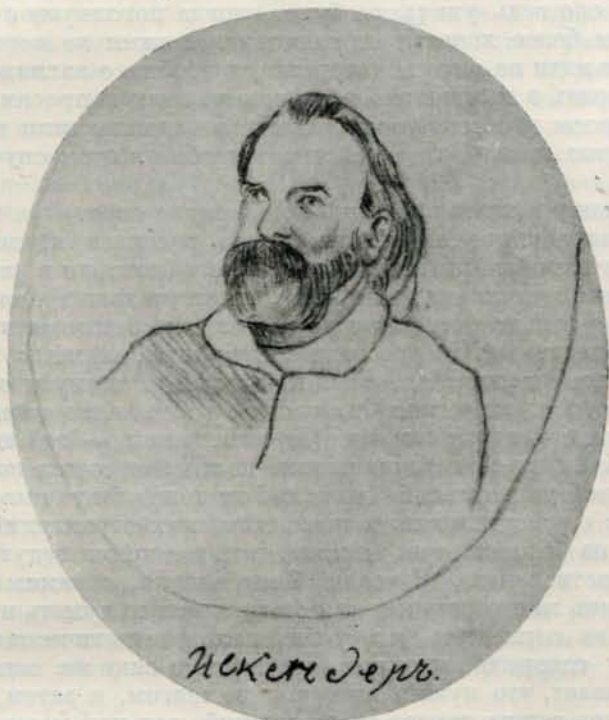
Жмем вам руку и кланяемся. Скоро ли можно переехать в Лондон? Мы ведь в начале апреля намерены переправиться в Брюссель.

Весь ваш Н.

¹ Датируется по упоминанию о «Братском слове», напечатанном в «Общем вече». В данном случае речь идет о статье неизвестного автора «Братское слово к учителям семинарий» в № 27 «Общего веча» от 15 февраля 1864 г. Ввиду того, что ближайший четверг по выходе этого номера «Общего веча» в 1864 г. приходился на 18 февраля, датируем публикуемое письмо этим числом.

² Речь идет о романе, написанном Утиным. См. о нем в следующем письме.

³ Утин имеет в виду статью В. Г. Авсеенко «Луи Блан», напечатанную в № 1 «Русского вестника» Каткова за 1863 г., стр. 227—271. Намерение Утина написать по этому поводу статью о «наших доморожденных публицистах», повидимому, не было осуществлено. Во всяком случае, в «Современнике» такая статья не появлялась.

ГЕРЦЕН

Рисунок Т. Г. Шевченко в его дневнике

«...Еще привез он (В. Г. Варенцов) ... свинцовым карандашом нарисованный портрет нашего изгнанника апостола Искандера. Портрет должен быть похож, потому что не похож на рисунки в этом роде. Да если бы и не похож, то я все-таки скопирую для имени этого святого человека» (запись от 10 декабря 1857 г.)

Музей Т. Г. Шевченко. Киев

⁴ Раймонд-Луи Воровский (1810—1876) — французский буржуазный экономист и политический деятель, поляк по происхождению, сторонник Наполеона III. В 1864 г. Воровский напечатал в «Revue des Deux Mondes» ряд статей о финансовом положении России, в которых указывал, что она стоит на грани полного разорения и неминуемого краха. Статьи Воровского вызвали ряд протестующих заметок и статей в русской прессе, поддерживавшей правительство. Авторы этих статей (банкир Штиглиц, Тернер и др.) опровергали аргументацию Воровского и доказывали, что если Россия испытывает финансовые затруднения, то в аналогичном положении находятся и многие другие страны. «Колокол» отозвался на статьи Воровского заметкой, помещенной в л. 178 и написанной, по всей вероятности, Огаревым. В этой заметке высказывалось мнение, что статьи Воровского нанесли «тяжелый удар идущему в банкротство петербургскому правительству». Помимо этого в «Колоколе» был помещен ряд статей Огарева под общим названием «Финансовые споры» (лл. 179, 180-181, 182, 183 и 184), вышедших в 1864 г. отдельным изданием. Соглашаясь с аргументацией Воровского,

Огарев указывал, что единственная возможность для России избежать банкротства заключается в созыве Земского собора и в «замене чиновничества выборным управлением» («Колокол», л. 183).

8

ОГАРЕВУ

Torguay. Понедельник, 22 февраля 64 г.

Прочел я, дорогой патриарх, и вашу критику и ваши кресты и заметки пересмотрел. Я хотел было отвечать вам подробно на каждое ваше слово и осуждение, но вижу, что это удобнее будет отложить до нашего свиданья, тем более, что оно ведь уж скоро будет, тогда потолкуем с вами обстоятельно... и тем более хочется потолковать с вами *по поводу* романа ¹, что речь может идти не о моем авторстве, а вообще о взгляде, как можно и должно говорить в нынешнюю минуту о разных вопросах и насколько некоторые вопросы действительно являются важными или не имеющими значения? Форма письма гораздо менее удобна в этом случае, чем личный разговор.

А пока я скажу в ответ вам только несколько слов.

Такого беспардонного осуждения моего рассказа я, действительно, не ожидал. Я думал, что вы нападете на форму (которая в романе, и я понимаю, имеет важную сторону), на язык, на отсутствие художественности, а вышло, что не только форма, верно, слаба в вашем мнении, но гораздо хуже—вы не видите в моем рассказе содержания, мысли сознательной... С этим мне трудно согласиться, и так как вы же упомянули о романе Чернышевского, то я сделаю пока следующее возражение вам. Я вовсе не хотел писать романа *такого же*, как Чернышевский, — той цели, которую он хотел и избрал, по-моему, он вполне достиг: он хотел показать *молодежи* в наглядной увлекательной картине ту пользу и те выгоды, которые заключаются в осуществлении социалистических стремлений и которые, выводя людей из бедности или нищеты, в то же время ведут и к моральному совершенствованию. И если б вы видели, с каким энтузиазмом взялась молодежь за его роман и как он заставил ее думать и додумываться!.. Я никак не соглашусь, что у него цель фантастическая, потому что он и не думает говорить, что все осуществимо сию же минуту, напротив, он показывает, что нужно идти шаг за шагом, и затем говорит: вот что будет в конце ваших трудов и стремлений, вот как можно жить, и потому «работайте и работайте». Если б я избрал вполне одинаковую с ним задачу, это было бы желанием с моей стороны поспорить с его гениальной способностью в ясном и в то же время завернутом от цензуры изображении своих убеждений. А у меня было другое желание. Чернышевский взял только *конечную* цель и ее осуществление, он вывел людей и без всяких объяснений повел их прямо по пути к осуществлению своих стремлений. Он оставил в стороне другую задачу: именно — указание, *почему* люди и преимущественно молодежь неуклонно стремятся к лучшей жизни, — к лучшей и в материальной и в нравственной ее стороне. Публика увидела, *к чему* молодежь намерена идти, увидела, что молодежь ищет выхода из нынешнего положения, и смела негодовать и вопить на недовольство молодежи, — к чему, отчего, зачем, почему? *Заставить замолчать* всю публику ответом на ее глупые вопросы я не думал, но *содействовать* на сколько-нибудь вразумлению известной части публики и, главным образом, дать молодежи возможность указывать *осязательно* на свое *незавидное* положение — это я хотел. — Вот почему я и желал изобразить ту язву, которая гнетет нашу молодежь, и язва эта — бедность, нищенство, главным образом, и если является «протест против чего-то», против бедности *этих лиц*, то понятно, что протест этот сводится на неудовлетворенность всем состоянием общества. Если еще в

юношах на первой поре является протест против домашней жизни, школьного и университетского образования — то понятно, куда должен вести такой *закалившийся* протест, во что, в какое чувство и стремление должен он формироваться, потому что понятно, в ком и в чем лежит причина всего недовольства. Кроме того, в очерках, например, скептика или Ярепки, кажется, очень ясно, кто разрушает часто самую возможность «выбиться на свет божий» при нынешних условиях (в эпизодах о Харькове), и, с другой стороны, ясно, что таким разрушением сильные натуры в молодежи все же не задавливаются, а опять-таки только закаляют в себе чувства ненависти и страсть к борьбе.

Вопрос теперь мог бы сводиться на два пункта: 1) прав ли я, что только там крепко и непоколебимо убеждение и чувство, где они взращены с первой юности, с детства, если угодно? 2) прав ли я, выставляя самым большим злом, *заедающим* силы молодости (хоть и не могущим *заест*), бедность с ее причинами и последствиями? — На первое не к чему отвечать, а на второе трудно не согласиться. У нас часто говорят о бедности, но мало и не полно говорят о бедности и т. д. тех людей, которых мой скептик определил: *пролетарии такого смысла, какого экономисты еще не раскусили*. Я думаю, что я не погрешил против действительности... Вы знаете ли хоть тот факт из весьма недавнего времени, что две девушки, образованные, честные, решились броситься в реку (в Москве), не устояв пред трудностью жить своим честным трудом в нынешнем обществе?!² — А вот теперь один юноша пишет нам из Питера, что несколько молодых девушек и юношей завели *переплетную*! Это факт, на первый взгляд очень грустный, — люди с головою, с образованием принуждены зарабатывать хлеб в бесплодном стряпании переплетов! Но что же делать, во-первых, если есть нечего? а, во-вторых, нарабotaются, станут на ноги и в состоянии будут более уделять времени своим умственным занятиям, а переплетная останется для людей, не склонных или не способных к другой работе. А дух моральный все же поддерживается тем, что есть свой кусок и своя постель, и энергия может *не падать*, а в энергии ведь вся сила... Короче, ведь если бы бедность не была в таких размерах в нашей молодежи, дело пошло бы быстрее, — в этом вы согласны были, когда я читал свой проект об *артельках*, в которых я вижу поруку и возможность нашего дела.

Затем, я думаю, что выставлять особенно напоказ присутствие *народных основ* в очерченных личностях было бы лишнее, я думаю, что в одной, например, фразе Коробейникова, сказанной во время грустного его рассказа Катерине Александровне: «Вот где выдумал волю найти! в степях бы Донских поискать», — в такой фразе видно довольно присутствие *народного* элемента; наконец, неужели же в скептике, в его рассказе о Доне, в его жизни там, в которой он нашел не только возможность пробавляться батрачеством, про которое он сам говорит: «в этом, чувствуете ли, своя поэзия есть!», но и лучшее наслаждение... в его решении быть народным учителем, ходить по деревням и селам, — в том, что, несмотря на все внешние превратности, он всё идет и идет, — неужели в этом не сумел я дать почувствовать не только истинного сына народа, но даже и какой бы то ни было народной основы? — А я думал, что следует именно избежать всех разговоров и размышлений моих лиц, которые могли бы быть заподозрены в стереотипности и еще хуже — в тыкании собою: народные основы, по моему, стремление, *тяготение в народ*, до того присущи молодежи нашей, что об этом лишнее было бы говорить, — во всей их жизни, в их отношении к жизни, в простоте и прямоте отношений, хотя бы к таким лицам, как хоть Катерина Александровна, не говоря уже о Марусе и т. п., во всем этом, казалось мне и кажется, существенный элемент — *приближение* к народным нравам (в их светлой, хорошей стороне). И еще, наконец,

я должен сказать и согласиться с вами, что, конечно, скептицизм Землекевича пока выведен не тот, который является великой человеческой задачей, — тут вы совершенно правы, и эти строки меня сердечно обрадовали, потому что скептика таким, как он должен быть, я хочу вывести во *второй* части, а в первой видны только задатки широкого, хоть и мучительного, развития скептицизма, того скептицизма, который может идти *рядом* с энергией и *фанатизмом*. Вообще, кончая, я должен сказать, что мне, читая ваше осуждение, подчас казалось, что вы приняли написанную часть за оконченное целое... я думаю, что с концом вы будете согласны и там, по крайней мере, не отвергнете присутствие народных основ. Я думаю, что вследствие тяготения молодежи к народу она теперь хочет идти в провинции и, добровольно ли идущая или насильственно, не потеряет там головы, а сойдется с людьми народа, поэтому большая часть *моих* людей во второй части кончает или просто продолжает жизнь, разбросанная по разным краям провинции, во второй части должны выйти на сцену и Таня и Коленька (дети адвоката), и пока незаметная, может, личность учителя Павлинского. Вот как расписался, а хотел отложить всю свою речь до свидания. Теперь же скорее кое-что нужно заметить и о *Колесове*. Я вовсе и не хотел, чтоб его арест ждался и вытекал из всего рассказа. Колесов — опять только отдельный эпизод, — судьба его возможна и случается и невольно сообщает еще одну сторону грустной картине — грусть, злоба и ненависть — случаи такие, как с Колесовым, делают для молодежи невозможным отступление от борьбы в разных ее видах; но выставлять его судьбу — каторгу, как общую передовую молодежи, как «последствие помысла, труда и усилий всех *этих людей*» — думаю, что непрактично и вредно и опасно было бы, — эпизод такой может входить в роман, но чтоб весь роман представлялся с идеалом или с изображением конспираторов, — этого нельзя и не нужно. А если цензура и похерит о Колесове, то похерит только параграф о его аресте, и жаль мне будет похерить «человечка», но Колесов все же останется нестертою личностью, и именно по своему отношению к *Диме*; не скрою, что мне жаль было не услышать от вас ни слова о Диме и Колесове, а ведь там формулировалась простота и возможность естественных отношений, и я думал, что формулировалась не избитыми фразами. Впрочем, и Дима дорисовывается во второй части. Вот и всё.

Что это вы сказали о мемуарах? Полноте, дорогой патриарх, я вовсе не писал своего рассказа, чтоб отдаться своим собственным воспоминаниям: я писал и не прошлое, а настоящее, — и никогда бы не стал я писать теперь свои мемуары для публикации, я еще слишком молод для своей автобиографии, а ведь мемуары так или иначе всё сводятся к тому же; да и не к чему, никому нет дела и интереса в моих мемуарах, мне могли бы совершенно верно повторить:

«Какое дело нам — страдал ты или нет!»³ — и были бы правы, — жить в настоящую минуту своим *собственным* миром, заниматься лично собою и своими столкновениями не приходится; а что грустно не иметь возможности делать что-нибудь вполне полезное и ведущее прямо к цели жизненной — это вопрос другой.

Мне остается не формы ради, а по сердечному побуждению, глубоко поблагодарить вас, дорогой патриарх мой, за ваше письмо, за то, что вы прямо, без утайки разобрали меня как своего юного друга. Верьте, что я от вас все приму *sine ira*^{*}, потому что знаю, что вы руководитесь чувством любви, которую я крепко ценю. А лучшим доказательством того, что я выслушал ваше осуждение *sine ira*, хоть и с понятным сожалением, служит это длинное послание; ведь уж если я решился быть своим собствен-

* без гнева (лат.).

ABONNEMENT.

24 FRANCS PAR AN
(par l'Europe le port en sus.)

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO !

LA CLOCHE

ABONNEMENT.

24 FRANCS PAR AN
(par l'Europe le port en sus.)

DÉPÔTS.

MONTREAL. A la Librairie Clarendon, 88, rue de la Madeleine.
A la Librairie Stangor, Place Royale.
14. Fribourg, 15, Boulevard de la Cour.
14. Lefebvre, 12, passage de la Monnaie.
VERONA. Carot et Bis.
ROME. Librairie Neudrich.

ABONNEMENTS.

BRUSSELS. A tous les bureaux de poste.
BRUSSELS. A la Librairie Clarendon, rue de la Madeleine, 88.
PARIS. A la Librairie Nouvelle, 15, boulevard des Filles.
LONDON. Traubner et Co, 62, Paternoster Row (Saint-Paul).

DÉPÔTS.

PARIS. A la Librairie Arquet, A. rue de la Paix.
Dents, 13 et 15, Galerie vitrée (Palais Royal).
A la Librairie Moutonier et Co, 15, quai Voltaire.
Pogore, 18, rue de Soisy.
BRUSSELS. F. Schneider et Co.
LEIPZIG. L. A. Klotz.

Le 8/20 septembre 1862 est le millième anniversaire de l'existence de la Russie.

Il nous a paru que nous ne pouvions choisir une meilleure date pour faire connaître les efforts courageux tentés par quelques écrivains supérieurs pour le bien d'un grand peuple.

Depuis longtemps, le journal russe, la Cloche, dont le nom a retenti dans le monde entier, se publie à Londres. C'est la traduction de ce journal que nous éditons à notre tour. Elle s'adresse à toute l'Europe. La discussion libre des intérêts de 60 millions d'hommes n'est-elle pas digne de la sympathie de tous les gens de cœur ?

Afin de mettre les lecteurs au courant des questions traitées par le « Kolokol » depuis sa fondation, nous reproduirons dans nos premiers numéros quelques-uns des articles les plus importants publiés pendant le cours des dernières années. Nous traduirons ensuite l'édition Russe à mesure qu'elle paraîtra.

Bruxelles, 20 septembre 1862.

A Monsieur le Rédacteur de « la Cloche ».

Monsieur le Rédacteur,

Vous désirez une introduction de ma part dans le premier numéro de la Cloche, — cette introduction doit être n'est-ce pas une note explicative, — une note de profession de foi servant à déterminer la longitude et la latitude...? Cette introduction est toute faite et je vous l'envoie en mauvais français telle qu'elle a été publiée dans un livre qui a paru du vivant de l'empereur Nicolas.

Recevez mes vœux pour le succès de « la Cloche ». Ils sont d'autant plus sincères qu'il y entre beaucoup d'égoïsme.

A. HENZEN.

22 août 1862, Ortel House, Westbourne terrace

Diesh stert nicht in Isen
Zu lebendig Zeit.
Einsam amers
Eid vergeblicher Sied.
GEBEN.

..... Je quittai la Russie au milieu d'un hiver froid, neigeux, par une petite route de travers, peu fréquentée et qui ne sert qu'à relier le gouvernement de Pskow à la Livonie. Ces deux contrées qui se touchent, ayant peu de rapports entre elles, étrangères de toute influence extérieure, offrent un contraste qui se présente nulle autre part avec tant de netteté, nous dirons même avec tant d'exagération.

C'est un détachement à côté d'un enserment, c'est la veille touchant le lendemain, c'est une germination pénible et une agonie difficile. D'un côté tout sent la chaux, rien n'est terminé, rien n'est encore habitable, partout des bois de construction, des murs nus; de l'autre, tout sent le moisi, tout tombe en ruines, tout devient inhabitable, partout fentes, débris et décombres.

Entre les bois de sapin saupoudrés de neige, dans de grandes plaines, apparaissent les petits villages russes; ils se détachent brusquement sur un fond d'une blancheur éblouissante. L'aspect de ces pauvres communes rurales à quelque chose de profondément touchant pour moi. Les maisonnettes se pressent l'une l'autre, aimant mieux brûler ensemble que de s'éparpiller. Les champs sans haies ni clôtures, se perdent dans un lointain infini derrière les maisons. La petite cabane pour l'individu, pour la famille, la terre à tout le monde, à la commune.

Le paysan qui habite ces maisonnettes est resté dans le même état où les armées nomades de Tchengis-Chan le surprisent. Les événements des derniers siècles ont passé au-dessus de sa tête, sans même éveiller son insouciance. C'est une existence intermédiaire entre la géologie et l'histoire, c'est une formation, qui a un caractère, une manière d'être, une physiologie — mais non une biographie. Le paysan régit, au bout de deux ou trois générations, sa maisonnette en bois de sapin, qui dépérit

peu à peu, sans laisser plus de traces que le paysan lui-même.

Parlez lui cependant, et vous verrez de suite si c'est le déclin ou l'enfance, la barbarie qui suit la mort ou la barbarie qui précède la vie. Mais d'abord parlez lui sa langue, rassurez-le, montrez-lui que vous n'êtes pas son ennemi. Je suis bien loin de blâmer la crainte du paysan russe à l'endroit de l'homme civilisé. L'homme civilisé qu'il voit est ou son seigneur, ou un employé du gouvernement. Eh bien, le paysan se méfie de lui, le regarde d'un œil soupçonneux, le salue profondément et s'éloigne de lui, mais il ne l'effraie pas. Il ne craint pas en lui une nature supérieure, mais une force majeure. Il est vaincu, mais il n'est point lequasi. Sa langue rude, démocratique et patriarcale, n'a pas reçu l'éducation des anti-chambres. Ses traits, d'une beauté mâle, ont résisté au double servage de l'impôt et du seigneur. Le paysan de la Grande et de la Petite Russie a un esprit très-délié et cette vivacité presque meridionale qu'on s'attende de trouver au Nord. Il parle bien et beaucoup; l'habitude d'être toujours avec ses voisins l'a rendu communicatif.

..... Arrivé à l'un des derniers relais russes, nous attendions les chevaux de poste dans une petite pièce, chauffée comme une serre. La femme du maître de poste, sale, mal peignée et criarde, nous forçait de prendre du thé. Fatigué de contempler une gravure — très-intéressante — qui ornait le mur au-dessus d'un sofa en cuir, je fus enchanté d'entendre du bruit devant la maison.

Pourtant, avant de quitter la gravure, j'en dois faire connaître le sujet, qui est très-caractéristique. Apparemment elle appartenait au temps qui suivit le règne de Pierre le Grand. C'était lui, assis devant une table couverte de mets et de flacons. Le prince Mentchikoff, s'inclinant profondément, lui présentait et lui offrait une jeune personne — la future impératrice Catherine II. L'inscription disait : « Le bon sujet cède ce qu'il a de plus précieux à son Tsar bien-aimé. »

Je me repens encore aujourd'hui de n'avoir pas acheté cette gravure.

Je suis pour m'enquérir de ce qui existait le

ГАЗЕТА «ЛА СЛОСНЕ», ИЗДАВАВШАЯСЯ ЛЕОНОМ ФОНТЭНОМ В БРЮССЕЛЕ. В НЕЙ ПЕЧАТАЛИСЬ ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА И СТАТЕЙ ИЗ ГЕРЦЕНОВСКОГО «КОЛОКОЛА».

Первый номер газеты от 20 сентября 1862 г. Здесь помещено письмо Герцена к редактору газеты и отрывок из «Былого и дум»

ным адвокатом, то, конечно, только потому, что знаю ваше искреннее отношение ко мне, ибо иначе быть своим адвокатом, защищать свою же работу часто выходит *смеха ради*, но вы не посмеетесь. Дайте же крепко, крепкожать вашу руку и поблагодарить. Кое-чем, разными указаниями я воспользуюсь при второй части, жаль только, что вы еще не довольно подробно раскритиковали и мне не пришлось от вас слышать и об описании детства и о других сценах, если они не ниже критики в ваших глазах.

Пора на почту. До другого раза.

Ваш Н. Утин

¹ Настоящее письмо — ответ на не дошедшее до нас письмо Огарева, в котором он подверг серьезной критике написанный Утиным роман (или, вернее, его первую часть). Роман этот в печати не появлялся, и рукопись его неизвестна. Письмо Утина дает возможность до некоторой степени установить, что именно вызвало возражения Огарева.

² Утин имеет в виду самоубийство сестер Дексбах. См. об этом примечание 6 к письму № 3.

³ Из стихотворения Лермонтова «Не верь себе».

9.

ОГАРЕВУ

Суббота. 5 марта (1864 г.)

Вот сколько времени не писал вам. Здоровы ли вы теперь, дорогой патриарх, вернулись ли домой? Ваше письмо из Вимблейдона, конечно, дошло, и очень я вам за него благодарен, а не писал вам так долго потому, во-первых, что думал — вас дома все равно нет, а во-вторых, и сам прихворнул — лихорадка было одолела и бессилие какое-то...

Чтоб покончить пока с романом¹, — вы действительно правы о *Даше* — она не довольно очерчена, и нужно ее хорошенько обделать. И об *артельке* написано было вяло, тоже надо переделать, а затем некоторые места совсем похерить без ущерба делу... Пока о нем и довольно...

Что касается «Тьмы» Сальяса², то это, действительно, в высшей степени художественное произведение. А сам Сальяс тоже человек, должно быть, умный и развитой, сколько я о нем слышал. Читал я в это время, между прочим, «Tagebücher» Varnhagen von Ense³ — весьма интересные вещи рассказывает из эпохи 48 г.

Из Берлина мне пишут, что почта российская свирепствует в Германии, многие письма не доходят, а только пустые конверты и даже распечатанные письма! Пишут еще, что в России и в Питере вообще большое недовольство земскими учреждениями...⁴

Сегодня пришел «Колокол». Что это у вас за странность вкралась: 15 миллионов фунтов стерлингов = 390 миллионов рублей серебром?! (на 1-й стр. 2-й столбец)⁵.

Вот и март, а погода скверная, и когда она установится? Что-то скажет и чем-то кончится весна? — А что наши континентальные? что не пишет Стюарт, что Бакст молчит? Жаль, что эти люди так далеко отброшены; вот зимою будем в Швейцарии — лучше будет.

Еще вот что: Тхоржевский прислал мне книги, а я не заплатил ему: если увидите его завтра, будьте так добры спросить его, сколько ему нужно, и дать ему из моих капиталов, а то я ему ничего не писал по причине все той же лихорадки.

Девочка крепко жмет вам руку и пеняет, что вам не вздумалось в наши страны, — давно ведь не виделись да и опять недолго повидимся, а там в Брюссель нужно.

До свиданья. Весь ваш

Н. У.

¹ О романе см. в примеч. 1 к предыдущему письму.

² «Тьма» — повесть Е. А. Салиаса, напечатанная под псевдонимом «Вадим» в № 12 «Современника» за 1863 г. Герцен и Огарев высоко оценили повесть. См. об этом в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 828—830.

³ Карл-Август *Варнгаген фон Энзе* (1785—1858) — немецкий критик, интересовавшийся русской литературой и хорошо знакомый со многими русскими писателями, посещавшими Германию в тридцатых и сороковых годах прошлого века. Утин имеет в виду «Дневники» Варнгагена, изданные после его смерти в четырнадцати томах.

⁴ 1 января 1864 г. царем было утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», по поводу которого Ленин писал: «...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» (Соч., т. 5, стр. 32).

⁵ Отмеченная Утиным ошибка (неправильный перевод фунтов стерлингов на рубли) была допущена Огаревым в статье «Финансовые споры», напечатанной в л. 180-181 «Колокола» от 1 марта 1864 г.

10

ОГАРЕВУ

Четверг. 10 марта (1864 г.)

Конь и о четырех ногах, да спотыкается, дорогой патриарх! Вы меня спрашиваете совета, как пособить горю ¹. Я чувствую, что пособить горю нужно, и скажу как, по моему крайнему разумению, но вы не забудьте все же, что в сих вопросах я аза не смыслю. Понимаю же я то, что нужно немедленно, как можно скорей, поправить ошибку, — так скоро, чтоб русские газеты или совсем не успели задеть вас, или, если заденут, то чтоб их крик *очевидно* дошел до вас позже, чем вы сами исправите ошибку. То есть, если вы немедленно же исправите оную печатным образом, то когда и придут газеты с плоскими усмешечками, мы им утрем нос и скажем, что гораздо ранее их наставлений бросилась в глаза ошибка чистого недосмотра, о чем и имеется доказательство *в печати*. Я нескладно говорю, но вы поймете важность этого маневра — дело в том, чтоб с честью отпарировать господ, которые придерутся и захотят обличить в обманчивых цифрах. Только ведь в этом все дело. А затем, средства к успешному выпутанью я вижу следующие: 1) если французский «*Closche*» не вышел еще с вашей статьею — нужно немедленно телеграфировать Фонтану ², чтоб он задержал номер по весьма важному обстоятельству и что если даже уже напечатан номер, но не выпущен еще — все же задержатъ, и сказать, что вы уплатите за перепечатание (ведь это пять фунтов); 2) если одного нельзя уже, и поздно в нем, в «*Closche*», исправить ошибку, то *свое* средство — выпустите *безотлагательно* «Вече» и в нем расскажите коротко финансовое положение и, вместе с тем, сделайте *крупную* заметку об ошибке в «Колоколе». Затрудняться *в содержании* для номера «Веча» вам не придется — ведь по случаю освобождения или наделения крестьян *польских* землею ³ есть что сказать к русскому люду; тема эта не нова, но она никогда не старится, и она *любовобильна*, т. е. о ней много хорошего можно сказать — можно указать не только то, каким путем должно брать землю от правительства, можно окончательно показать, что только такой путь возможен с нашим правительством, и самое правительство можно выставить не в повторяющихся выражениях без *подтверждения* его ничтожества, но с действительно осязательной стороны этого ничтожества. (А вот и Священный союз подошел — богатая тема) ⁴. Ну, да что ж, мне об этом говорить вам нечего. И в смесь «Веча» вы всегда найдете в газетах хорошие казусы. И для выпуска «Веча» нечего ни дня ждать — выйдет себе как прибавление к последнему номеру, а суть-то вся в том, чтоб обогнать крик, если подымется... Не знаю, так ли вы думаете, но хотелось бы видеть исполненным одно из

этих средств или и оба вместе, потому что последним средством было бы маленькое avis* в какой-нибудь иностранной газете, но вряд ли это так хорошо будет.

Вот и все мои средства. Что-то вы придумали?..

Если у вас выдастся досужная минута и будут свободные газеты, где и о польской реформе и о цехах у нас — пришлите и пометьте, отослать ли вам назад — спасибо скажу. Скверно без наших периодических изданий — нужно было и самим подписаться — эти деньги окупаются, а иначе совсем ведь отстанешь... Погода скверная, черт ее знает, когда-то вы напишете, что и в Лондоне хорошо, а там и на континент... Очень интересно, напишет ли мне что-нибудь брат Б(ак)ста, хотелось бы его увидеть.

Ну и довольно, вам теперь не до меня, а все ж «не робей, Варсонофий Петров!»⁵ Все обстроится хорошо, будьте только здоровы.

Весь ваш
Н. У.

¹ Ошибку, допущенную в л. 180-181 «Колокола» (см. примеч. 5 к предыдущему письму), Огарев исправил в л. 182, напечатав по этому поводу подробное объяснение.

² Леон Фонтэн — брюссельский издатель, издававший с 1862 г. французскую газету «La Cloche», в которой преимущественно перепечатывал статьи из «Колокола».

³ Утин имеет в виду реформу 19 февраля 1864 г., предоставившую польским крестьянам в собственность те участки земли, принадлежавшей помещикам, которые обрабатывались крестьянами. Эта мера была проведена царским правительством в демагогических целях, для того, чтобы привлечь на свою сторону польских крестьян.

⁴ О подоспевшем Священному союзу Утин писал, имея в виду захват Пруссией и Австрией при поддержке царского правительства принадлежавших Дании княжеств Шлезвига и Гольштиния. Нападение Пруссии и Австрии на Данию происходило в конце февраля 1864 г.

⁵ Из стихотворения Н. А. Некрасова «О погоде. Часть первая. III. Сумерки».

11

ОГАРЕВУ

Bruxelles. Rue de la Sablonnière
Четверг, утро. 14 апреля (1864 г.)

То письмо или, вернее, тот скудный проект письма на съезд¹, которое вы уже получили, я писал, что называется, *на всех парах*, смотря каждую минуту на часы, боясь опоздать (на) почту. Не знаю, как отнеслись вы и Александр Иванович к этому проекту, но дело в том, что я полагаю, что достоинство его именно и заключается в *бледности*, в сжатости содержания. С одной стороны, нечего делать, если приходится еще учить славян *прямо* отношению к императорству, с другой стороны — нужна особая скромность в упоминании о «З. и В.», а вовсе не упоминать о нашей организации (?)**, вовсе не объяснять значения и смысла прокламационных агитаций — нельзя и, наконец, с третьей стороны — говорить о будущем много, не зная людей, которым будешь говорить, неблагоразумно, и в то же время политичность для нашего дела требует с нашей стороны в известных случаях заявления твердой уверенности в возможности успешного ведения дела. Вот какие соображения руководили меня в писании посланного вам письма. Теперь я спешу прибавить вот что: если вы отослали уже то письмо маленькому К—ву², то сделали очень хорошо, а если не отослали еще, то я хотел бы просить вас отослать его немедленно. Оно придет во-

* предупреждение (франц.).

** Здесь и ниже вопросительные и восклицательные знаки в скобках проставлены самим Утиным. — *Ред.*

время еще, потому что понятно, что съезд не ограничится одним днем. Кроме того, вы можете придти к решению — послать то письмо К—ву только для личного наизидания, только для того, чтоб он знал, в какой тесной рамке и сдержанности должен он объясняться. Иначе выйдет большая и неблагоприятная путаница, ибо вы сами хорошо знаете из писем К—ва, что он воображает гораздо более, чем у нас есть³, да еще его личное *самодовольство* своими речами (я не хочу обвинить его, я только заподозриваю) — заставлять его идти в собрание, не ставя его самого *au courant* *, было бы очень странно.

Еще следующее: я счел крайне необходимым обстоятельно указать на *чистоту* наших отношений к польскому комитету — этот пункт крайне важен в сношениях со съездом и особенно с *малороссам*, я особенно *напирал* на близость нашу к малороссам, потому что и действительно вижу единственный, но и верный, неперемный успех нашего дела в *дружном* действии с малороссам.

ПЕЧАТЬ ОБЩЕСТВА «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Такою печатью снабжены отдельные экземпляры нелегальных листовок, выпущенных обществом в 1863 г. Воспроизводится (в увеличенном виде) с одной из них

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина
при ЦК КПСС, Москва

Вот я и подошел к инструкции К—ву. По моему разумению, К—ву следовало бы написать, чтоб он старался сойтись и расположить к нам малороссийского полномочного, и так даже, что если окажутся возможными дела взаимной помощи, то чтоб наставил он малороссийского полномочного проехать сюда, к нам. Это главный пункт и важнейший всей инструкции, и таким я считаю этот пункт по следующей причине: *ceterum censeo* ** — вся *суть* нашего вопроса сводится к устройству провоза *пограничных* печатаний, хотя бы этот провоз совершался хоть два раза в год. Вы знаете, что скептицизма у меня есть довольно, а я еще и еще твержу вам, что дело пойдет, лишь бы *исподвольная* печатная пропаганда в молодежи велась исправно.

Теперь, зная дела и положения малороссов, я уверен, что им, даже уже по самой местности их, *легко* устроить провоз по южной границе, и точно так же нетрудно устроить доставку чрез юг в Питер и Москву. Вот почему я налегаю сильно на завязание дружбы с малороссам; и далее и серьезнее еще гораздо — эта дружба важна по дальнейшему общему ходу дела, ибо опять-таки думаю, что не ошибаюсь в своем воззрении, что движение народное может начаться с юга, в Украине, и т. д.

Затем, мне нечего писать вам лишние советы, как наставить К—ва; я уверен, что вы уж сами отписали ему приличное патриаршее наставление, так что он на съезд отправится без сопровождения шпионами. И, кроме того, не забудьте вы ему написать (да, впрочем, вы, кажется, уж давно

* в курс дел (франц.).

** Начальные слова известной формулы Катона младшего, который все свои речи в римском сенате заканчивал призывом: «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*» — «Кроме того, я думаю, что Карфаген необходимо разрушить» (лат.). — *Ред.*

написали, ну так повторите), чтоб он и не думал ни сношений вести, ни писем писать в Россию иначе, как чрез вас, по той простой причине, что письма его все равно не дойдут в Алексеевский равелин!⁴

Буду ждать от вас весточки. Не пишу вам больше, потому что у вас теперь сам енарал Алабирдин⁵... Только сегодня первый раз вздохнул легко, а то Ната простудилась не на шутку и, бедная, много помучилась, теперь здорова и крепко обнимает нашего дорогого патриарха. Кланяйтесь всем вашим. Фонтэн продолжает ждать Александра Ивановича; впрочем, о Фонтэне я как-нибудь еще отпишу вам. Пишите прямо на мой адрес. Будьте здоровы.

Приписка на полях:

Кстати: я думаю, что полезно свидеться с *Бакстом*⁶, тем более, что очень близко, поэтому прошу вас прислать мне его адрес в *Гейдельберге*, чтоб я мог написать ему.

¹ В комментируемом письме речь идет о предполагавшемся (или же состоявшемся) славянском съезде в Константинополе. Устроители его, как это видно из печатаемого ниже письма Утина от 27 апреля 1864 г., обратились в Россию, т. е., очевидно, к «Земле и воле», с просьбою прислать делегатов на съезд. К сожалению, никакими иными сведениями об этом съезде мы до сих пор не располагаем. Письмо Утина к Огареву, о котором он упоминает в настоящем письме, не сохранилось, ввиду того, что оно, повидимому, по просьбе Утина, было позднее возвращено ему.

² *Маленький К—в* — Иван Кельсиев, младший брат Василия Кельсиева. Он был уполномочен эмигрантами представлять русских революционеров на константинопольском съезде. См. о нем в настоящем томе, стр. 219—258; письмо Огарева к И. Кельсиеву напечатано в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 612.

³ *Вы сами хорошо знаете из писем К—ва, что он воображает гораздо более, чем у нас есть...*—Утин имел в виду письма И. И. Кельсиева к Герцену и Огареву из Константинополя и Тульчи (см. их текст выше, на стр. 219—258). Желая активизировать деятельность Центрального комитета «Земли и воли», Кельсиев неоднократно обращался к нему с письмами (до нас они не дошли), в которых призывал к созданию «чисто агитационной прессы», предлагал наладить печатание популярных брошюр в Константинополе, высказывал мысль о превращении «Общего веча» в орган ЦК «Земли и воли» и др. Развивая эти мысли в письмах к Герцену и Огареву, Кельсиев не считался с тем, что деятельность тайного общества к концу 1863 г. замерла и само оно фактически прекратило существование.

⁴ Слова о том, что письма, отправленные не через издателей «Колокола», «все равно не дойдут в Алексеевский равелин», отражают неверие Утина в надежность тех путей сношений—«через старообрядческие селения»,—которыми предлагал пользоваться И. Кельсиев.

⁵ *Алабирдин* — Гарибальди, посетивший в апреле 1864 г. Англию и встречавшийся там с Герценом.

⁶ Речь идет о Владимире Игнатьевиче *Баксте*.

Понедельник, 18 апреля (1864 г.)
Bruxelles. Rue de la Sablonnière, 4

Дорогой патриарх! От вас ни слова, а между тем и желательно бы и нужно бы знать, что и как решилось с Царьградом?¹ Кроме того, опять прошу вас прислать мне адрес гейдельбергский Бакста. Затем припомните и ответьте мне непременно: получали ли вы, т. е. вы или А. И. — все равно, — письмо когда-нибудь чрез посредство книгопродавца берлинского *Ашера*?² Это мне важно вот для чего: я говорил с здешним библиотекарем Мусquardt'ом о *перевозе в Россию*; он непрочь и обещал дать ответ, переговорив с одним приказчиком одного немецкого магазина в Питере. Он же и сообщил мне, что при его посредстве, чрез его агента *Ашера*, в прежнее время получались ваши письма. Проверить его мне важно для того, чтоб утвердительнее знать, что он, насколько верный он человек??? А вообще говорят, что он человек очень честный, хотя я не с ним рассуждал, а с его главным приказчиком. Жду скорейшего ответа.

Теперь вот что. Может, не лишнее будет, так как А. И. имел соприкосновение с *тактикой* Гарибальди. В газетах пишут, да и так я слышал, будто Гарибальди намерен приехать в Брюссель. Я видел как-то на той неделе еще Фонтэна, и он читал мне свое письмо к Мадзини, где писал, чтоб отговорить «генерала» ехать сюда, на гостеприимство к партии à la Dologoukow (видно, что отыгнулось им), т. е. к Lacroix³ и К°. Но это меня не касается. А вот другое замечание. Мне случилось столкнуться *поочередно* с двумя совершенно разного занятия господами из буржуазии мелкой. Один из них говорил с яростью, что они решили закидать Гарибальди грязью и освистать, что это разбойник, ссорящий народы и опустошающий страны революцией! Другой, аптекарь, скромно объяснял, что Гарибальди примут здесь очень скверно, потому что хороший прием — ссора с Францией и т. п. Меня поразило сходство суждений этих людей, и я мог бы заключить, что, пожалуй, и действительно может выйти скверность. О всем сем и сообщаю вам для соображения. Дело же в том, что я вообще не понимаю бестактности такой, как поездка его в Брюссель, и не верю в исполнение ее. В английском приеме — торжество (*bien médiocre* *, конечно) освобождения народов, злобствования и падения реакционной партии, и после такого гигантски-торжественного приема портить все приемом сомнительным в *уездном* городке Брюсселе!

Впрочем, и из газет я мог бы почти заключить, что известная не-народная партия завладела «генералом», ибо странно как-то было читать отказ Гарибальди присутствовать на вечере, на который приглашены Мадзини и Саффи⁴. Довольно-с. Вот из нашей отечественной истории не лишена потешного интереса претензия «Голоса», который печатает в «Еуроре» и «Indépendance» объявления, что он — «газета независимая, газета известной партии свободной, к которой никто не принадлежит из официального мира»! Ай да Андрей седовласый⁵, об этом бы и в «Колоколе» можно статейку написать! А что он, кстати? Вышел ли 15-го апреля? Дружески кланяемся вам и ждем известий.

¹ Утин имеет в виду славянский съезд в Константинополе. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² Ашер — глава книготорговой фирмы в Берлине, имевшей отделение в Лондоне. Еще в 1857 г. агенты русского правительства доносили, что в магазине этой фирмы продаются издания Герцена.

³ Лакруа — владелец «интернационального книгоиздательства», имевшего отделения в Париже и Брюсселе.

⁴ Утин был введен в заблуждение буржуазными газетами. Гарибальди во время своего посещения в 1864 г. Лондона не уклонялся от встречи с Мадзини и Саффи. Встреча их состоялась 17 апреля у Герцена, причем Гарибальди и Мадзини обменялись весьма теплыми речами. Эта их встреча описана Герценом в статьях «17 апреля 1864» («Колокол», л. 184 от 1 мая 1864 г.) и «Camicià rossa» ** («Колокол», лл. 188, 189 и 191 от 15 августа, 15 сентября и 15 ноября 1864 г.).

⁵ Андрей седовласый — А. А. Краевский. Основанная им в 1863 г. в Петербурге газета «Голос» получала субсидию от правительства и отражала взгляды либеральной части петербургской бюрократии.

Не писав вам так долго, я прошу вас иметь терпение прочесть это письмо до конца, тем более, что оно ни в каком случае не должно быть принято как навешанное безотчетным каким-либо чувством: письмо это слишком продумано и прочувствовано, потому что, к сожалению, и *повод* к нему пред-

* весьма посредственное (франц.).

** «Красная рубашка» (итал.).

ставлялся не раз¹. Но при этом я прошу вас ни на минуту не забывать следующего *крайне необходимого примечания*. Я пишу вам здесь не как дорожному доброму другу, не как дорожному патриарху, а пишу его к *редакции «Колокола»*, к редакции, которая за своими подписями послала на царьградский съезд письмо, сообщенное мне вами уже по отправлении его. Короче, письмо на этот раз относится строго к делу, в котором участвуем и мы и редакция «Колокола».

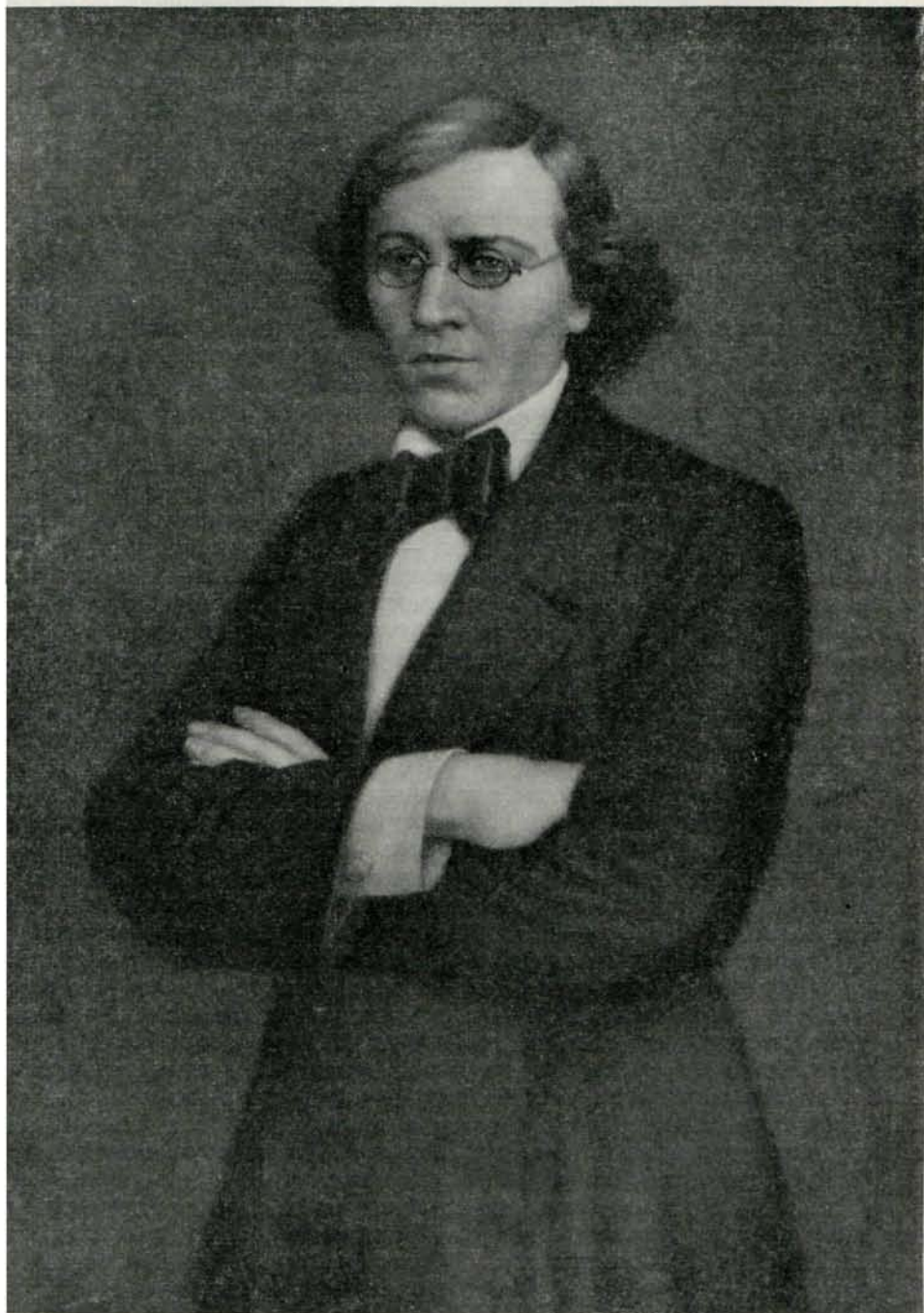
Составленное вами послание явилось для меня такою поразительною неприятностью, представилось мне такою неудобною ошибкою, что я, принужден здесь разобрать его подробно и попросить у вас, как у редакторов, подписавших и отправивших послание, пояснительного ответа, важность которого для меня и для самого дела ясна будет из нижеследующего.

Начало: «Короткое время помешало *друзьям нашим* отправить посланца на съезд, для нас также оказалось это невозможным». Выходит крайне неловко! Вы делаете *различие* между *друзьями* и *вами самими*, вы говорите о собственной невозможности быть на съезде, и таким образом вы забыли, что для съезда такое *различие*, *раздельность* будут весьма странны: они не так отнеслись с своим *приглашением*, они безраздельно звали посланца *вообще от великорусского центра* и потому обратились в самой России. Так и друзья просили нас послать уполномоченного вообще от великоруссов, не понимая надобности в раздельности, а просто полагая очень естественно, что отсюда легче снарядиться в путь...

Дальше: «Мы принуждены заявить *наш* голос письменно». Опять то же! Выходит, что вы *лично* (ибо *раздельность* только что высказана) заявляете свой голос, а «друзья ваши», т. е. те, к кому прямо обратились, не сочли нужным даже и письменно сказать слово! «Сочувствие наше к освобождению славянских племен бесспорно и искренно». Что значит эта фраза и можно ли сказать ее в обращении к съезду? Что за люди предполагаются в них, если допускается, что им нужно твердить о сочувствии, без коего немислим ни один самый скромный великорусс? Такая фраза может вызвать в них улыбку оскорбленных. Дальше еще оскорбительнее для них: «Потому-то мы и станем говорить правду». Но разве возможно говорить неправду, разве можно сойтись на такой сход без самой азбуки всяких простых отношений, т. е. без принесения с собой правдивости??

И затем, в чем же выражается правда? в общих словах «о переживании времени тяжелого страдания и терпения». Такое *третирование* людей может показаться им слишком обидным, не говоря уже о том, что первая фраза: «*Может быть* ваше положение требует быстрого движения» — заставляет их заподозривать вас, недостаточно знакомых им, в равнодушии, в *слишком поверхностном* отношении к ним, а такого отношения они не могут ожидать от издателей *свободного* великорусского журнала. Затем, без всякой связи повторяется то, что сказано было в моем письме о наших основных положениях. Разница же только в том, что у меня оно на своем месте, и им понятно было бы, почему повторяются эти положения пред ними, как пред известного рода судом в наших отношениях к полякам; в посланном же письме без всякой связи говорится им об этих положениях, как будто они в первый раз слышат о нашем и нашем существовании! Совершенно забыто, что если они нашли путь к нам, чтоб звать на съезд, то значит они имеют понятие и о «Свободе»² и о «Колоколе». Им необходимо было ясно выставить наши отношения к полякам (я писал уже вам почему, и как это важно, особенно касательно Малороссии) и потому повторить основания, а вы, приводя их *ex abrupto**, в то же время бросаете весьма двусмысленную фразу о поляках.

* внезапно (лат.).

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Портрет маслом Б. В. Шербакова, 1952 г.

Литературный музей, Москва

В следующих затем словах о *реакции* никак нельзя понять, почему это реакция *в высших слоях общества* подвергла меньшинство наших единомышленников *гонению*? И прежде всего это неверно: гонение самое ярое идет с студентской истории и пожаров, и это гонение идет от правительства, реакция общественная тут непричастна, а причастна она и виновата в другом, — в том, что неудобно и бесплодно теперь говорить громко; и по отношению к правительству — правительство и до польского восстания хватало людей за прокламации и заговор.

«*Внутренние перемены в смысле гражданской свободы правительство ставит так, что эти перемены никого не удовлетворяют*». Эти слова наиболее всего поражают своею противоположностью со всей прежней пропагандой, со всеми нашими отношениями к петербургскому правительству. «*В смысле гражданской свободы*» — где же вдруг увидели *смысл* гражданской свободы? Заговоря с славянами, вы забыли, что всегда сами твердили о *бессмыслии*, о невозможности никаких свободлюбивых перемен при петербургском правительстве; и, кроме того, слова «никого не удовлетворяют» хуже, чем стереотипны, — они не только не убедительны, но наоборот! О Земском соборе точно так же совершенно неясно, и затем *страшная* фраза: «а не посредством игры в смутные *указы*». Вы, может, хотели сказать это о петербургском правительстве, но оно вышло иначе: вы только что говорили о Земском соборе, — ясно, что речь идет не о самохранившемся правительстве, а о революционных действиях, и выходит, что это или жесткий оскорбительный намек на польскую конспирацию, или осуждение с вашей личной стороны всей нашей собственной деятельности пока в самой России. Каково это подействует на славян?!

Затем о малороссах: «*Наши интересы, вероятно, сходятся... с ними мы можем и должны идти...*». Странное замещение моих слов: ваши слова примутся ими за сказанные *высоко*, за снисходительную готовность, — иначе нельзя их понять.

И наконец: весь вопрос съезда о взаимном содействии и помощи с другими славянами вы *сводите на доставку* «Колокола», на предложение страниц «Колокола»! Но, во-первых, разве и прежде иногда не печатались разные заявления *от* и *к* другим славянам? Разве вы имели бы право отказать в напечатании ихних собственных заявлений? да и разве «заявление требования воли» не должно, наконец, идти *и* иным путем, помимо «Колокола», особенно при вашем же предположении, что их «положение требует немедленного действия», т. е. проще: разве может тут быть речь — главная и единственная — в отпечатании заявлений требований воли в «Колоколе»? А во-вторых, тут еще разительнее видно для них, что редакция «Колокола» свела все дело по отношению к ним только на *личное*, оставляя в стороне тех, к кому именно съезд и обратился.

Вот какая грустная выходит проverka вашего послания. А вы не можете меня заподозривать в желании *натянуть* осуждение вашей речи. Мне невыносимо больно за подобное ваше послание, и именно потому, прежде всего, что все оно, краткое и общипанное, является неожиданным противоречием и вашей собственной пропаганде и тем руководящим началам, которые провозглашены были непосредственным органом «Земли и воли» — «Свободою». Мы высказали в «Свободе» ясно необходимость прямого разрыва с правительством, мы показали ясно, что ни в одном из лживых маневров правительства, именуемых реформами, нет и не может быть смысла; мы указывали, почему относимся к нынешнему императорству как к полнейшему бессмыслию. Ваши слова о «реформах в смысле гражданской свободы» идут в прямой разрез со всею донынешнею пропагандою. Слова о том, что у нас «растут потребности коренного переворота посредством Земского собора и его решений», но что «...рост этот долговременен...» — слишком смутны, и вследствие этого опять прогляды-

ваает противоположность со всем говорившимся прежде: из приведенных слов должно заключить, что нужно выжидать молча и сложа руки, а мы с вами никогда не допускали и не можем допустить такого решения; мы объявляли, что должна идти организация честных, энергических личностей («Свобода», № 1, и то же самое объяснял я в своем предположенном письме) для содействия народному освобождению, и от такого *правдивого* объявления мы не можем отступить, не захотя хоронить себя заживо. Довольно. Я думаю, что слишком ясно, почему я вижу в вашем послании *противоречие* действительным нашим воззрениям и отношениям к народному делу. Выходит, что если б я получил ваше послание раньше, до отсылки его, я бы должен был, *по телеграфу*, просить вас послать не его, а иное какое, — этого требовал бы мой долг по отношению к самым существенным основам поставленного общего дела, — и лично к моим оставшимся братьям. Иначе, какой же смысл в том, что, выбитый из их группы, я принужден коротать годы в заграничной ссылке? Какой же смысл в желании обмена, устройстве сношений, самого приезда кого-либо из Питера??. Вот теперь они просили не отказать им в просьбе, они полагались на полное взаимное соглашение в мыслях и воззрениях и потому заметили: думаем, что условливаться в началах, руководящих нами, нечего; полагались и на мое *представительство*, мы ведь порешили с вами отправить письмо подробно к Кельсиеву II³; вы могли бы изменить, пожалуй, и ограничиться только посланием письма от имени всего нашего великорусского революционного центра (или группы), письма, которое вызвало бы их сочувствие и расположило к содействию нам (хотя бы сначала чрез то же устройство путей), а вышло не то!.. И я оказался совершенно лишний здесь, ибо ничего тут не мог помочь, и остался безучастен и даже *противоучастен* (если можно сказать так) в вашем решении, столь неожиданном и поразительном для меня...

Я буду ждать теперь ответа обстоятельного: чем вы руководились в своем послании? что хотели вы сказать им?.. Такой ответ весьма важен: сохраняя свою личную независимость, я считаю своим лучшим *долгом* — *ответственность* во всем, что касается долга пред теми, которые не отступают от нашей деятельности. Не сообразоваться с их требованиями и воззрениями (с которыми я во всем согласен) я не имею *права*, я должен ответить им и объяснить, почему вышло не то, чего они могли ожидать, почему на славянском съезде не будет даже письма обстоятельного от общего великорусского центра?.. Это раз, а другая важность вашего ответа относится ко всем другим будущим случаям и обстоятельствам. Поэтому-то я и не боюсь утомить вас длинным письмом: при искреннем желании идти с вами вместе по одной тесной дороге (*в деле*, конечно, — о личных отношениях тут и речи не может быть, они неизменны, и вы всегда останетесь для меня дорогим, милым патриархом), — должно сгладить все недопонятости, все ошибочности, иначе дело будет тормозиться вместо того, чтоб спориться.

Тут я ставлю черту и считаю общее деловое письмо пока конченным; и от обращения к редакции «Колокола» обращаюсь к вам просто как к дорогому и любимому человеку. Буду говорить от себя лично, а не как член бывшей или будущей «Земли и воли».

В заключение я прошу вместе с ответом непременно выслать мне обратно проектированное мною письмо.

Будьте здоровы.

Весь ваш

Н. У т и н

¹ Письмо от 27 апреля 1864 г. представляет большой интерес. Оно свидетельствует о начавшемся охлаждении между Утиным и редакцией «Колокола». Поводом к недовольству Утина послужило то, что Герцен и Огарев отправили *от своего имени* приветственное письмо славянскому съезду в Константинополе. Утин воспринял это, как желание редакции «Колокола» отмежеваться от остальной русской эмиграции. Однако в основе охлаждения лежали разногласия принципиального характера, что и выясняется из комментируемого письма Утина.

² Под названием «Свобода» тайное общество «Земля и воля» выпустило две прокламации, имевшие программное значение.

³ *Кельсиев II* — И. И. Кельсиев.

14

ОГАРЕВУ

Bruxelles. Rue de la Sablonnière 4
(Май — начало июня 1864 г.)¹

Я пред вами очень виноват, мой дорогой патриарх, за долгое молчание. Виноват не я: нездоровье, — совсем оно доканывает меня подчас; я прибег к электричеству теперь; должно быть, будет облегчение, иначе непомерная слабость слишком обидна выходит. А потом еще другое было дело. Несмотря на нездоровье, я, как только оно позволяло, ни минуты не сидел спокойно: учился упростить и устроить одно искусство — для литографии в самой России; несмотря на мою бестолковость, дошел-таки, истратив сто франков, и дело в шляпе; чрез две недели друзья мои будут иметь возможность оттискивать и писать литографией все, что им угодно, при этом без всяких искусств вырезания на камне и без всяких прессов; весь этот совершенно простой и устраняющий риск (как при печатании или обыкновенной литографии) попасться с поличным, — я вам передам подробнее в другой раз; а образец, как выходит оттиск, постараюсь прислать завтра. Пока же скажу, что кусок горы с плеч свалился: я отыскивал здесь всякие возможности к устройству пропаганды в России; многое сорвалось; я убедился, что, помимо путей и отпечатаний здесь, нужно дать друзьям средство иметь под рукою возможность распространять в молодежи разные листы; рукопись слишком неудобна, литография обыкновенная — сложна, а то, что я доставлю друзьям, — просто и легко.

Мы намерены оставить Брюссель в четверг утром, в Париже пробудем только полтора дня и прямо в Базель на свидание с Бакстом, а оттуда в Женеву. Ваше письмо еще могло бы застать меня здесь или, во всяком случае, мне перешлют его в Париж. Иначе я вас попрошу писать мне к К. Фогту, а я к нему схожу тотчас по приезде. Что-то из России давно нет вестей?!

Не знаю, кто послал вам отсюда avis aux Russes *. Фонтэна я не видел, но он мне прежде говорил, что читал об этом; должно быть, кто-нибудь из его знакомых близких. Я полагаю, что покража человека — совершенный вздор невозможный².

...Кто издал брошюры — пока мне неоткуда узнать, но я снесусь с Берлином, может и узнаю³. Тороплюсь бросить письмо, очень уж поздно. Я вам еще буду писать, а пока дайте мне и моей девочке крепко обнять вас... грустно пускаться вдаль от вас; скажите же хоть, чем вы решили — Англия или континент?

Ваш друг Н. У.

¹ Письмо это можно датировать только приблизительно, по времени отъезда Утиных из Брюсселя.

² Насколько можно понять из письма Утина, речь идет о каком-то предупреждении, полученном редакторами «Колокола» от кого-то из Брюсселя. Повидимому, автор предупреждения сообщал о подготавливавшемся похищении кого-то из русских эмигрантов царской политической полицией.

³ О каких именно брошюрах идет речь — определить трудно. В качестве наиболее вероятного предположения можно указать, что Огарева интересовали две бро-

* предупреждение русским (франц.).

шюры, изданные в Наумбурге под псевдонимом неизвестного автора: «Крестьянин Безродный». Одна из них, датированная 1863 г., называлась: «Исследование о настоящем денежном кризисе в России с точки зрения национально русской, крестьянской»; другая же, вышедшая в 1864 г.: — «Беглый обзор других главных причин, отрицательно действующих на правильное развитие русского государственного организма. Сюда входят: 1) Польша, 2) крестьянский вопрос, 3) служащие или чиновники, 4) отношения европейских держав к России. Тетрадь первая. Польша».

15

ОГАРЕВУ

Среда, 22 * июня 64 года
Aux Pâquis, 5. Rue de Prieuré

Здравствуйте, дорогой патриарх! Как живете-можете?.. Очень же долго я отмалчивался, а извиняться неприлично выйдет. Одно только могу сказать в оправдание — видно тяжело было жить мне это время, если рука не слушалась, чтоб писать хоть вам. И теперь еще тяжело: от таких ударов, как от окончательной достоверной потери учителя и лучшего друга¹ — нелегко оправляться; ешь, ходишь, спишь, читаешь, но внутри все еще как будто позыв... к летаргии какой-то, как-то слишком мизерна представляется всякая литературная работа, за которую можно бы снова взяться... И кажется даже, что лучше было бы, если б и не знал я его, если б и не любил его так горячо, если б не чувствовал всей его любви ко мне... и если еще есть какой-нибудь проблеск мысли среди давящего мрака в моем состоянии по отношению к казни Чернышевского, то разве то убеждение, что участь его, память живая об его участии навсегда удержит меня от возможности изменить своему крайнему и активному отношению к лагерю мракобесия, — то убеждение, что если б я когда-либо пошатнулся и захотел смалодушествовать в минуту надобности снова поставить жизнь на рискованную карту, то одно воспоминание о Чернышевском не допустит меня до подлости и поведет меня на дело... Но и эта утеха личная и потому мизерная!..

Вот ведь как долго ни отмалчивался, а все же начал с того же, может и ненужного... Но тут переход к деловой речи будет естественен. Работать! хочется и нужно работать! т. е. помимо учения и литературной работы для «Современника»², нужно *прямее*, категоричнее работать... В то время, когда в самой России тяжело становится, не под силу, на *нашу* долю, т. е. эмигрантов, выпадает еще более строгая обязанность. Мы должны вредить, дискредитировать вражью силу, мы должны уменьшить или парализовать силу его приверженцев и ни в каком случае не допускать до шаткости или и до перехода молодежи в правительственный стан. Но как работать? Не распространяясь пока о дальнейших применимых планах, прежде всего — печатное свободное слово, прежде всего — орган наш, за границею, распространенный и *неволью* чтимый. И такой орган может быть и должен быть, — я говорил с вами (под вами я разумею и вас лично и Александра Ивановича) не раз о реформе в издании и содержании «Колокола», и я убежден, что при такой реформе успех должен быть. Я помню и ваше общее дорогое для меня предложение участвовать в редакции «Колокола» вместе с моим другом *Зрачковым*³, которого я все еще жду. Но редакторствовать я отказался, как вы помните, — у меня, к счастью, нет ослепляющего себялюбия, — а участвовать в работах при расширении и строгом определении программы и направления преобразованного «Колокола» — на это я, думаю, способен и готов служить серьезно и обдуманно. Но, кроме меня с приятелем, могли бы и должны бы принимать участие в издании и К., и Мечников, и даже Курочкин⁴ мог бы кое-что

* В подлиннике описка: 21.

писать, ибо личность талантливая... А К. очень хочет работать, и его взгляд на необходимость реформы «Колокола» я нашел вполне основательным... Между прочим, все ссоры и недоразумения, которые хоть кого могли бы озлобить, *не* повлияли на его готовность участвовать в деле и своими средствами и умственной работою... Тут, кстати же прибавишь, что проект Провансова⁵ — действительно вздорная дребедень, бюрократство и недалководидность; это я сказал К. с первого же начала чтения и потому вполне согласен с вашим суждением по поводу его. Я полагаю, что то, что я читал вам о поставлении дела в России (в мой приезд нарочно для того из Тюркея, в морозы-то!), основательнее и применимо при малости силы даже... Но это в сторону, точно так же и то, что Мечников, бесспорно, человек умный и талантливый, хотя его статья не совсем нравится мне: что это за преклонение пред Прудоном, как назвать учителем социста сомнительной честности?! Эта нежность излишняя и вредная — ее не следует проповедовать в *радикальном* органе...⁶ А пока дело вот в чем: теперь уж поздно и завтра или, вернее, послезавтра я пошлю вам подробное изложение своего мнения о том, как должен быть преобразован «Колокол», и, конечно, в самом скором времени. А главное же тут дело — вы уж чувствуете? — ваш скорейший переезд в здешние страны, хоть в Италию, если противна вам Швейцария, хотя это будет печальнее для нас... Я с вами совершенно не согласен в том, что вы пишете о бесполезности для дела — своего переезда. Тысячу раз неправда!! Ваш переезд сюда принесет весьма серьезную пользу и нашему делу и вам лично, т. е. вашему имени как пропагаторов, а возвращение вашему имени престижа или хоть, проще, того полного уважения, которое было еще недавно, т. е. *года два* тому назад, — это дело нашей общей пользы. Конечно, *центр* дела — в самой России, и по отношению к этому центру вы должны быть только советчики, с *одной* стороны, но с *другой* стороны, для того же центра, как для выражения всего дела, слишком важно иметь за границей гласных, явных представителей, которых не могут не уважать. А такое положение *возможно и будет*, если вы переедете сюда и захотите принять и нас в общую работу... Вот резюме тех мыслей, по которым я так сильно буду настаивать на вашем скорейшем переезде — тут речь идет о прямом успехе одной из важных отраслей дела; и я умалчиваю здесь о личном сильном желании быть ближе к вам, а ведь, с другой стороны, *личное* желание всей вашей семьи — тоже переезд на континент. И не могу я понять, что за треклятый тормоз пригвоздил вас к Англии... Но все это отлагаю до послезавтра...

1) Хотелся сказать юношеское спасибо Александру Ивановичу за его статью в «Daily News», «Siècle», «Temps» etc.⁷

2) Пусть Александр Иванович будет вполне спокоен — никогда мы не зайкнемся здесь о трагедии «*са-доме*»⁸.

3) Что писать Ив. Кельсиеву? Я готов, но злоба или, вернее, досада и у меня есть на него, — много пагубных дел причинил он...⁹

4) Стюарт собирается сюда в июле, тогда я поговорю с ним, но не думаю, чтоб его поездка состоялась.

5) Гижикский¹⁰ в Лозанне. Про него говорят, что человек-дрянь, сумасбродная и самолюбивая, а самый побег его *из ссылки*, из Оренбурга, погубивший только людей других, — совершенно излишний, — не говорит за него.

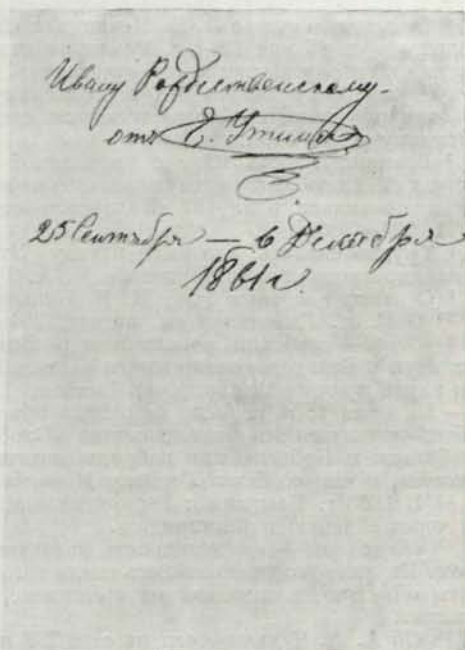
6) У меня был и познакомился *серб*¹¹ — что можно для него, готовы делать. Как вы его считаете? — умным или посредственностью?..

7) Хорошо, что вы не прекращаете «Колокола» — это было бы слишком вредно, даже и то вредно, что один раз в месяц выходит, но при нынешнем его содержании, т. е. при нерасширении программы, его чаще (выпускать) действительно трудно вам двум.

8) А что же «Cloche»? Фонтэн пишет, что покончит его... А вы ничего не отвечали на мои предположения о «Cloche'e» из Брюсселя?

9) Вы уже знаете, что Наталью Александровну и Miss Meisenbug мы не видели, о чем и сожалеем очень, но будем уверены, что скоро познакомимся. Ал. Ал., т. е. Herzen-fils, был у нас, и с ним мы довольно долго беседовали.

10) Что же *Швеция* — пожалуйста, напишите, что вы о сем думаете? Ведь путь казался вполне верен? За чем же дело? Если нужно съездить, я готов, когда угодно, лишь бы знал, что поездкою туда устроится дело провоза и приведется в исполнение ¹².

Е. И. УТИН

Фотография с дарственной надписью на обороте: «Ивану Рождественскому от Е. Утина. 25 сентября—6 декабря 1861 г.»

Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

11) Всё пока. Нет, забыл. Это хорошо, что «Европеец»¹³ помре, но, тем не менее, я б на вашем месте очень серьезно заметил Долгорукому, чтоб он не позволял себе в своем журнале амфишонства с вами: он ведь на каждом шагу тычет: «И мы и наши друзья — и А. П. Г. и Н. П. Ог. и мы» — что за солидарность — оно выходит очень неблагоприятно для всех нас, т. е. для наших единомышленников, и ваша доброта тут совершенно вредна, — это здесь мнение и мое, и К., и Черк.¹⁴, и, кстати, Черк. — человек очень хороший, преданный и развит (тут я не согласен с А. И. — он уж давно проснулся).

12) Конец, и в заключение можете и меня с девочкой, которая вас крепко целует, поздравить с приездом *родного*: Капелька¹⁵, который был как бы заложником за меня, отпущен за границу, уже за границу и чрез несколько дней будет с нами.

Целую вас крепко и дружески кланяюсь всем вашим.

Н. У т и н

¹ Учителем и лучшим другом Утин называл осужденного на каторгу Н. Г. Чернышевского.

² Относительно сотрудничества Утина в «Современнике» см. в предисловии к настоящей публикации.

³ Зрачков — конспиративная фамилия М. С. Гулевича, о котором см. в настоящем томе, во вступительной статье к публикации его письма Герцену.

⁴ Относительно лица, обозначенного в настоящем письме и в последующих буквою К., можно с полной уверенностью утверждать, что им был В. И. Касаткин (см. ниже, в письме № 17 и в примечании 3-м к нему). — О Л. И. Мечникове см. в настоящем томе, на стр. 388—394. — Н. С. Курочкин (1830—1884) — брат В. С. Курочкина, так же, как и он, поэт и настроенный революционно человек. Н. С. Курочкин в то время находился за границей и поддерживал сношения с эмигрантами.

⁵ В чем заключался проект *Провансова*, т. е. А. А. Слепцова, неизвестно.

⁶ Речь идет о статье Л. И. Мечникова «Письмо к Прудону», напечатанной в л. 185 «Колокола» от 15 мая 1864 г. Мечников находился под влиянием анархистских идей Прудона и потому именовал его «учителем», хотя при этом резко критиковал Прудона за его враждебное отношение к польскому восстанию 1863 г. и за борьбу против эмансипации женщин. Утин, вслед за своим учителем Чернышевским, относился к Прудону резко отрицательно.

⁷ Возможно, речь идет о присланной Утину рукописи или корректуре статьи Герцена «VII лет». См. в следующем письме восторженный отзыв Утина об этой статье. Статья появилась в л. 187 «Колокола» от 15 июля 1864 г. и датирована 1 июля (XVII, 294—300).

⁸ Трудно сказать, что имел в виду Утин, когда писал о трагедии «са-доме». Не взаимоотношения ли Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой?

⁹ О каких пагубных делах И. И. Кельсиева пишет Утин — выяснить не удалось.

¹⁰ О Е. К. Гижицком см. на стр. 204 настоящего тома.

¹¹ Серб — сербский революционер Владимир Иованович, профессор политических наук в Белграде, автор книги «The serbian nation and Eastern questions» («Сербская наука и восточный вопрос»). London, 1863. В лл. 186—187 «Колокола» от 15 июня — 15 июля 1864 г. было помещено объявление о предстоящем выходе в Женеве сербско-французского еженедельника «Слобода». Герцен, Чернышевский, Мадзини, Гарибальди и Кобден были избраны почетными членами «Дружества сербской словесности», о чем сообщил Герцену Иованович, посетивший его в Лондоне.

¹² В 1863 г. Бакунин и Герцен наладили пересылку лондонских изданий в Россию через Швецию и Финляндию.

¹³ «Европеец» — еженедельник, издававшийся в 1864 г. в Дрездене Л. П. Блюммером. Издание его прекратилось после того, как П. В. Долгоруков напечатал в № 19 своего «Листка», издававшегося в Лондоне, статью «Леонид Блюммер, агент тайной полиции».

¹⁴ Об А. А. Черкесове см. на стр. 238 настоящего тома.

¹⁵ Капелька — младший брат Н. И. Утина, Евгений Исаакович, приехавший в 1864 г. за границу.

Я только что получил вашу записку, дорогой патриарх, и совершенно искренно говорю, что вы слишком снисходительны ко мне и что я чувствую себя гораздо виноватее пред вами, чем вы думаете, за свое отмалчивание. Виноват и хочу обещать вам сегодня не повторять подобного молчания в другой раз и потому очень прошу не злопаятствовать на меня. Я думаю, однако, что трудно человеку находиться в более проклятом состоянии, чем я был и есмь все это время. Если б вы были здесь, добрый, хороший друг, я бы, конечно, пришел к вам и промучил бы вас целые часы своими докучными совещаниями, но мне как бы нибудь стало легче, и — не смейтесь — может, я и заплакал бы при вас, может и слезы как-нибудь выбились наружу, но ничего тут нет и вас нет, и слышу я только скверное и скверное... Когда же вы приедете?? Вот, видите ли, в чем дело: Капелька приехал, наконец, и привез хуже чем грустные известия — все это перессорилось, «брат восстал на брата», нетерпимость с одной стороны и резкость осуждения, какое-то безверие, упадок духа и сил, гнетение себя тем, что теперь ничего решительно нельзя делать!! постойте — последнее-то и говорит

один из тех, который был наиболее близким соучастником моим в делах, т. е. 6512311434433441364! ¹ Роли, видите ли, там переменялись как-то, и скверно переменялись, возбуждая обоюдное раздражение... Эх, я знаю, что из всего этого вы очень мало поймете, но расписываться-то неудобно, я постараюсь в другой раз, при помощи цифири, рассказать вам все это яснее... Я вижу слишком ясно, что нет там теперь *нужного* человека, вижу, что дело возможно, если тех и других будет связывать *кто-либо*, но этого *кого-либо* нет там — нетерпимость, резкость, безверие с разных сторон все тормозит... Вы не удивитесь, пожалуйста, не махните рукой на меня, как на городящего чушь, и не скажите: «Если таков выбор, то, значит, дело, действительно, никуда не годно» и «не увлекайтесь!» — не говорите этого, а послушайте вот что: строго разбирая деятельность всего прошлого, видя, что я и до сих пор пользуюсь у Провансова полным доверием, зная очень точно все его отношения к разным людям, я сделаю то, что он предлагает, т. е. он хочет приехать ко мне из Дрездена... Здесь мы с ним будем сидеть дни и ночи; я верю в свою силу *обработать его вполне*, поставить его в *надлежащее положение*, а затем, предсказав ему точно, какие разочарования ждут его и как должно отнестись к таким разочарованиям, — затем, *благодаря* у него есть стремление делать и охота возвратиться, пусть едет в Россию и действует как указано, конечно соображаясь вполне с данным положением, которое на сию минуту я теперь знаю слишком хорошо². Не удивляйтесь всему этому, друг дорогой, я в совершенно нормальном состоянии, я только бесконечно грущу о том, что не могу быть сам дома, о том, что мой голос не слышен... Возвращение Провансова будет гораздо полезнее приездки сюда хоть одного из моих близких, ибо эти близкие, кажется, действительно *слишком себя изолировали от всего* и не могут, *если бы даже и хотели*, произвести действительно потребные связи всего, всех людей, всех воззрений на ту или другую сторону дела... В конце концов, если б понадобилось и если б были деньги, мы бы с Провансовым и к вам съездили, но этого, конечно, не может случиться ранее... сентября... Но неужели вы и в сентябре и в октябре еще не будете в здешних краях?.. Перехожу при этом к вашему последнему большому письму³. 1) Вы ошибаетесь, если думаете, что я не знаю границ в суждении о здешних людях-эмигрантах. Не бойтесь и будьте спокойны — не думайте, что я хоть на минуту увлекся хоть *К...* о нет! я вижу все слабые стороны его, вижу самолюбие, робость и т. д., но, тем не менее, он может быть очень полезен, все они могут быть полезны, и *необходимо*, чтоб был *заграничный центр*, вы это сами писали в той программе, которую посылали мне в Торкей (она у меня), центр, который бы относился, конечно, к центру в самой России, но на сию минуту, когда в самой России *нет центра* (!!!), вы должны понять, какую важность получает здесь заграничный, очевидный центр — это *оплот силы, оплот веры в силу...* Ведь вы же знаете, что я всегда считал необходимым, чтоб центр действия был в самой России, я и теперь так убежден, и тем более, что если там нет никакого *прямого* действия, то мы должны сгруппироваться в *маленький центр, несколько не имеющий притязания* руководить деятельностью в России, но всегда готовый служить живым узлом для связи различных, не сходящихся между собою кружков и даже личностей. Подумайте об этих словах и увидите, что они верны, тем более, что факт-то ведь существует, что вы ведь оба и без того уже составляете известного рода центр, но этому центру нужно сгруппировать около себя некоторых людей из эмигрантов или, вернее, эмиграцию за небольшим исключением; тогда, с одной стороны, в самой эмиграции не будет причин разных недовольств вами, и этим самым вы будете сильнее, с другой стороны, и врагам и друзьям вашим будет ведом центр, группа людей, на которую друзья будут смотреть с большею верою, на который враги будут смотреть с большим *уважением* (не то слово, да все равно), как на группу,

которая не упустит ни одного случая, чтоб громить и дискредитировать... И только, и все это верно, и все это тесно связано с вашим скорейшим переездом сюда, и каждый день есть большая утрата. Подумайте. Ну, что мне за охота быть *гласом вопиющего в пустыне*, с чего бы я стал настаивать и настаивать на одном и том же, если б не видел в том верного *оживления дела*, и для того, чтоб додуматься и окончательно убедиться в этом, — я долго проверял себя, я призвал на помощь память обо всем и обо всех прошлых, я все рассчитывал, я старался найти, нет ли другого возможного поставления дела — нету! и нету!.. — Остается прибавить только, что разные хорошие люди из Питера тоже поручали передать вам о необходимости настоятельной сгруппировать возле себя центр эмиграции... Да, кстати: совсем вы напрасно писали мне как-то о том, чтоб достать мне *полномочие* из дому; незачем совсем этого: полномочие теперь не может иметь к себе особого доверия — многие люди и так меня знают и доверяют, но я не хочу, совершенно не хочу действовать *отдельно от вас*, я хочу действовать *вместе с вами* и при вас, я хочу, чтоб при нашей помощи все относилось с доверием полным к вам, вам рано еще сходить со сцены, а нашему брату, мне, по крайней мере, чужда всякая мысль о *заменении вас*, как бы то ни было, пока вы можете и должны быть незаменимы — у вас обоих есть заслуженное имя, которое многое значит и которым вы не должны отказываться служить, а... мы не должны отказываться помогать и действовать *под вашей фирмой*, а не иначе... Ужасно я пишу неясно и не думаю о выражениях, но вы поймете мои мысли...

2) Что же касается до образа наших действий за границу, то об этом у меня составилась целый план: помните, вы советовали мне записывать разные мысли о деле, вот я и записывал, ебирался все послать вам (от этого все и откладывал писание вам), но какой-то скептицизм все одолевал: думается всё — зачем да к чему?.. пошлю очень скоро... В этом плане я изложил подробно и *программу* преобразованного «Колокола», как я понимаю ее. Вы из нее увидите, что я никогда и не думал опускать *обличительную сторону*, а напротив — придаю ей огромное, т. е. должное, значение.

3) Вы верно пишете о том, что «нужно иметь французский журнал, который бы периодически помещал доставляемое ему, и это следует устроить». Теперь же вот некое *безотлагательное* дело. Из Питера все в один голос просят того же, просят, чтоб начать разные статьи подробным рассказом о Чернышевском. Так как вы говорите о необходимости разделения труда, то я решил взять на себя задачу писания статей для французских журналов; пишу я по-французски лучше, чем говорю, и теперь нашел себе учителя, который будет поправлять и сообщать статьям французскую политуру. Я уже написал статью о Чернышевском. Теперь нужно, во-первых, поместить ее ⁴, а во-вторых, открыть дальнейший путь для последующих статей вообще о состоянии России, т. е. о таком, что интересно и для Европы, что ее *не устрашает* и что будет дискредитировать правительство. Честнее других газет должен быть «Temps» («Siècle» и «Opinion» — сволочь); кроме «Temps'a» я полагаю «Courrier du Dimanche» — еженедельная и месячный «Revue germanique». Я указываю на эти, ибо тут, кроме Nefftzer'a ⁵, играет большую роль Prévost-Paradol ⁶. А Paradol хоть и орлеанист, но человек честный. Мне бы хотелось обратиться к нему для напечатания этой первой статьи (и для других) в «Temps» и в «Courrier du Dimanche», а затем он бы открыл дорогу и в «Revue germanique». Поэтому вот что: я очень прошу Александра Ивановича прислать мне записку к Paradol, т. е. хорошую рекомендацию и просьбу не отказать мне; эту записку я приложу при своем письме к нему... Кроме того, у Александра Ивановича есть другой ход: с Nefftzer'ом хорош Elie Reclu ⁷, этот Реклю пишет в «Revue germanique», а с Реклю должен быть хорош человек,

хороший с вами — Talandier⁸. Пожалуйста, бью челом, подумайте об этом скорее и дайте мне немедленный ответ, ибо статья первая, т. е. о Чернышевском, уже написана (завтра будет вполне исправлена; я ведь учусь здесь французскому языку — мне его нужно усвоить себе) и ей залежаться не следует. Буду ждать ответа Александра Ивановича *со дня на день*; при этом, конечно, все равно, если б и «Siècle» принял статейку — он еще более распространен. Кроме того, Ganesco⁹ относится к вам с почтением, а «Еurore» — журнал хороший. Впоследствии, если б дело пошло на лад, чрез Фогта можно уладить и с «Кельнской газетой»... «Daily News» в ваших руках... Вот, видите, я вам предлагаю свои работы — не откажите же скорее помочь и не бойтесь скомпрометировать себя рекомендацией: я не стану говорить лишнего... Жду ответа...

Откладывая еще многие серьезные предметы до другого раза, расскажу вам, что со мной было вследствие вашей записки к К. о таинственном письме¹⁰. Я был убежден, что оно от Зрачкова, и решил немедленно ехать в Castellamare. Для окончательного убеждения я послал вам депешу: пришло ли *то* письмо чрез Гильдича?¹¹ тогда было бы ясно, что это Зрачков, ибо другие сего адреса не знают. Вот что значили слова: «Télégraphiez si la lettre arriva par l'adresse de Hild.» *. Заметьте *la*, иначе я поставил бы — *ma*** , если б шла речь о моем письме, и далее *lettre envoyez immédiatement****; если бшло об ответе мне, я бы написал *réponse***** ... Я полагал, что вы это очень хорошо поймете. Представьте же мою досаду при получении *вашей* депеши! Тем не менее я решил ехать немедля в Castellamare, уверенный, что там Зрачков, и зная, что лучше рискнуть *немного*, чем оставить его без языка и без гроша. Несколько дней, однако, прошло в хлопотах о паспорте. Наконец я собрался совсем и, придя на минутку домой, *за полчаса до отъезда*, чтоб проститься с Натой, нашел ваше письмо!! Вот какие штуки бывают, и вы, конечно, поймете, что я не мог быть в претензии на вас, напротив, я вас крепко обнимаю за вашу дружбу к нам и за постоянное незабывание о судьбе моего любимого друга; мне только досадно было, что: 1) депеша моя вышла нетолкова и 2) отчего вы письма не прислали, ибо я узнал бы по руке — кто писал, оттого я просил прислать мне письмо. И вот опять ничего, ни слуху, ни духу, а я было оживился, оправился, э, эх-ма! швах! плохо!.. И везде плохо, и скептицизм проклятый! вот он мне какую мерзость сотворил: написал я статью о Н. Г. Чернышевском для «Колокола» *с весьма интересными подробностями*, ну и продержал в столе более уже месяца, а теперь уж не поспеет к этому номеру, т. е. 15 июля¹². Если вы не получили никаких подробностей о его деле, то хорошо бы было, по крайней мере, *пометить на первой же странице* (а не иначе) «Колокола», что в *следующем* номере будет рассказано дело Н. Г. Чернышевского¹³. А я вам скоро и выпшлю статью — не бойтесь, если и не очень понравится, то все же факты остаются фактами, а мало ли как корреспондент пишет. Согласны?

Ай, опять опоздаю...

До свидания, не наказывайте меня и пишите скорее, крепко целую вас и к дружескому пожатю руки и благодарению за память, кроме Наташиного, присоединяю и *Капельки*, который еще надеется с вами познакомиться.

Весь ваш
Н. Утин

* «Телеграфируйте, прибыло ли письмо на адрес Гильд(ича)» (франц.).

** мое (франц.).

*** письмо отправьте немедленно (франц.).

**** ответ (франц.).

Р. С. Фогту записку я сейчас же снесу, но он вам не может скоро ответить, ибо он отправился с сыновьями вокруг Монблана и не вернется раньше четырех-пяти дней.

¹ По предположению Я. З. Черняка, в шифре, которым пользовался Утин, каждая буква зашифровывалась двумя цифрами. А если так, то в фамилии, которую зашифровал Утин, пятая, седьмая и восьмая буквы были одинаковыми (34). Из близких Утину людей такая именно фамилия была у Л. Ф. Пантелеева. Как известно, Пантелеев был действительно «наиболее близким соучастником» Утина по конспиративной работе в «Земле и воле». Он был первым, кого Утин привлек в свою «пятерку».

² А. А. Слепцов (Провансов) действительно скоро возвратился в Россию, но, вопреки ожиданиям Утина, отошел от революционной работы.

³ Это «большое письмо» Огарева, как и другие его письма к Утину, не дошло до нас.

⁴ Удалось ли Утину напечатать в каком-либо из органов французской прессы статью о Чернышевском, выяснить не удалось.

⁵ Огюст *Неффцгер* (1820 — 1876) — французский публицист, находившийся в оппозиции к режиму Наполеона III.

⁶ Люсьен-Анатоль *Преве-Парадоль* (1829 — 1870) — французский публицист, сторонник орлеанистской оппозиции Наполеону III, подвергавшийся репрессиям со стороны французского правительства.

⁷ Эли *Реклю* — брат известного географа и анархиста Элизе Реклю, французский публицист, принимавший участие в I Интернационале и социалистическом движении во Франции. Эли Реклю был постоянным сотрудником журналов «Русское слово» и «Дело».

⁸ Альфред *Таландьё* (1822 — 1890) — французский политический деятель и публицист, участник революции 1848 года. После победы реакции он был изгнан из Франции и поселился в Англии, где близко сошелся с Герценом. В первой книжке «Полярной звезды» на 1855 год было напечатано письмо Таландьё к Герцену.

⁹ Грегори *Ганеско* (1830—1877) — французский публицист, родом из Румынии, находившийся в оппозиции к режиму Наполеона III.

¹⁰ О каком «тайнственном письме» пишет Утин, не установлено.

¹¹ *Гильдич* — знакомый Герцена.

¹² Настоящее письмо дает возможность определить, что помещенная в л. 189 «Колокола» от 15 сентября 1864 г. статья «Николай Гаврилович Чернышевский» была написана Утиным.

¹³ «Дело Н. Г. Чернышевского» было напечатано лишь в л. 193 «Колокола» от 1 января 1865 г.

Женева. 25 июля 64

Как же я крепко обнимаю вас, дорогой друг, за ваше последнее письмо, — письмо строгого дела¹. Оно все совершенно верно, до конца верно, и *мы* строго проштудлируем его и все сообразим, насколько смысла хватит, для того, чтоб по нем и по всем своим имеющимся проектам составить и поставить определенную программу цели, средств и *хода* к достижению этой цели. Только одно я замечу, и, право же, не из ячности, не из самообольщения, — мы, т. е. *хоть что-нибудь* делавшие в России, — и всегда думали поставить наше дело как дело *миссионеров* — заявления прокламационные etc. должны были быть только неизбежным началом, а затем, в самом же начале было решено о скорейшем прекращении их и о ведении дела исподволь, тихомолчно. И еще: мои друзья *не играли* в конспирацию, они ясно сознавали всю важность поведения и проникновения дела в *народ*. Я это говорю вам оттого, что знаю, что вам легче будет от этих правдивых слов, ибо, конечно, нет ничего обиднее игры и *мальчишничанья с святым делом*. Но вы теперь нашли нужное слово — *миссионеры*, и то, как вы хотите ставить дело, вполне сочувственно мне. Будем же додумываться и превращать слова в дело... Опять то же самое: вы и не можете понять, как тормозит дело ваше житье в Англии, — то, что могло бы делаться в недели, должно теперь тянуться долгие месяцы... Постоянно думая о *coup d'état* — о категорическом изменении в ведении дел и поста-

влении их на реальную дорогу — я, право, иногда готов ненавидеть (!) вас обоих за ваше житье вдалеке от нас и от всего... А как хорошо, и без увлечения хорошо, представляется перенесение типографии сюда, и ваше близкое житье отсюда (я, к сожалению, чувствую, что вам антипатична Швейцария, и не могу понять почему?!). Я убежден в крайней настоятельной важности теперь именно в успехе «Колокола» и убежден, что оно возможно, — если б мы, юные, взяли на себя *черную* работу, если б вы удержали при себе главную редакцию, — у вас было бы времени больше к занятиям — из-под вашего пера выходили бы серьезные, со всех сторон заостренные исследования о народном быте, из-под герценовского пера лились бы статьи как «За семь лет» — статьи, подобной которой по своей силе и, главное, по своей *категоричности* (а это самое главное) мы еще не читали, и в качестве юных друзей радостно приветствуем А. И. за нее ².

Вот что: *все, все* решительно злобится на ваш переезд; Касаткин как-то сказал: «Если б мы с вами делали такую ошибку страшную (на их месте) в деле — нам было бы непростительно, а они — люди, слишком знающие все промахи и ошибки прошедшего в целой истории — как же они-то виновны в том, что не хотят видеть страшного вреда, наносимого делу их отделением от возможного сгруппирования в центр эмиграционный». Я ему на это не возразил, потому что нечего возразить, я ему только ответил: «Напишите все это им самим, только пишите без всякого озлобления *ненужного и скверного*». Кстати, уже тут о нем, т. е. о К(асаткине), — вы, ради Христа, не бойтесь за мое *увлечение* им! Никоем образом — и вы, и Александр Иванович правы в суждении о нем — я до сих пор хохочу над вопросом Александра Ивановича: «А как *скрывается* Кас(аткин)?». Это, действительно, обрисовывает его существо, он тяжелый господин, с большими мелочами и слабостями, с большим самолюбием, но, тем не менее, я думаю, вы одобрите мое поведение: я ни в каком случае не допущу ни до ссоры между нами, ни до оскорбления его самолюбия так, чтоб он озлобился и на меня, ибо человек он полезный — по тем связям, какие остались в России, по карману и, наконец, он все же может писать, может делать ту работу, тот отдел — например, *хроники* (в «Колоколе»), который будет поручен ему. Между прочим вот что важно: он располагает довольно большим капиталом и намерен *был* устроить здесь свою типографию и издавать даже (!) *Русскую хронику*... Я его отклонил от издания отдельного журнала, объяснив неблагоприятность гласногласного дробления сил и уверив его, что вы сами наиболее всего *желаете?* сплочения способных сил эмиграции воедино, что вы сами очень желаете, чтоб ваш журнал стал общим, т. е. чтоб все способное принимало в нем участие, что при таком участии, вызывающем разделение труда, «Колокол» будет безукоризнен и возымеет полный успех, что тут все связано только с вашим переездом и что вы оттого и переедете, и что, наконец, ясно, что никогда не будет поздно, что «Колокол», конечно, не может быть тормозом для других и если будет только падать, а не возвышаться, то, конечно, вольному воля — может и предпринять журнал. Кончилось тем, что он ответил (и искренно), что считал бы мерзким самую мысль о *подкапывании* под «Колокол», что он полагал возможным свой журнал рядом с «Колоколом» и что он искренно готов весь отдаться служению в общем издании, т. е. принять *участие* (ограниченное, конечно, и *строго* ограниченное, не бойтесь — другого и я бы никогда ему не дал) в составлении известного ряда статей ³. Что же касается до типографии, то это вот на чем стоит: мне показалось и кажется, что у него коммерческий интерес слишком уродливо выдвигается вперед; я объяснился с ним прямо относительно, например, *изданий* «Земли и воли» и т. д. — результат вот: он думает об *интернациональной* типографии, это, помнително, и наша дума, ибо только такая типография и может окупиться и дать хлеб работникам, — при этом он предлагает частью капи-

тала и своим участием в заведовании соединить свою типографию с *вашею*, т. е. «Колокола» etc., т. е. с Чернецким. Мне это кажется весьма удобным, и между тем разрешается крайне важный вопрос: вы выходите из большого затруднения, ибо перевод типографии стоит слишком дорого, а тут есть капитал и готовность участия. Подумайте, это крайне важно, и об этом я уполномочен им сделать вам предложение. Лучше будет, если вы сначала и ответите чрез меня (во избежание недоразумения); что же касается до его *бывшей* мысли о журнале, то об этом отнюдь не упоминайте ему...

Черт знает что — экое больное место! Как только хочу писать вам, так и пойду, и пойду о вашем переезде. Но я до того неразлучен с убеждением о крайней сего настоятельности, что каждое утро, просыпаясь, смотрю, нет ли от вас письмеца с уведомлением о вашем переезде к этой *осени*! так я еще уверен, что вы должны понять всю строгую важность переезда. Записался, пора бежать на почту. А сказать ничего не успел — о Тхоржевском я напишу вам *завтра* же непременно: его переезд без вашего очень рискован...

Я говорил в начале письма *мы*, но не бойтесь — никому своих писем не показывал, кроме *Зрачкова*, который приехал, наконец, внезапно, и между нами произошла романтическая встреча на берегу озера! Зрачков сам напишет вам два слова *завтра* же — его приезд хоть немного облегчил то горе, которое я почувствовал при поразившей меня вести о смерти (И. И.) Кельсиева! и до сих пор слезы навертываются — бедная жертва! Но и о нем *завтра*, *завтра* же — статья о Чернышевском⁴. Пишите же чаще и будьте здоровы. Наш общий поклон всем вашим, а принципиалу еще раз спасибо за «Семь лет».

Кто это человек, который будет у меня? Уж не Симонович ли⁵, которого вы ошибочно сочли с головою; я расскажу о нем *завтра* и яснее⁶.

¹ Настоящее письмо написано Утиным в ответ на не дошедшее до нас письмо Огарева, в котором он писал о вырабатываемой им программе революционной работы (об этой программе Утин упоминал в своих более ранних письмах). По ответу Утина мы имеем возможность судить отчасти о содержании письма Огарева. Огарев ставил

14—ое ДЕКАБРЯ 825

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

(По повелу книги барона Корфа)

14 ДЕКАБРЯ 1825 г. И ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ (ПО ПОВОДУ КНИГИ
БАРОНА КОРФА)

Сокращенное переиздание одноименной книги, выпущенной в свет редакцией «Полярной звезды», Лондон, 1858 г.
Издатель брошюры не установлен

Обложка

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского,
Москва

в нем вопрос о том, в чем должна заключаться работа революционеров в новых исторических условиях, сложившихся в России после спада революционной волны, торжества реакции и самоликвидации тайного общества «Земля и воля». На этот именно вопрос и должна была ответить вырабатываемая Огаревым программа. Под влиянием неудачи революционного движения предшествующих лет Огарев был склонен обвинять революционеров, действовавших в России, в том, что они «играли в конспирацию» вместо того, чтобы отдаться настоящему революционному делу, каким Огарев, судя по ответному письму Утина, начал считать не какие-либо «заявления прокламационные», а исключительно деятельность «миссионеров», т. е. пропаганду революционных идей в народе. Вполне сочувствуя такой постановке вопроса, Утин, однако, пытался убедить Огарева в том, что русские революционеры и ранее имели в виду в качестве своей главной задачи революционную пропаганду среди народных масс.

Утин хотел, повидимому, чтобы его ответ на письмо Огарева, ввиду важности темы этого «письма строгого дела», рассматривался как своего рода выражение коллективного мнения «молодой эмиграции». Поэтому он писал: «мы». Однако в конце письма Утин пояснил: «Я говорил в начале письма *мы*, но не бойтесь—никому своих писем не показывал, кроме Зрачкова...».

Прежде всего Утин энергично настаивал на переезде Герцена и Огарева из Лондона в Швейцарию, а также на перенесении туда «Вольной русской типографии». При этом он советовал слить эту типографию с другой, которую собирался организовать в Женеве В. И. Касаткин. Вторым вопросом, поднятым Утиным в письме к Огареву, был вопрос о реформе «Колокола». Утин, выступая опять-таки от имени женевских эмигрантов, высказывался за превращение «Колокола» в общеэмигрантское издание, хотя и не настаивал в это время на предоставлении «молодой эмиграции» участия в руководстве этим журналом: это требование было выдвинуто им и другими эмигрантами позже, когда более резко обозначились политические расхождения, продолжавшие существовать между редакторами «Колокола» и «молодыми эмигрантами».

² Статья Герцена «VII лет» была помещена в л. 187 «Колокола» от 15 июля 1864 г. (XVII, 294—300).

³ Во время написания этого письма взаимоотношения между В. И. Касаткиным и «молодыми эмигрантами» еще не отличались той враждебностью, какая была свойственна им впоследствии. Это видно из письма Утина, стремившегося привлечь к общей работе и Касаткина. Из письма Утина мы узнаем о неосуществившемся проекте Касаткина организовать русскую типографию в Женеве и наладить издание журнала «Русская хроника», повидимому, преимущественно информационного характера. Утин, высказываясь против издания такого журнала как возможного конкурента «Колоколу», предлагал компенсировать Касаткина поручением вести «хронику» в «Колоколе». Это, как известно, не состоялось.

⁴ Об этой статье Утина см. на стр. 664—665.

⁵ О муже и жене Я. М. и А. С. Симоновичах не раз упоминается в письмах Герцена и его корреспондентов, но никакими точными данными о них мы не располагаем. В июне 1865 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Была нигилистка Симонович и сильно спорила; с ней ее муж-дурак, еще сильнее молчаливый» (XVIII, 147). Своего предложения написать Огареву подробно о Симоновиче Утин не выполнил: в следующем письме мы не находим о нем ни слова.

⁶ Намерение Утина написать на следующий день по отправлении настоящего письма еще одно письмо Огареву не было приведено в исполнение. Утину пришлось неожиданно уехать на несколько дней из Женевы; написать письмо Огареву он смог только 4 августа (см. следующее письмо).

Четверг, 4 августа (1864 г.)

Вот оно как вышло, *завтра*-то; то есть оттого не писал, что принужден был вдруг уехать из Женевы на несколько дней и побывать в разных местах Швейцарии: разный народ хотел свидеться... Видел я, между прочим, *Стюарта*, и опять все та же *мозоль*, то же бельмо—распри с Касаткиным¹; на этот раз, однако, пришлось убедиться, что он (Касаткин) действительно имеет и слишком много скверного самолюбия и очень много способности причинять сплетни и ссоры. Но суть теперь в другом: Стюарт должно быть очень резонно полагает, что с Касаткиным никаких денежных дел, т. е. как *общая* типография, иметь не следует; а помните, что я писал в прошлый раз? так вот, по тому же самому имеется другое предложение, т. е.: находящиеся здесь шрифты принадлежат Стюарту², и Стюарт готов предложить их в ваше *полное* и единое владение с уплатою за них, когда будет

вам удобно; мало того, тот же Стюарт располагает неограниченным кредитом в словолитне во Франкфурте и этим кредитом готов служить; дело это, значит, такое могло бы выйти, что Чернецкому следовало бы при переезде сюда оставить шрифты и проч. в Лондоне, ибо здесь для печатания все имеется, станков же заводить совершенно излишне... Вы видите, что я так ухватился за ваше скорейшее переселение, что всё соображаю и все выгоды и удобства отписываю. Что же касается до Касаткина, то я постараюсь разубедить его и не устраивать типографии, а деньги свои дать на иное употребление... О сем *ином* употреблении напишу в другой раз.

В Цюрихе я виделся с П. Якоби³ — помните, что в Кракове израненный лежал, человек отличный, думает побывать у вас так чрез месяц, — хорошо знает положение польских дел и этим может быть очень полезен; но и он, как и все без исключения эмигранты, сильно пеняет на ваше отдаленное от всех нас пребывание... Посылаю я вам статью о Чернышевском — факты все изложены верно. В одном месте поставлен крест для примечания Александра Ивановича о сношениях с Чернышевским⁴, а затем заключение, обращенное к молодежи, очень и очень нужно; нам именно нужно при каждом удобном случае бить в ту же струну и при этом необходимо звать к работе уже потому, что отовсюду несутся обвинения в неработании. Если некоторые слова не нравятся, вычеркните, лишь бы смысл, особенно в конце, нисколько не изменился. Что касается до упоминания о черкесах — то об этом Зрачков, ехавший с ними, собирается написать особую подробную статью; буду, значит, надеяться, что в № (от) 15 августа увижу сие сочинение, и жду вашего скорейшего ответа о статье. Да, кстати, посылайте, пожалуйста, нам «Колокол», иначе приходится неприятно одолжаться у Касаткина, а он, вы знаете, аки библиоед, не любит одолжать. Затем извините, что скверно пишу, — я было прихворнул с дороги, и посему рука плохо ходит. А в заключение о Тхоржевском — везде разведывал о том, чтобы ему здесь устроиться, но сие решительно неудобоприложимо...

И еще забыл: понятно, что *французская статья* о Чернышевском должна быть *совершенно иная*, и таковая тоже написана мною, с пояснением о деятельности Чернышевского, но сей статьи я не посылаю все еще, ибо учителя своего должен был прогнать — глуп и неспособен, а в *собственном* своем виде статью я не решаюсь послать вам — пожалуй, по-чухонски выйдет, вместо французского. Будьте же здоровы и пишите чаще, а я пока уступаю перо Гулевичу сиречь именуемомуся Зрачковым, т. е. имя *Гулевича* должно быть скрываемо еще месяца с два, пока не кончится дело в Алексеевском равелине⁵, иначе другим повредит.

Н. У.

Приписка рукой М. Гулевича:

Только теперь, добравшись до сего берега, имею возможность высказать свое безграничное уважение и глубокую любовь первым учителям русской молодежи.

В другой раз соберусь и я кое-что порассказать вам, а пока крепко хочу поблагодарить вас за то участие, которое, как я узнал, вы оказывали к моей участи во время моего бегства.

Искренно преданный

М. Гулевич⁶

¹ Касаткин имел непосредственное отношение к Берской русской типографии «Земли и воли», организованной Бакстом на средства Стюарта. Уже в 1863 г. Касаткин рассорился с Бакстом и Стюартом, и Герцену пришлось примирять их, но примирение оказалось весьма непрочным. В 1864 г., когда Герцен, задумывавший перевести свою типографию из Лондона в Женеву, предполагал сделать Касаткина своим главным помощником по типографии, это вызвало резкий протест со стороны «молодых» рус-

ских эмигрантов. См. подробнее об этом в нашей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 8—9.

² После ликвидации Бернской типографии шрифты ее, закупленные на деньги Стюарта, перешли в распоряжение последнего.

³ О П. И. Якоби см. на стр. 29 настоящего тома.

⁴ К тому месту статьи Утина, где говорилось об обвинении Чернышевского в сношениях «с изгнанником Герценом», последний сделал следующее примечание: «О чем речь? Неужели о моем открытом предложении печатать „Современник“ в Лондоне?».

⁵ Дело в *Алексеевском равелине* — дело членов московского отделения «Земли и воли» (бр. Андрущенко, Мосолова, Шатилова и др.), которое в это время еще не было закончено рассмотрением.

⁶ О М. С. Гулевиче см. на стр. 123—125 настоящего тома.

19

ГЕРЦЕНУ

А. И. Г.

Пятница. 5 августа день (1864 г.)

На этот раз обращаюсь к вам, дорогой Александр Иванович, ибо вы решительно из *redselig'a** обращаетесь на путь истинный, т. е. в *schreibselig'a***¹. И вот какого рода доклад вам. Вашу записку к Касаткину я взял на себя решимость *не отдать* до получения вашего ответа на это письмо². Если при этом моя решимость покажется вам неуместным вмешательством, то я вперед извиняюсь, но привожу в виде *circonstance atténuante**** следующее обстоятельство: я хочу, раз вмешавшись в дело, вести его так, чтоб вам подробно были видны все *pro* и *contra*****, — так, чтоб, несмотря на мое желание вашего переезда, я не мог упрекнуть себя в увлечении и оттого в умалчивании чего-либо... Вчера я писал патриарху краткое письмо и говорил о предложении Стюарта, вот именно я полагаю, что надо знать ваше мнение и об этом предложении, прежде вашего *прямого* согласия вступить в дело с Касаткиным. Ко вчерашнему я прибавлю или повторю вот еще что: по-моему, конечно, без сравнения удобнее устроить типографию так, чтоб *главою* ее, *распорядителем* был Чернецкий, а не Касаткин; Касаткин, по испытанной мною, т. е., вернее, замеченной (заметьте, что я с ним никаких денежных дел не имел и вообще считаемся приятелями) непрактичности и болезненной (чтоб не сказать иначе) боязни за свои деньги — в делах может оказаться то, что называется *тяжелым нравом*. Чувствуя себя полным господином типографии, он может иногда выкидывать разные неприятности; кроме того, он намерен дать важное значение в типографии *Кветону*³ — чеху, наборщику, не отличающемуся трезвостью. Из всего этого, по-моему, выходит так: если возможно обойтись помимо него, то не будет ли удобнее? Стюарт (с Бакстом, но сей, понятно, тут деньгами не причастен) имеет здесь шрифты листов для десяти; этот шрифт он предлагает вам, — стоит это франков пятьсот или шестьсот, но Стюарт денег сейчас не потребует... затем, Стюарт имеет большой кредит в словолитне и предлагает вам этот кредит, т. е. готов заказать на свое имя шрифты и сам впоследствии иметь дело уплаты, вы же, понятно, должны будете уплатить Стюарту впоследствии... Таким образом, дело типографское могло бы быть вашею полною собственностью и в полном ведении того, кому и надлежит оно — Чернецкого. Что касается до *интернациональности* типографии⁴, то вы знаете, как я мечтал об этом, но все же должен заметить о своем сомнении — может ли такая типография в *Швейцарии* иметь большие заработки? Пока вам это лучше знать,

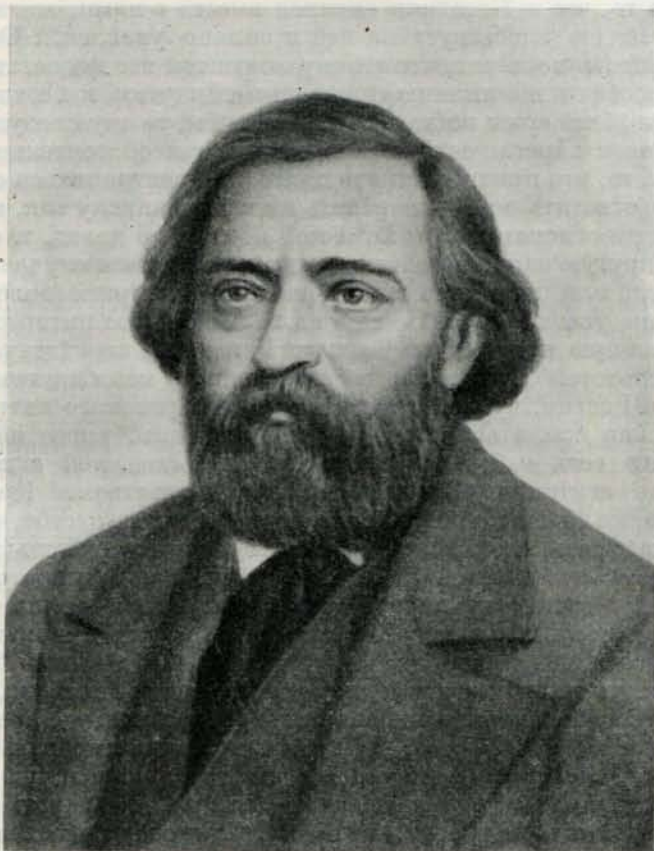
* словоохотливый (нем.).

** охотно пишущего (нем.).

*** смягчающего обстоятельства (франц.).

**** за и против (лат.).

но и в таком случае шрифты стоят не бог знает как много, а с другой стороны, я полагаю, что скоро наступит время, когда опять можно будет взяться за разные русские издания. *Станок же* самый заводить, конечно, дорого, но, насколько мне приходилось говорить с другими, видно, что станок излишен и что гораздо сходнее, при несовершенной обеспеченности больших работ, отискивать по найму в других типографиях; а давальцев, если найдутся, привлечет *не вид* станка, а то, что в таковой типографии может явиться слишком заманчивым меньшая цена, ибо, конечно, нет

Н. П. ОГАРЕВ

Плакат М. Л. Иоффе, 1948 г.

надобности брать такие большие проценты, как другие... Представляя все это на ваш суд, еще прибавлю: во-первых, можно и при этом принять Касаткина как пайщика, т. е. проще как вносителя известной доли капитала на известный срок и процент; и во-вторых, если вы решите вести дело с Касаткиным по *его* предложению, то мое настоятельное мнение — с ним следует обо всем договориться вполне ясно, по пунктам, на бумаге и *сразу же* повести разговоры так, чтоб выдвинуть Чернецкого на заведение типографским делом, иначе трудно будет ладить Чернецкому с копотливостью, кропотливостью и придирчивостью Касаткина.

Затем — об *адресе* на *вашем* письме. Я продолжаю пользоваться правом, которое вы у меня пока не отняли, правом все решительно говорить вам прямо. Вы и не подозреваете (хотя это для меня странно, при том

понимании касаткинского характера, каким вы обладаете), что одна фраза — «что в имени тебе моем» — может безвозвратно расстроить все дело!!!! Не в виде сплетни, противной мне, а чтоб поставить вас на надлежащую точку зрения и отношений к Касаткину, я вам теперь упомяну о том, что ваша шутка о провансовском проекте, в котором и касаткинское рыльце в пуху, т. е. ваша острота, совершенно верная:

Двенадцать гренадеров
Несли его шипак и т. д.,

несмотря на то, что и Касаткин смеялся вместе с нами, читая ее, тем не менее он очевидно злобствует за нее и сильно уязвлен... Он вообще по подозрительности полагает, что к нему относятся все недостаточно серьезно, он неспособен к пониманию приятельской шутки, и поэтому, если нет желания оскорбить его и поставить его на дыбы, то ему следует писать обо всем, начиная с адреса, совершенно серьезно и обстоятельно. Поэтому, извиняясь за то, что приходится так долго распространяться о Касаткине, я прошу вас ответить мне — передать ли вашу записку так, как она есть, или вы найдете основательным хотя мой последний довод, т. е. об адресе, и пришлете другую записку для передачи ему; в таком случае сия записка будет сожжена или переслана вам обратно в ее неприкосновенном виде... Сегодня я не успею ответить вам на гораздо более интересное, т. е. на вашу собственную приписку о Самарине⁵ и т. д., но ответу непременно и приведу некоторые доводы изо всего виденного моим другом⁶ еще месяц тому назад в России, чтоб ясно доказать, что кровавого патриотизма, на который удобно ссылаться правоверным деятелям, вовсе нет в России, и все то, что есть и было, — плод *правительственной* агитации, а не наоборот, не агитации общества на правительство... Время теперь, конечно, крайне тяжелое, общество полезно вернуть к себе, но никак не тем, чтоб указывать, что *оно* виновно во всем, что правительство способно еще идти *разумным* путем... Ясно, что правительству пора отдохнуть от крови, которая стоит так дорого, что банкротство — вещь мыслимая⁷; ясно, что правительство готово бы пойти на то, чтоб принять ту личину, которую красовалось восемь лет тому назад, но на то нас и били и побивали, чтоб знать натуру этого правительства, этой династии, чтоб знать, что и австрийский немец хотел бы полиберальничать, — да тот и другой сошлись на Священном союзе⁸. Правительство менажировать* не к чему, потому что тогда *оно* зато будет менажировать неприязненную ему партию, а общество нужно приструнивать, нужно даже тонко давать ему возможность возвращения из блудного лагеря, хотя и от общества спасения, конечно, не будет, а спасение возможно — оно в пропаганде, в формировании сплоченного строя людей из молодежи и во влиянии этого добросовестного, изучающего народ на месте — во влиянии на будущее поколение или просто на самое молодое пока еще поколение народа, — из общего соединения этих двух элементов выйдет или может выйти спасение. Вот к чему поведет и ваша пропаганда и *миссионерство*.

Не взыщите на бестолковом выражении всего этого, — мы вот вместе вам отпишем обо всем да толковее, а теперь спешу на почту, чтоб не затягивать ответа вашего по части Касаткина. Касательно квартиры дело нетрудное, но я думаю еще рано искать — теперь ведь дороже, а к осени подешевеет еще, хотя мы, например, платим за большую квартиру баснословно дешево... Когда угодно, буду подыскивать.

Будьте ж здоровы. Весь ваш

Н. У т и н

* щадить (от франц. ménager).

Патриарху:

Вы уж мне и прежде писали о статье «Что нужно делать разночинцам?»⁹. Что-то вы пишете теперь — очень бы хотелось мне прочесть (подразумеваемое ко мне) *письмо* ваше *до печати*...¹⁰. Я думаю, что в печати теперь нужно очень и очень обходить многое, и что нельзя прямо говорить, что именно нужно делать нашему брату в России, нельзя даже ясно говорить хотя бы о *миссионерстве*, т. е. лучше пообождать, чтоб даром не пропало и чтоб не помешало. А затем будьте здоровы и не болейте пристрастием к Англии и неприязнью к континенту: всё — один чёрт. До скорой встречи.

Н. Утин

Р. С. Забыл и еще: Стюарт говорит, что не лучше ли привезти сюда только *матрицы* и по ним сделать шрифт — выйдет, пожалуй, немного дороже, а между тем, во-первых, ваши шрифты уже стары, а во-вторых, тогда и в Лондоне останется шрифт про запас, а это не бесполезно, можно даже продолжать будет ставить лондонскую фирму, т. е. «отпечатано в Лондоне».

¹ Повидимому, это письмо Утина является ответом на не дошедшее до нас письмо к нему Герцена. Относясь к Утину без особых симпатий, как к человеку, по его мнению неискреннему, Герцен избегал писать ему, ограничиваясь передачей необходимых сведений через Огарева, поддерживавшего, в отличие от Герцена, регулярную переписку с Утиным. На этот же раз он считал возможным и необходимым обратиться к Утину лично.

² Записка Герцена, адресованная Касаткину, не сохранилась.

³ О *Кветоне* никакими сведениями мы не располагаем.

⁴ Говоря об интернациональности типографии, Утин имел в виду снабжение ее не только русским, но и иностранным шрифтами, чтобы она в целях увеличения доходности могла принимать заказы и от иностранцев.

⁵ Речь идет о Ю. Ф. Самарине, с которым Герцен виделся и вел политические споры в Лондоне в июле 1864 г. В одном из писем к Огареву Герцен в связи с этим писал: «Вот главные тезисы «Самарина». Что касается до правительства, оно не имеет никакого направления и идет зря; оно с самого начала искало руки ведущей, но ее не нашлось, и теперь ищет. Террор ему приказало общество, и этим С(амарин) доволен...» (XVII, 307). Как видим, Утин не соглашался с такой точкой зрения, приписывая инициативу террористических и репрессивных мероприятий правительству, а не обществу.

⁶ Утин подразумевает, повидимому, М. С. Гулевича.

⁷ Утин считал возможным банкротство царской России, неизбежность которого, как мы уже знаем, предсказывал Волковский (см. прим. 4 к письму 7).

⁸ Отмечая, что *австрийский немец хотел бы либеральничать*, Утин имел в виду февральскую конституцию 1861 г. и другие мероприятия австрийского правительства, направленные на то, чтобы видимостью либеральных уступок укрепить положение власти и обеспечить преобладающую роль в политической жизни страны за немцами.

⁹ Статью «Что нужно делать разночинцам?» Огарев, повидимому, не написал.

¹⁰ Речь идет о статье Огарева «Письмо к „одному из многих“», напечатанной в «Колоколе», лл. 189, 190 и 196 от 15 сентября — 15 октября 1864 г. и 1 апреля 1865 г.

Paquis. 5, Rue du Prieuré
16 декабря 1864¹

Я получил вчера ваше письмо, добрейший Александр Иванович, и прежде всего хочу поблагодарить вас за него и не от себя одного, а от всех наших друзей... Как тяжел был для меня лично и для Натали удар известий о быстрой смерти одной малютки за другим² — удерживаюсь распространяться... Я хотел было скакать в Париж для того просто, чтоб помочь, если нужно, дорогому Огареву и вам в разных хлопотах и уходах... Тот же старый припев мешал мне исполнить мое желание — неимение денег... Просить вас передать от меня что-либо Огареву — я не хочу: тут ведь уж всякое слово, всякое, хоть и вполне горячее и неподдельное уча-

ствие, — ничего не облегчает, а, напротив, тяготит человека своею немощностью и бессилием... Единственное, просто сыновнее желание при этом — вы и сами знаете — это чтоб добрый патриарх оправился и ожил от убивающего потрясения... О вас мне говорить нечего — вашу сильную и бодрую натуру не могли и не могли бы сломить и еще сильнейшие потрясения, — оправляйтесь же скорее, Александр Иванович, устраивайтесь и... ну да вы знаете — и приезжайте к нам... Я сначала думал, что должен совершенно удержаться от разговора о *делах* на этот раз — вплоть до вашего приезда... Но ваш собственный вопрос в письме к Касаткину³ о *проектах* по типографии, ваше письмо ко мне, в котором вы упоминаете об общих делах, — побуждают меня заговорить теперь же. Во всяком случае, прошу вас *вовсе и не читать* дальше, если вам в минуту получения будет «не до того» — возможность чего я совершенно понимаю.

Прежде всего исполняю поручение друзей — мне поручено благодарить вас за ответ, в котором вы говорите, что сами стремитесь на свидание сюда, что вы не оставили своего решения переехать в Швейцарию и перевезти сюда Чернецкого. Кроме того, поручено просить вас и Огарева принять общее искреннее душевное сожаление и участие в горе, постигшем вас...

Затем, я буду говорить остальное все от себя самого... Я писал вам, что в Женеву собрались общие друзья наши — из разных мест. Действительно, *Мечников* приехал из Италии, известный вам деятель в польской революции *Якоби* бросил свои спешные занятия в Цюрихе для того, чтоб приехать сюда на общий съезд; здесь же и тот, который привозил к вам летом *мужичка*⁴, здесь Соловьевич, Жуковский, Гулевич и все остальные. Уже из этого вы можете видеть, что, во-первых, если люди нарочно собираются, значит интересуются весьма близко и хотят принять участие в *общем деле*, а, во-вторых, что в среде этих людей есть и весьма *способные* для труда личности и лица, охотно готовые участвовать, кроме личной пользы, своими *деньгами*... Будемте говорить же прямо и пропустите мне те выражения или высказывания, которые могли бы показаться вам резкими, тем более, что у меня нет на то ни малейшего желанья, и я вперед извиняюсь за все подобное.

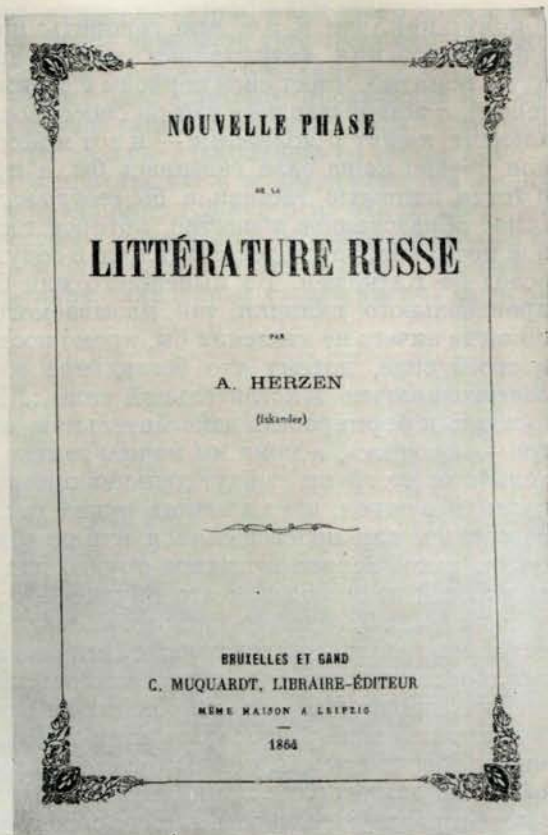
От вас, уважаемый Александр Иванович, зависит сойтись или разойтись со всеми этими людьми — для посильной работы и совокупного в ней участия — во имя той же желанной цели, прямое и свободное заявление которой мы слышали в своей юности от вас же... Вы проповедовали пятнадцать лет, мы учились у вас и в то же время, будучи в России, учились и у другого учителя — Чернышевского... Мы выросли и окрепли, и все, без исключения, из тех, кто теперь собрался здесь, — двинулись на прямое, *активное* дело... Случайность выбросила нас за борт действия революционного в самой России... но наше желание и наша готовность остались те же... Рассматривая строго нынешнее состояние России, мы убеждены, что наша готовность, при нашем положении эмиграционном, должна искать себе применения на деле в следующих четырех пунктах: 1) в пропаганде, 2) в прочном организации путей, как для постоянного сбыта в Россию пропагандистских изданий, так и для *корреспонденций* и получения известий из России... 3) в *связях* с людьми, могущими так или иначе быть полезными для нашего дела, 4) в конституировании и увеличении *фонда*⁵...

Пока главный вопрос сводится на 1-й и 4-й пункты — на *пропаганду* и *фонд*. Пути и люди, без возможности сравнения по своей солидности с *горбуном*, ручаются за быстрое устройство этого дела, а при пропаганде и коммуникациях — *связи* с людьми явятся естественно... Мы, собравшись, в ожидании вас, обсуждали и обсуждаем разные вопросы по общему делу — для того, чтоб по приезде вашем принести на окончательное обсуждение что-либо продуманное и наиболее подходящее к общему мнению... Вы

«NOUVELLE PHASE DE LA
LITTÉRATURE RUSSE» («НОВАЯ
ФАЗА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»),
BRUXELLES ET GAND, 1864

Отдельное издание очерков Герцена,
впервые напечатанных в газете «La
Cloche», 1864 г., № 44 и 45 от 25 мая
и 15 июня

Обложка книги

еще и во вчерашнем письме повторяете, что «всем прошлым были недовольны», это вы не раз говорили и мне и другим в Лондоне; вы сами не раз говорили, что вам одним невозможно долее вести «Колокола», — я думаю, что действительно программа «Колокола» должна быть расширена, категорически определена и затем, чтоб его столбцы наполнялись не случайными статьями, а известными отделами, живой материал для которых всегда есть и будет, но работа над которым слишком обширная, чтоб ее несли два человека. Я убежден, что пока лучший венец для вашей прошлой деятельности именно и заключался бы в том, что бывший вашим личным органом «Колокол» явился бы как общий эмиграционный орган: вы этим самым указали бы всем врагам, что за словами, за словесными сочувствиями *группируется вокруг вас и дело*. Сказав и показав, что «Колокол» становится общеэмиграционным органом, вы этим самым указали бы на *солидарность* партии или, вернее, группы революционной, группы людей, которые и здесь и еще более в России *хотят действия*. За каждым словом *такого* «Колокола» чувствовалась бы и друзьями и врагами *сила*, не личная, не индивидуальная, а обобщенная, совокупная, сплоченная *теперь* из десятка или двух людей, а скоро, при положительном вызове деятельного сочувствия в самой России, — *сила, сплоченная* из всего, что есть живого и революционного в России, а с такою силою *пришлось бы считаться*... При *таком* органе, имея в виду формирование *положительной силы* и сгруппирование ее вокруг себя настолько, чтоб служить ее свободным выражением, нам не к чему было бы *цензурировать* свои мысли и свою проповедь фиктивным сочувствием или немощным злобствованием так называемого *образованного* общества: мы раз навсегда знали бы,

к кому, как, что и *для чего* говорить; нам нужно формировать силу для способствования *эманципации* народа таким или другим путем (и этот путь, понятно, имеет свои периоды с своим ровным или ускоренным характером), а живой и годный как по способности, так и по большей готовности элемент лежит в *молодежи* — и вот к кому и велась бы наша речь, и рано или поздно наша сила сказалась бы, а прежде того почувствовалась бы, и тогда поневоле заставила бы *соображаться* с своими требованиями то самое образованное общество, которое теперь только по своей произвольной потехе виляет то действительно в сочувствие «Колоколу», то в рычание вслед за Катковым. Из нынешнего или бывшего сочувствия, вследствие произвольного влияния так называемого образованного общества, мы никогда ничего не извлекли бы, кроме постоянной невольной обманчивости в своей силе, потому что бессильное сочувствие никогда не могло бы *констатировать* действительной силы... Будемте же вместе искать, пробуждать и формировать действительную мощную силу, один из ее элементов — *молодежь*, а пока мы можем только думать о молодежи, потому что только из ее групп выйдут дальнейшие реальные *проводники* нашей пропаганды в народ; *пока* в наших руках нет иных, постоянных средств для говорения, для просвещения и влияния на народ, но у нас может быть сейчас самое верное и прямое орудие для влияния на формирование годных людей из молодежи; это орудие — согласная, единодушная, прямая *пропаганда*... Уже из сказанного, из такого полного важности воззрения на молодежь и полного исторической справедливости пессимистического отношения к так называемым образованным классам, вы видите, к какому убеждению пришли мы по отношению к требуемому характеру журнала. Вспоминая наши разговоры с вами в Лондоне, я почти готов был уверять наших общих друзей, что вы будете согласны с нами и что, основываясь на тех же разговорах с вами, вы не захотите отстранить, а, напротив, признаете серьезную важность нашего общего участия в таком органе. С другой стороны, смотря на дело такого органа слишком строго, понимая слишком его насущную необходимость для успеха революционного движения в России, мы должны были взвешивать все возможные случайности, *соображать* все самые неприятные превратности. Я вас слишком уважаю, чтоб знать, что и других, за их полную независимость и самостоятельность, вы можете только уважать, и потому буду передавать вам дальше совершенно прямо. Мы должны были наткнуться и остановиться на вопросе: а что, если А. И. не захочет делиться с нами общим сотрудничеством в требующем преобразования «Колоколе»? Нам представлялась печальная альтернатива: или сложить молча руки, зажать свой рот и похерить свою мысль и, значит, быть *заторможенными* в своих лучших желаниях и убеждениях или... или, желаястоять и свое участие в общем деле, — не отступить от создания *известного органа*... Понятно, что люди, не задумывавшиеся прежде о риске или гибели за *общее дело*, не должны были задумываться и тут: мы должны были (быть готовы) *ко второму разрешению* альтернативы. Но такого рода факт явился бы или явится, смущающий слишком грустными размышлениями: при всем менажировании друг друга, при всем приличествующем и заслуженном уважении младшего органа к старшему — между ними мог бы возродиться антагонизм; да если б и не возродился, разве не поразительно печально было бы явление двух органов в такой небольшой среде, разве тупоумные враги не торжественно глумились бы над каким-то *разрывом* между нами, а ведь это был бы в таком случае *разрыв* между учителем и учениками, но учитель не для того мог отдавать свою жизнь на поучение, и ученики не того имели право ожидать... Моя речь, Александр Иванович, слишком продумана и серьезна, и я ни на йоту не увлекаюсь здесь неуместною сентиментальностью, я хочу служить *только* делу; для этого дела и я, между другими, мог по-

рвать все привязанности на родине, начиная с семьи; ради этого дела я мог спокойнее и с уверенностью за отщипление перенести гибель своего лучшего друга и учителя⁶, ради этого же дела я и теперь настаиваю, и готов просто умолять вас поддержать и вести далее известное проявление и в настоящую минуту, может, единственное выражение этого дела — поддержать его тем, что вы поведете его дальше единодушно со всеми нами... И из-за чего стали бы настаивать и просить вас о таком порешении наших отношений, если б не из горячей преданности делу? И не заподозрите же вы в такой душевной речи пошлых побуждений мелкого самолюбия? Где оно? ему не может быть места в среде нашей, начиная с того, что никто из нас и думать не хочет о громких заявлениях своего имени. Ведь не

ФРЕЙБУРГ

Раскрашенная литография 1866 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

может же быть мотивов самолюбия или упрямства пустого там, где люди, все удержавшие за собою честные и уважаемые имена в разных средах бывшей революционной деятельности, — где эти люди готовы в крайнем случае создать свой журнал, не обращая внимания ни на какие крики и насмешки, рискуя навлечением укора и себе за такой или иной *раскол* в слишком небольшой среде русских деятелей... Но ответственность мы не приняли бы в таком случае только на себя, она откинулась бы и на вас, и вы сами сознали бы, что горечь укоров вызвана не нами. Все эти размышления слишком грустны... Я тороплюсь прервать их, я не могу допустить уместным возвращением их вследствие вашего ответа, — заставьте их своим решением кануть в Лету, — иначе, в тот день, когда я увидел бы нас в необходимости идти разрозненно друг от друга, в тот день я бы пожалел о многих верованиях моей юной жизни и, пожалуй, имел бы право прекратить тех, которые способствовали их развитию... То, что я говорю здесь от себя лично, я думаю, я мог бы повторить от лица всех других — я, по крайней мере, — что они хотят быть уверенными и готовы неотступно просить вас, во имя всем дорогого дела, не наносить ему ущерба, а, напротив, дать ему новый толчок и обеспечить его прочный успех — общим соединением нашим в одно и на одну работу. При устройстве тех

путей, за которые берутся люди, слишком близкие и слишком уважаемые именно теми людьми, чрез посредство которых пойдут пути, — при наших связях с прежними и попрежнему преданными друзьями в России — проникновение и распространение нашей пропаганды будет вполне гарантировано. Затем, при такой постановке дела, одним из важных пунктов нам представилась типография. Мы думаем, что в этом отношении *есть человек*, о котором впервые конституирующаяся русская эмиграция должна подумать в числе своих первых забот. Этот человек — *Чернецкий*, и между нами решено просить его вступить членом в наш дружеский круг. Мы думаем, что эмиграционная пропаганда должна иметь свою типографию, думаем, что ее следует устроить здесь и сделать полным ее собственником до смерти Чернецкого. Это была бы благодарность, заявленная в лице нашем всеми нашими общими друзьями человеку, столь много послужившему делу. Но при этом является вопрос *денежный*. Ваш карман слишком уже достаточно служил делу, мы хотели бы все принять равную долю участия и на себя — некоторые из нас имеют большие средства, другие — хоть малые; мы хотим, во-первых, сделать для начала одновременный вклад в Общий фонд и затем определить ежемесячный взнос. Этих средств, однако, вряд ли было бы достаточно для прочного обстройства всего. Поэтому мы думали и о фонде тех 20 тысяч франков, которые вручены вам сгинувшим на Маркизских островах...⁷ Из моих разговоров с вами я заключил, что вам не желательно было принимать за них и нести на себе одною всю ответственность. Я не забыл вашей готовности располагать хотя бы 200 фунтов = 5000 франков на половинной ответственности... Этих 200 фунтов было бы *более чем* достаточно для обеспечения и прочного поставления дела. Мы полагаем, что вы охотно согласитесь предоставить их на общее дело по устройству типографии, *коммуникаций* и поддержке их и по ведению журнала, при нашей готовности принять хотя бы эти 200 фунтов на нашу вместе с вами общую ответственность, и даже, если нужно, в нашей среде есть человек, который может, в случае непредвиденной надобности, вперед обязаться возратить эти деньги под страхом вексельного срочного обязательства. Кроме того, здесь и теперь есть шрифт, которым мы можем располагать, и в запасе у нас может быть *кредит* хотя бы на год или более в лучшей *словолитне*. Это пока и все, что я счел должным сообщить вам безотлагательно. Я не хочу вдаваться и представлять вам разные соображения впредь до скорого свидания, которое мы ждем с понятным нетерпением. Помните же пока только нашу энергичную единодушную просьбу — быть с нами и не оставлять нас. Мы просим вас об этом и верим в ваше благоприятное согласие. Лично от себя я считаю нужным известить вас, что Касаткин *разошелся* со всеми нами — я думаю, этот факт неуживчивости говорит пока сам за себя и потому, во избежание сплетенного характера, умалчиваю обо всем до свидания. Кружку всех друзей *не пристало* судиться с ним, но лично я, — я готов избрать вас судьей над всеми антипатичными для меня при общем деле ссорами Касаткина с нами. Я могу просить еще вас ни в каком случае не предпринимать дела о типографии в пользу его лица и его собственности и в ущерб Чернецкому и всем нам. Наш общий поклон вам обоим и крепкое пожатие руки.

Искренно преданный Вам

Н. У т и н

⁷ Публикуемое письмо, в основном посвященное подготовке женеvского съезда русских эмигрантов, состоявшегося в конце декабря 1864 г. — начале января 1865 г., представляет чрезвычайно большой интерес не только для истории этого съезда (подробнее о котором см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 15 и след.), но и для выяснения взаимоотношений Герцена с «молодой эмиграцией». Из него становятся ясными те расхождения, которые существовали между Герценом и «молодыми эмигрантами» и привели к неудачному исходу женеvского съезда и к последовавшему за

ним разрыву между «старой» и «молодой» эмиграцией. Ответ Герцена по существу предложений Утина см. в наброске его письма без обращения от 25 декабря 1864 г. («Лит. наследство», т. 61, стр. 275—276).

² Говоря о смерти «малюток», Утин имел в виду кончину 3 и 11 декабря детей Герцена и Тучковой-Огаревой — Лели-girl и Лели-boy, от дифтерии.

³ Письма Герцена к Касаткину, упоминаемые Утиным, неизвестны.

⁴ Кто привозил к Герцену «мужичка» — определить не удалось.

⁵ Под «фондом» Утин подразумевал «Общий фонд», организованный при редакции «Колокола».

⁶ Гибель «лучшего друга и учителя» — приговор Чернышевскому.

⁷ Утин имеет в виду деньги, оставленные Герцену на нужды революции П. А. Бахметевым, уехавшим в 1857 г. на Маркизские острова. О «бахметевском фонде» см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 526—528.

21

ОГАРЕВУ

Vevey. Rue d'Italie, 58
Четверг, вечер, 14 февраля 67
Отправлено в пятницу

Уважаемый Николай Платонович! Если я замедлил ответом, то только потому, что не хотел писать под первым впечатлением, желая дать вам ответ наиболее добросовестный.

Письмо ваше, полученное чрез два года после размолвки¹, носит двоякий характер: 1) оно повторяет обычные обвинения нас (меня и других — кого именно? — не знаю); 2) оно зовет на работу вместе с вами.

Если б оно заключало в себе только первую половину содержания, то наша речь должна бы порваться по бесполезности своей. Но я должен видеть в самом факте письма известную долю как бы доверия ко мне, цена которое я постараюсь удовлетворить вас по возможности определенным ответом.

Приступаю прямо к вашим обвинениям:

1-е. О письме А. И. Герцена к Александру II по поводу смерти наследника и не думал говорить. Я говорил о его письме по поводу Каракозова². Заговорив о нем между прочим, я вовсе тогда не хотел разбирать все наши разногласные взгляды на пропаганду — это было бы слишком длинно и вряд ли полезно; я указал только на то письмо, как на один из эпизодов, в коих очень резко выставлялась разница в наших отношениях к правительству, и указал не для того, чтоб корить тем, а потому, что в вашей программе было сказано: «Герцен напишет предисловие, в коем объяснит направление». Я заметил вам, что принять абсолютно этого пункта мы не можем; что если уже идет речь о направлении, то, прежде всего, мы должны выяснить и определить его сами меж собою. А когда вы возразили, что мы «конечно, не можем разниться с вашим направлением» и что ваше направление «вполне ясно постоянно высказывается в „Колоколе“», то я вынужден был сказать вам, что в «Колоколе» за последнее время — и за довольно долгое последнее время — вовсе не видно определенного направления, что «Колокол» свелся на *личный* (индивидуальный, если угодно) орган: 1) потому что в нем ведется речь *случайная*, по большей части без всякого отношения к современным событиям в России, — эти события и факты совершенно опускаются и проходятся мимо; через это «Колокол» утрачивает характер политического русского органа; 2) потому что в одном и том же органе — тем же самым автором — на весьма небольших промежутках — высказываются различные и даже противоположные отношения к императорству, к его персонификации (к которому, конечно, всегда должно относиться, как к кульминационному пункту враждебной силы). Как на пример я и указал на письмо к Александру II по делу Каракозова. Здесь мы расходимся очень определенно: мы отвергаем возможность какого бы то ни было обращения к Зимнему дворцу: понятное со стороны несчаст-

ной жертвы своей слепой веры — Мартьянова, такое обращение со стороны определенного политического органа может быть только вредно. Последняя (февральская 67 г.) статья Герцена задела заживо все было(е) разноголасие Петербурга и Лондона. Он сам констатирует, как относились «*пуритане демагогии*» к его обращениям³, к его хвальбам «Освободителю Галилеянину»⁴. Я думаю, что Герцен ошибся в выражении — он мог бы ограничиться выражением «*пуритане демократии*»: никто не хотел быть *коноводом*, хотели только стоять *радикально* на стороне народа. (Если же «*пуритане*» употреблено было б только в смысле формалисты, доктринеры, — обвинение, часто слышанное от вас, — тогда оно имело бы здесь только *бранимый* смысл, о коем я и не заговорил бы)... Грустно, но невольно вспоминаешь по этому случаю статьи в «Колоколе» 61 года: ответы на недовольство со стороны петербургских революционеров компромиссами «Колокола» с царем, — эти ответы переходили в «Колоколе» в брань⁵ и т. п. А между тем, я и теперь — и опыт времени оказался за Петербург — буду отстаивать справедливость отношения Чернышевского; я и теперь готов доказывать, что хвальбы Александру II уже потому были ложны, что землю крестьянам дала не «добрая воля царя», а горячее отстаивание ее Чернышевским и вами. Ваши статьи на тему «*народ царем обманут*»⁶ были гораздо последовательнее, чем тосты за Освободителя. Извините за переворачивание старого; я мог бы умолчать об этом и, верно, не стал бы протестовать à la Соловьевич против несогласного толкования Герценом истории; но я сказал здесь об этом, чтоб лучше выяснить нашу рознь. Это мне не мешает прибавить здесь же, что 3-я страница статьи Герцена (о влиянии и значении Чернышевского) вызывает полное горячее сочувствие тех, кто обязан Чернышевскому всем своим воспитанием... и, конечно, оно могло бы во многом заставить забыть все прошлые недоразумения *двух революционных партий*.

2-е. Вы как будто заподозриваете меня в согласии с протестом Соловьевича?? Я на это отвечаю вам категорически: я * с поляками никогда и ни на какое самое малейшее дело не пойду, ибо не считаю сего возможным; наши пути и стремления, наши принципы — общественные и частные — розны до противоположности. Но здесь вопрос сводится не на то. Если б речь шла о *Польше*, я прямо ответил бы вам, что считал бы непозволительным одобрять петербургское правительство, если б оно вздумало превращать Польшу хотя бы в социалистическую фаланстерию. Польская земля должна быть свободна от русского ига — и только до этого нам есть дело. Иначе мы станемся на скользкий путь, где цель оправдывает всякие средства; иначе мы должны бы восторгаться разными Бисмарками etc. С этим вы, конечно, согласны. Чтобы говорить о *Литве*, нужно сначала порешить, на каком праве действует в ней петербургское правительство? Решайте историей или этнографией; если вы решите, что Литва — не Польша да и не Россия, тогда петербургское правительство не имеет в ней никакого права распоряжения, и мы должны оставаться чистыми и непричастными ее солдатскому захвату **. Если же вы сочтете Литву русской

* Я употребляю слово *я*, а не *мы*, ибо говорю все только *от* себя и *за* себя: опыт научил меня, что, к сожалению, мы не можем ручаться за согласие взглядов даже двух-трех лиц. Я отвечаю только за себя и прошу это помнить относительно всего письма. — *Примеч. Утина.*

** Не осудите меня за узкий национализм — далеко нет! Но в нашем согласном положении — в *федерализме* — национализм ликвидируется только потому, что каждая часть, каждая группа общего целого *индивидуализируется*, получает свою *автономию*, можно бы сказать свою национальность. В федерализме, и, конечно, только в нем, найдет разрешение не только литовский, но и польский вопрос. Пока же мы осуждены на существующий беспорядок — признавайте, по крайней мере, вместо захвата хотя обычаем условную *автономию национальностей*. — *Примеч. Утина.*

губернией или областью, то и тогда должно принять то отношение к правительству, о коем говорено выше. Мы не можем помогать правительству в его стремлениях и идти одним путем; мы не можем предлагать ему дела, основанного на кредите, на денежном доверии, когда наше дело — и вполне патриотическое — указывать осязательно на неосновательность кредита как материального, так и нравственного и этому правительству на его банкротство. С этой точки зрения я понял бы протест Соловьевича. Переселения правительственные всегда бывали мошеннической проделкой, обманом и разорением.

3-е. Вы хотите «подстрекать правительство в его бессознательно-социальных поползновениях»? Мы видели достаточно эти бессознательно-социальные проекты правительства; одно имя могло бы быть опровержением вашему воззрению — *Муравьев*; вот орудие, избираемое правительством для своего социализма, — и он действительно хотел роздать солдатам землю в Литве — это, пожалуй, вполне революционная мера *à la Danton*, который предлагал Конвенту подобную же меру для земель под Парижем! но тут есть разница, о коей нечего распространяться. Резюме отсюда то, что все неопровержимые исторические данные твердят нам о неосновательности в чем-либо полагаться или рассчитывать на правительство. Пока мы не отнесемся к нему, как к язве, которая может только заражать и причинять бедствия, а не благосостояние народа, до тех пор у нас будут колебанья и непоследовательности, которые, конечно,

КОНЦЫ И НАЧАЛА

ИСКАНДЕРА

с предисловіем автора.

NORRKOEPING

Tryckt hos Eric Blomström

1863

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «КОНЦЫ
И НАЧАЛА»

Отдельное издание, 1863 г.

Титульный лист

не наставят молодежь на истинную дорогу, а наше дело попрежнему заключается в этом.

4-е. Здесь же вы говорите о дворянстве. Я замечу вам только, что *земство* — не дворянство; земство может и должно поглотить, ликвидировать дворянство в бессословности; и с земством, — в какой бы стесненной клетке ни являлось оно спервоначала, — мы должны считаться, должны искать в нем опоры, и если б не сыскали, — то создавать ее. Вот на что должна устремиться пропаганда в своем практическом применении. А я замечая, что в «Колоколе» проходит молчанием земство, словно игнорируется.

5-е. Остается упомянуть только об одном инциденте. Правда ли то, что Соловьевич оповещает в начале своего протеста? что он указывал вам заранее на свой протест? что он просил дать ему место в «Колоколе»? и что не только ему не удовлетворили, но даже типография отказалась печатать протест? Если это правда, то я не умею *двоить* своего суждения: всякие репрессивные меры, откуда бы они ни выходили, мне несочувственны. «Колокол», по-моему, сам должен бы предложить место протесту; вы должны бы все сделать, чтоб типография не могла отказать в напечатании; вы от этого не потеряли бы, а выиграли бы: вы обезоружили бы врага, если Соловьевич враг... иначе является монополия; иначе редакция «Колокола» справедливо вызывает упрек; иначе вы заставляете сочувствовать протестанту, принужденному отказом типографии говорить во всеуслышанье на общепонятном французском языке! *Помните*, что я спрашиваю вас — правда ли это, ибо не решаюсь верить прямо⁸.

6-е. Вы упоминаете еще о *Каракозове*, будто вас упрекают в неотдании ему достаточной хвалы⁹. Не знаю, кто упрекает вас так легкомысленно? Я же *вполне* в этом деле согласен с вами, т. е. что личность Каракозова вызывает глубокое уважение по своей выдержанности и самоотверженностью, но что самый акт был положительно вреден. Это вполне верно, и я готов бы сказать это публично.

7-е. Наконец, вы говорите, будто я «приписываю падение вашего издания тому, что оно, вследствие несправедливости (какой? почему?), отрицается десятью эмигрантами, а не тому, что оно не требуется целым населением людей». Здесь неверно то и другое: неверна приводимая вами причина, несправедливо, что я указывал на первое обстоятельство. Если «Колокол» не требуется целым населением, то вовсе не потому, что целому населению не потребна пропаганда, это невозможно, а по причине упадка своей *valeur intrinsèque**. Я же говорил просто, что вы не можете не видеть, как «Колокол» упал, что это факт, очень грустный (это не фраза!) и что вам следовало бы увидеть в нашем обращении к вам желание — насколько могут молодые силы — поддержать пропаганду; что вам пора перестать отвергать с пренебрежением юношей, что, наоборот, вы должны бы употребить все силы, чтоб извлечь пользу для вашего органа из каждого из нас... «Который раз уже, — говорил я вам, — отверженные, мы стучимся в дверь, и который раз уже эту дверь закрывают пред нами; спрос — не беда; проученные, мы опять уйдем в свои научные норы; но ответственность ляжет окончательно на вас; между тем, то, что мы обратились к вам опять, должно бы указать вам, что мы хотим дружного действия: мы именно обратились к вам в тот момент, когда Эллидин и Соловьевич повели свой раздор с вами громогласно — эти протесты, по-моему, должны были заставить вас отнестись искренне к искренности людей...» Тут-то и вызвал я вас на прямое высказывание о *доверии*. Вы указали только на один факт, касавшийся чисто одного Мечникова. (Я не думаю, чтоб

* внутренней ценности (франц.).

он оскорбился, но если и оскорбился, то вовсе не тем, что вы высказались прямо, а тем, что вы целый год вели с ним дела, печатали и хвалили его статьи и не высказывали ему своего недовольства и выслушивали его предложения; и высказали ему недоверие только прямо вызванные на то посторонним, мною, и при предложении общего журнала, где нужно бы иметь доверие того же свойства, как и вообще при приеме прежних статей, а не иное.)

Я предлагал вам: пусть соберется раз эмиграция или те, кто может работать в журнале, — пусть выскажутся раз прямо и *в лицо* друг другу, —

ЛОЗАННА

Раскрашенная литография 1866 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

тогда выйдет одно из двух: или люди искренне пожмут друг другу руки, или честно разойдутся и зажмут раз навсегда рты, любящие пробавляться насмешками и издевательствами за глаза, а таковых, поверьте, есть достаточно. Вот почему, кстати, вы могли бы действительно обвинять меня в резкости и прямоте (если сие вызывает обвинения?); я действительно говорил вам всегда и все *прямо*, потому что я никогда не хотел утаивать ни слова из сказанного мною про вас... Мне было бы противно заподозрить себя в малодушном умалчивании пред вами лично того, что я мог бы сказать или подумать за глазами. Вы же все ваши обвинения и теперь сводите на пошлое самолюбие и дерзкое озлобление, вы же и теперь, как и давно уже, видите в моих речах не убеждения, а «недобросовестность, происходящую вследствие каких-нибудь случайных раздражений, недоразумений и т. п.» (это ваши слова). Но я на этот раз несколько *не оскорбился* таким осуждением, — я заранее шел на риск быть снова и снова обвиненным в самолюбии и т. п. Мне только жаль, что вы так упорно предубеждены, и я могу только попросить вас — искренне, серьезно попросить, — подумайте, взвесьте, может ли здесь быть какой-либо мотив самолюбия? чего мы добиваемся? что мы хотим делить с вами? какое

тщеславие мутит нас? Вы должны бы помнить, что если я и стал бы писать в вашем органе, то, *во всяком случае, без имени, под псевдонимом...* Чего же мы ищем? уничижения вашего? возвышения своего? это даже дико звучит! Тогда мы не искали бы союза с вами, а становились бы против вас и не обрекали бы себя на целые годы молчания... вспомните мою горячую готовность труда в Лондоне и взвесьте, сколько нужно было подавить в себе, чтоб уйти на целые годы в науку, в восемнадцатый век!..¹⁰ Укажите мне только один основательный мотив *личного враждованья*, и я подпишусь под вашим приговором. Если же нет, то примите за верное то, что и в других людях могут быть убеждения, идущие прежде всего личного. Заканчиваю эту речь просьбою извинить меня, если вам покажется что-либо непозволительно резким; желания сказать вам неприятное у меня нет и не может быть, и, значит, здесь могло встретиться только мое неумение вылить в перекую форму свои мысли...

Ответ на вторую половину письма будет краток. Я уже сказал вам и повторяю — инициатива предложения, сделанного вам об общем журнале, шла *помимо меня* — от Жуковского и Мечникова. Тот и другой — я должен отдать им справедливость — относились и, вероятно, относятся (Жуковский — наверное) с большим доверием, нежели я. В то время я был в Базеле, и если Мечников и Жуковский присоединили к своему предложению и меня, то это, во-первых, потому, что я вынес мирное впечатление из разговоров с Герценом в Базеле¹¹, и мне казалось, что прошлое могло сдаться в архив; а во-вторых, потому, что Жуковский уже заранее заручился моим словом — быть готовым работать во всяком общем деле. Это слово я могу повторить и теперь. Я остаюсь с готовностью участвовать трудом в общем издании, если оно состоится. Мое участие ограничивается рамкой истории. Я готов бы писать исторические аналогические статьи, других я не умею; составлять лично программу целого журнала — я не чувствую себя призванным; вести часть редакции журнала — я не сознаю себя способным. Кроме того, я моложе всех других и сознаю, что должею еще употреблять много времени на личное образование и на возможность выбраться на самостоятельную материальную дорогу. Так определяется сфера моего участия в журнале. Мечников и Жуковский, вероятно, могут более обсудить вместе с вами *программу* журнала; Николадаев, сколько я слышал, очень способный публицист¹²; Гулевич, если б имел время, нашел бы материал для вклада. Говорят, что новый эмигрант, Щербаков, весьма умный и дельный человек...¹³ Дело, таким образом, сводится на *инициативу*. Я принять ее ни в каком случае не мог бы. Могу еще заметить о программе: Жуковский писал уже давно Герцену о статьях, кои хотели внести. Я предлагал «Провинциальные учреждения при Луи XVI и Земские при Александре II». Я мог бы предложить еще «Социальный вопрос в революции 89—99 года и социализм». Я принял бы, наконец, тот сюжет исторический, который вы, по общем обсуждении, нашли бы потребным. Что касается до денежных затрат, то, с своей стороны, я говорил Мечникову, что постараюсь бы оплатить мою статью. Я желал бы это исполнить и теперь, но вследствие сложных и неожиданных в то время обстоятельств — *я не могу ручаться* за оплату моей статьи, тем более, что не знаю объема статьи. Затем, судить более подробно о возможности журнала не умею, ибо вы говорите, что «в эмиграции в состоянии писать человека три-четыре, большую же часть нельзя допустить». Кого вы разумеете под теми и другими — не знаю.

Кончая, я вижу, что мой ответ неудовлетворителен, но он искренен и прям, и, благодаря вас еще раз за доверие, остаюсь преданным и уважающим вас

Николаем Утиным

¹ Настоящее письмо написано после длительного перерыва в переписке, вызванного охлаждением во взаимоотношениях между редакцией «Колокола» и «молодой эмиграцией». Этому письму Утина предшествовали следующие обстоятельства. 15 июня 1866 г. Герцен напечатал в л. 222 «Колокола» заметку, в которой, указывая на тяжелые цензурные условия в России, приглашал русских литераторов и журналистов основать за границей особый журнал типа заграничных ежемесячников («Реview»). Эта заметка Герцена дала повод эмигрантам Н. И. Жуковскому и Л. И. Мечникову обратиться к Огареву с предложением издать совместно с редакцией «Колокола» в виде пробы сборник статей теоретического характера. К этому предложению присоединился и Утин. В комментируемом письме он в связи с изложенным поставил ряд вопросов программного характера. Расхождение по этим вопросам и было главной причиной, вследствие которой предложение Жуковского и Мечникова не осуществилось. Подробнее об этом см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 26 и след.

² Герценовское «Письмо к императору Александру II» по поводу смерти наследника было напечатано в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г., «Письмо» по поводу покушения Каракозова — в л. 221 от 1 июня 1866 г. В последнем из них Герцен, между прочим, писал: «... пусть меня называют сумасшедшим и слабым, я пишу к Вам — так трудно мне окончательно расстаться с мыслью, что Вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле Вас» (XVIII, 407).

³ Утин имеет в виду третью часть статьи Герцена «Порядок торжествует», помещенную в л. 233-234 «Колокола» от 1 февраля 1867 г. Из нее и заимствованы Утиным слова «пуритане демагогии» (XIX, 125).

⁴ Утин делает намеки на старые либеральные промахи Герцена: в статье «Манифест», написанной Герценом по поводу манифеста об отмене крепостного права, Герцен писал про царя: «Мы приветствуем его именем *Освободителя*!» (XI, 59), а в статье «Через три года», написанной по поводу царских рескриптов о началах работ по «улучшению быта» крепостных крестьян, Герцен обращается к царю со словами: «*Ты победил, Галилеянин!*» (IX, 126).

⁵ Утин имеет в виду статью Герцена «*Repetitio est mater studiorum*», помещенную в л. 107 «Колокола» от 15 сентября 1861 г. и являвшуюся ответом на статью Чернышевского «О причинах падения Рима», в которой руководитель «Современника» подверг критике теорию «русского социализма» Герцена. Не называя имени Чернышевского, Герцен писал о намеренном искажении его мыслей «враждебной или желчевой критикой» (XI, 227).

⁶ Утин приводит цитату из статьи Огарева «Разбор нового крепостного права», помещенной в лл. 101, 103, 104, 105, 106 «Колокола» за 1861 г. и посвященной критике манифеста об отмене крепостного права.

⁷ Речь идет о полемике, которая была вызвана статьей Огарева «Продажа имений в Западном крае» в л. 229 «Колокола» от 1 ноября 1866 г., посвященной принудительной продаже русским правительством земель польских помещиков, принимавших участие в восстании 1863 г. Эта мера, направленная на насильственную русификацию края, не вызвала протеста со стороны Огарева, готового считать, что мероприятие, проводимое русским правительством, противоречит «религии собственности». Огарев высказывал надежду на то, что русскому правительству придется пойти и на «ликвидацию сословий», и советовал правительству продавать конфискуемую у поляков землю не русским помещикам и чиновникам, а крестьянам. Помимо резких откликов в польской эмигрантской прессе, статья Огарева вызвала негодующий протест со стороны А. А. Серно-Соловьевича, издавшего на французском языке брошюру «*Question polonaise. Protestation d'un Russe contre le „Kolokol“*». Перевод этой брошюры на русский язык см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 113—115. В «пражской коллекции» сохранился русский текст выступления А. А. Серно-Соловьевича в авторской редакции. Документ этот публикуется в следующем томе «Лит. наследства».

См. также относящуюся к данному эпизоду листовку Герцена «Нашим польским братьям». Русский текст ее впервые опубликован в «Лит. наследстве», т. 61, стр. 136, по корректурному оттиску, сохранившемуся в «пражской коллекции».

⁸ В своем «протесте» Серно-Соловьевич сообщал, что редакция «Колокола» отказалась не только поместить его «протест», но и напечатать его отдельной брошюрой в своей типографии, вследствие чего он и должен был прибегнуть к выступлению на французском языке.

⁹ Некоторые из представителей «молодой эмиграции» возмущались статьей Герцена «Иркутск и Петербург» (XVIII, 374), в которой Каракозов был назван «фанатиком».

¹⁰ Утин имеет в виду свои заявления историй Франции, результатом которых явился ряд его статей, напечатанных в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича. См. об этом в предисловии к настоящей публикации.

¹¹ Утин встретился с Герценом в Базеле в октябре 1866 г.

¹² О Н. Я. Николаеве см. в настоящем томе, во вступительной статье к публикации его писем к Герцену и Огареву.

¹³ О А. Я. Щербакове см. на стр. 726—729 настоящего тома.

Виноват, уважаемый Николай Платонович, что замедлил ответом, так как, собственно, мне нечего было обдумывать мой ответ, простой и краткий. В своем последнем предложении вы свели речь совсем на другое дело. Между нами шли разговоры и переписка об издании *нового журнала-обозрения* по установленной, определенной сообща программе и совокупной редакции. В этом смысле было писано ваше первое письмо, где вы хотели разъяснить разные недоумения — для того, чтоб более определить направление нашего общего органа, и где, рядом с тем, вы согласились с нами, что два разные журнала под одной общей им только оберткой — не имеют основания.

Ваше второе и последнее письмо совершенно неожиданным образом состоит из следующих трех пунктов: 1) Вы не согласны со мной в *девяти десятих* высказанного в моем ответе касательно нашего направления и розни. 2) Вы утверждаете, что для «Полярной звезды» никакой программы не нужно и что вы поместите имеющиеся у вас статьи ¹. 3) Вы предлагаете мне *под вексель* тысячу франков и в таком случае печатаете наши статьи, кои могут подоспеть и после уж набора ваших.

На эти три пункта я должен ответить следующее. Что касается до «Полярной звезды» в таком виде, в каком она была, то, действительно, для нее не требуется никакой программы, так как до сих пор она всегда составлялась из случайно накопившихся статей. Но для нас имел бы значение не случайный сборник, а определенный целесообразный радикальный журнал. Теперь очевидно, что наше желание создать такой журнал вместе с вами — рушится. А затем, вы сами знаете, что давать статьи в сборник, редакция коего и вместе с тем главные участники не согласны со мною в девяти десятих направления, — я столько же не могу, сколько и вы не можете их принимать. Таким образом, ясно, что ваше предложение мне о заключении долга *под вексель* в 1000 fr. — для напечатания «Полярной звезды» — я должен отклонить.

Я еще обращусь теперь к вам лично, уважаемый Николай Платонович, и так как вы решились задать вопрос о состоянии и богатстве и напомнить мне будто «я *самый* богатый человек в эмиграции, (разрешите) напомнить вам следующее. Я лично, не входя в сравнение с некоторыми другими, вовсе не считаю себя богатым человеком ². Впоследствии, я могу стать богатым человеком, точно так же, как могу лишиться даже и тех средств, коими располагаю теперь. Если случится первое, то, конечно, не понадобится напоминать мне о богатстве, и я сумею приносить им пользу, сообразную с моими убеждениями и воззрениями на общее дело. Но так как очень — и даже вернее, чем первое, — может случиться второе, — то я, повторяю, не только не считаю себя богатым, но, наоборот, пользуюсь своими нынешними случайными средствами для того, чтобы быть готовым зарабатывать свою жизнь трудом. Вы, может, слышали, что я занимаюсь теперь сухой ученостью, но вы, вероятно, не слышали, что это делается для того, чтоб получить возможность обеспечения своего существования. Имея в виду такую перспективу, я не могу приносить на себя необдуманных обязательств и тем более таких, которые относятся к предприятиям, не сосредоточивающим в себе весь горячий интерес дела, как я его разумею.

Кончая, я очень сожалею, что совершенно напрасно еще раз и безрезультатно дал повод — своей готовностью участия в *общем* деле — к обмену таких писем, в коих принужден был высказать вам известную долю неприятных вещей, которая, конечно, только еще более заставит вас от-

далиться от меня. Мне это тем более грустно, что я не могу не сохранить к вам благодарности за ваше прежнее искреннее дружеское расположение.

Преданный вам
Н. У т и н

¹ Во время переговоров между эмигрантами относительно издания нового журнала (см. предыдущее письмо) возник проект о возрождении «Полярной звезды», не выходявшей с 1862 г.

² Когда писалось это письмо, отец Утина был еще жив.

23

ОГАРЕВУ

1867 г. 28 марта

Вчера вечером я дал вам, Николай Платонович, по настоянию Д. ¹, заметку о запрещении «Невского сборника» и «Рефлексов головного мозга». Я писал ее, как вам известно, вслушиваясь в разговор, и потому не придал ей надлежащей формы. Теперь посылаю вам «в исправленном и дополненном» виде ².

Преданный вам
У т и н

¹ Д. — П. В. Долгоруков, участвовавший в 1867 г. в редактировании «Колокола».

² В л. 238 «Колокола» от 1 апреля 1867 г., в отделе «Смесь», были напечатаны коротенькие заметки Утина о конфискации русским правительством «Невского сборника», изданного В. С. Курочкиным, и о цензурном преследовании работы И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Н. И. УТИН — А. Д. ТРУСОВУ

«Кларан. Вторая половина мая — июнь 1869 г.» ¹

Друг Антон! Вместо моего визита в Женеву, я должен ограничиться письмом к тебе, так как жена моя продолжает страдать глазами с опасностью потерять их, и я не могу отлучиться в Женеву. Между тем я желал видеть Герцена, чтоб дать ему личный ответ на вопрос о типографии, предложенный мне в его записке и повторенный в разговорах с Щербаковым. Вопрос состоит, как тебе известно, в том, отчего мы задумали открывать особую типографию вместо соединения наших шрифтов с шрифтами лондонской типографии. Вопрос этот поднимался и прежде, когда мы окончательно отделились и от Бакунина, и от Элпидина. Ты знаешь, что никто из нас, ведущих теперь дела типографии и журнала, не может быть непосредственно ответственен за первоначальное устройство дела ². Мы давали деньги на покупку шрифтов, а Бакунин, восхищавшийся в то время бернскими либералами Лиги мира и свободы ³, желал, чтоб шрифты были закуплены для устройства русской типографии в Берне, полагаясь на скромность типографчиков Симена и Ридера. Мы искали этой скромности, потому что желали анонимности журнала; желали, чтоб он не явился личным органом кого бы то ни было. Но сам Бакунин помогал бернским либералам в болтовне и оповещал во всех письмах *официальных*, что он издает журнал, и таким образом его планы о Берне сами собою не достигали цели и, вместе с тем, уже ранее осуществления своего поглощали массу денег. Мы полагали, что можем довериться опытности Бакунина и его обещаниям об исправном ведении журнала, редакцию которого он удерживал на своей ответственности, но тотчас же за первым номером мы должны были убедиться, что Бакунин не способен ни к какой выдержанной работе, что, увлекаясь

как тщеславный старый ребенок, он бросается с одного на другое и готов бросить журнал только потому, что не видел еще *кануна* революции в России и мечтал о наступлении революции в Женеве. Затем, достаточно было еще двух месяцев, чтоб убедиться в недобросовестности отношений к нам Эллидина, готового эксплуатировать все средства, добываемые нами и друзьями, для своих сумасбродных фантазий. Разойдясь с ними обоими, мы остались с закупленными на наши средства шрифтами и с бюджетом, врученным нам для первого года издания журнала. Тогда-то, при вопросе о новом заведении типографии, сводившемся, впрочем, только на заведение помещения и приискание наборщиков, поднят был и вопрос о соединении с Чернецким — при посредничестве Мрочковского⁴. К сожалению, условия, предложенные Чернецким, были для нас невозможны, потому что Чернецкий предлагал нам внести шрифты и присоединить еще 5000 fr. для покупки скоропечатной машины; этих пяти тысяч у нас не было, и, кроме того, потребовались бы еще средства для нового локаля^{*} и т. д., и т. д. Затем мы должны были иметь в виду непременным условием — возможность дать работу нуждающимся людям из наших единомышленников, не принимая в соображение только коммерческих расчетов. Не к чему прибавлять здесь о том, что ты сказал в журнале уже от имени Редакционного совета, т. е. что мы должны были при устройстве иметь в виду обеспечение полной тайны посетителям типографии, — это, я думаю, могло бы быть достигнуто и при соединении с Чернецким, так как он известен своею скромностью и добросовестностью. Так не состоялось дело.

Теперь, Герцен спрашивает, почему не могли бы соединиться две типографии? Он прибавляет при этом, что Чернецкий имел бы право печатать всякую брань против него. Это, конечно, шутка, и ты можешь уверить А. И. Герцена, что мы никогда никакой брани и без того не позволим себе против него; мы ценим его семнадцатилетний труд, мы ценим ту выдержку, которой хватило у него и которой нехватает у других; мы можем идти теперь более резким путем, он сам сознает это, и он чрезвычайно честно и искренно уступает нам ведение пропаганды и высказывает сочувствие нашему делу, — такое отношение немногие умели сохранить к делу, и обыкновенно старые деятели относились озлобленно и насмешливо к молодым, — это озлобление мы встретили даже в Бакуanine, несмотря на его *fausse bonhomie* **; но мы не встретили такого озлобления в Герцене, и это обстоятельство должно еще укреплять наше решение относиться к нему с тем уважением, которое заслуживает семнадцатилетний труд на пользу дела и свободы, хотя бы это дело, или, вернее, практический путь к совершению этого дела понимался им иначе, чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений. Я полагаю, что это воззрение, разделяемое всеми нами, — с тех пор как в нашей среде нет шалунов и канканеров в виде Бакунина и Эллидина, — это воззрение должно быть известно Герцену раз навсегда, и ты хорошо сделаешь, если, как секретарь журнала, сообщишь ему его; вообще мы не имеем ничего против прочтения даже всего этого письма Герцену, и мы готовы повторить все это в письме к нему, хотя твои слова должны иметь еще более значения, чем мое письмо, носящее частный характер.

А теперь я перехожу прямо к одному вопросу, который постоянно стоял преградой для добрых отношений между Герценом и мною, к вопросу, неразрешение которого не могло не колебать значительно моего уважения к нему. Я назову этот вопрос сегодня прямо по имени, потому что, с одной стороны, самый запрос Герцена наводит меня на мысль

* помещения (от нем. «Lokal»).

** притворное добродушие (франц.).

о его готовности разрешить вопрос о соединении типографий именно тем способом, который я укажу; с другой стороны, разная болтовня и хвастовство, уверения Бакунина о том, что у него есть средства для печатания брошюр и разных катехизисов и что ему теперь не надо более денег для пропаганды в России (эти уверения были деланы им в Баси)⁵ и, кроме того, беседа моя с Нечаевым, о которой я здесь из скромности умолчу, но которую, если понадобится, я передам в точности, а пока довольно сказать, что беседа шла тоже о *типографиях*, — все это наводит на сильное подозрение и меня, и еще более других моих друзей, что вопрос поднят был Бакуниным и что Бакунин льстит себя надеждою получить в свое распоряжение двадцатипяти-тысячный капитал, врученный, как тебе известно, Герцену Бахметевым. Об этом капитале я не возобновлял с Герценом речи с 1864 г., когда он просил оставить пока это дело в стороне, и только раз в Базеле, в 1866 г. в августе, сказал мне, без всякого вызова с моей стороны, что капитал Бахметева помещен в типографию Чернецкого. Впоследствии, при схождении с Бакуниным, я говорил с ним об этом капитале, обязав его *честным словом* хранить полное молчание и не подымать ни в каком случае самому этого дела. Бакунин *не сдержал* слова, заговорил тотчас же с Чернецким, который сказал, что Герцен сказал мне так только, чтоб отделаться от моих *спросов* (?!), и, повидимому, Бакунин не сдержал и второй раз своего слова и теперь вздумал захватить весь капитал в свои руки.

Если б, паче чаяния, Герцен действительно ошибся бы настолько, — чего я не думаю, — чтоб доверить Бакунину ведение капиталом и употребление им, то нам, конечно, пришлось бы протестовать — мы легко разоблачили бы Бакунина и доказали бы, что он *самозванный* представитель молодой революционной партии и не имеет никаких серьезных связей в России; мы можем спокойно относиться к делу, зная, что капитал находится в руках Герцена и потому не подвержен растрате, но наш долг был бы указать и Герцену и обществу, что мы не признаем Бакунина способным вести общее дело и управлять общественными деньгами, и мы доказали бы *фактами* неспособность к тому Бакунина... Говорю так, потому что, как тебе известно, мы всегда считали этот капитал, так, как его считают и в России наши единомышленники, принадлежностью революционному делу. Другой вопрос в том, — *насколько* Герцен *доверяет* нашему представительству, *насколько* он считает нас продолжателями дела, начатого за границей им первым. В этом вопросе решение должно быть предоставлено ему самому и времени. Мы должны ждать, если Герцен хочет, того времени, когда своим журналом, распространением его в России, частыми корреспонденциями из России (которые ты начинаешь печатать уже в этом номере), когда мы убедим его в своей состоятельности и умелости. Мы можем желать, в интересе самого дела, скорейшего наступления такого доверия, потому что именно при начале дела требуются большие средства, и если бы Герцен знал, что стоило устройство путей в России, которых до сих пор так тщетно добивались и которых мы, наконец, добились, если б он знал, что стоит завязание связей на всех пунктах в России и поддержка многих поистине полезных людей, то он увидел бы, как мы стеснены еще, несмотря на готовность отдать все свои средства, и как быстрее пошло бы дело на всех пунктах, если бы мы обладали теперь средствами большими, чем все наши.

На этом я останавливаюсь, не желая быть назойливым. Если Герцен захочет, мы будем продолжать этот вопрос письменно или лично, и от этого вопроса, от ответа и мнения Герцена, конечно, прежде всего будет зависеть соединение типографий и отдача в печатание Чернецкому всех брошюр, которые мы имеем в виду для печати.

Потрудись узнать у Герцена его адрес, чтоб мы могли послать ему в корректуру ту статейку, которая будет в журнале по поводу его статьи; для того, чтоб он мог сказать, не желает ли он какого-нибудь изменения или опущения нашей статейки⁶.

До свидания. Весь твой
Н. У т и н

Приписка Трусова:

С подлинным верно:
А. Трус ов

Адрес Утина: A Clarens, M-r Outline—Maison Dupratz au Rasset

¹ Публикуемое письмо написано Утиным во второй половине мая или в июне 1869 г. Это видно из упоминания о разговоре с Нечаевым, приехавшим в Швейцарию весной 1869 г., а также из указания на то, что Герцен в то время находился в Женеве. Герцен был в Женеве с 10 мая до 30 июня (XX, 377 и 402).

Адресат публикуемого письма — Антон Данилович Трусоев — участник польского восстания 1863 г., приговоренный к смертной казни, но бежавший за границу, был одним из наиболее близких Утину людей. Вместе с Утиным он входил в редакцию журнала «Народное дело», являлся секретарем этого журнала и ведал его типографией. Вместе с Утиным он был одним из организаторов созданной в 1870 г. Русской секции I Интернационала, поддерживавшей Маркса в его борьбе с дезорганизаторской деятельностью Бакунина, которая вела к разложению Интернационала.

Публикуемое письмо, адресованное на имя Трусоева, в действительности предназначалось не столько для него, сколько для Герцена. Сообразно с этим Трусоев по получении письма Утина снял с него копию и переслал ее Герцену. По этой копии, сохранившейся в «пражской коллекции», письмо Утина и печатается в настоящем издании (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 117а). Герцен ответил Утину письмом, опубликованным Лемке (XXI, 414—415) в качестве письма к неизвестному.

Утин, рассчитывая, что письмо его будет доведено до сведения Герцена, пытался внушить ему преувеличенное представление о связях редакции «Народного дела» с Россией. В действительности, вопреки тому, что утверждал Утин, никаких корреспондентов в России «Народное дело» не имело. Связи же Утина и его товарищей с революционными кругами в России были ничтожны. Правда, группе «Народное дело» удалось одно время связаться с кружком М. А. Натансона, но к соглашению с этим кружком она не пришла. Вопрос о слиянии герценовской типографии с типографией «Народного дела», которому посвящено настоящее письмо, не получил благоприятного разрешения. Герцен и на этот раз не мог сойтись с Утиным и его товарищами.

² В 1868 г. группа русских эмигрантов, в которую входили Бакунин, Утин и другие, приступила к изданию журнала «Народное дело». Журнал этот печатался в типографии Эллидина в Женеве. Первый номер его, вышедший осенью 1868 г., был написан почти исключительно Бакуниным и имел отчетливый анархистский характер. Выход этого номера привел к резким разногласиям в составе группы, закончившимся ее расколом. Бакунин и Н. И. Жуковский вышли из состава редакции. Оставшиеся продолжали издание журнала, со второго номера коренным образом изменившего свою программу и отмежеввавшегося от бакунинского анархизма. Однако они встретились с большим затруднением, а именно — с отказом Эллидина печатать журнал в его типографии. Членам группы пришлось завести в Женеве собственную типографию, и это дало им возможность продолжать издание «Народного дела».

³ В 1867—1868 гг. Бакунин принимал деятельное участие в буржуазной Лиге мира и свободы. На ее конгрессе в Берне в сентябре 1868 г., убедившись в нежелании большинства членов Лиги принять предложенную им анархистскую программу, Бакунин вместе со своими последователями заявил о выходе из Лиги.

⁴ О Валериане Мрочковском см. ниже в разделе «Аннотации».

⁵ С весны 1869 г. Бакунин совместно с Огаревым и Нечаевым начал выпускать ряд воззваний, листовок и брошюр (прокламация «Русские студенты» Огарева, «Студентам университета, академии и технологического института», подписанная Нечаевым, «Несколько слов к молодым братьям в России» Бакунина, «Постановка революционного вопроса» его же, и др.). Что же касается пресловутого «Катехизиса революционера», то он был написан летом 1869 г. и держался Бакуниным в секрете. Весьма любопытно, что Утин уже в июне 1869 г. знал о его существовании, как это выясняется из настоящего письма.

⁶ О какой «статьке» идет речь, установить не удалось. Возможно она относилась к заметке Герцена по поводу «С.-Петербургских ведомостей». Заметка была написана Герценом специально для «Народного дела», набрана, но по каким-то причинам не появилась на страницах утинского журнала, чем Герцен был чрезвычайно оскорблен.